

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ)

Вестник ВЭГУ

Научный журнал
по социально-экономическим,
общественным и
гуманитарным наукам

№ 5 (97)

Сентябрь – октябрь 2018 г.

Издается с ноября 1995 г.
Выходит один раз в два месяца

Учредитель и издатель:

Восточная экономико-
юридическая
гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ)

Редакционный совет журнала:

Председатель редсовета
Е.К.МИННИБАЕВ
(гл. ред. журнала)
д-р ист. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

зам. председателя редсовета
С.В.ЕГОРЫШЕВ
(зам. гл. ред. журнала)
д-р социол. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

М.Х.АБУСЕИТОВА
д-р ист. наук, профессор,
чл.-кор. Национальной АН
Республики Казахстан
(г. Алматы, Республика
Казахстан)

АЛИЦА ВАНЧОВА
д-р пед. наук, профессор
(г. Братислава,
Словацкая Республика)

С.А.БАЛАШЕНКО
д-р юрид. наук, профессор
(г. Минск, Республика Беларусь)

ВИРДЖИНИЯ Ф.КЛИСТ
канд. экон. наук, профессор
(г. Моргантаун, США)

СОДЕРЖАНИЕ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

(педагогика, социология, юриспруденция)

Антонов В.И.

Китайское общество в фокусе социологии
будущего: взгляд Ли Куан Ю7

Антошкин В.Н., Касимов Р.Т., Смирнова А.В.

Социальные факторы девиантного поведения:
по материалам исследования общеобразовательных
школ Республики Башкортостан18

Быстрой Е.Б., Артеменко Б.А., Иванова И.Ю.

Педагогическая рефлексия как источник
профессионально-личностного
самоусовершенствования и
самоактуализации будущих педагогов33

Гарипова Н.М.

Музыкальный слух как функциональный
орган: сущность и принципы развития
в контексте задач педагогики49

Егорышев С.В.

Преступность в Республике Башкортостан и
ее деструктивное влияние
на социальное развитие региона60

Зайнетдинов Ш.Р.

Несистемные социальные элементы
в процессах качественных трансформаций
российского общества (по материалам переписей
населения 1923, 1926, 1937, 1939 годов)73

Р.Ф.ГАБИДУЛЛИН
канд. пед. наук, доцент
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

М.И.ГАРИПОВ
д-р пед. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

А.С.ГАЯЗОВ
д-р пед. наук, профессор,
член-корреспондент РАО,
действительный член АН РБ
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

Х.Н.ГИЗАТУЛЛИН
д-р экон. наук, профессор
член-корреспондент РАН
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

Ю.Ю.КОМЛЕВ
д-р социол. наук, профессор
(г. Казань, Республика
Татарстан)

Т.Н.НУРКАЕВА
д-р юрид. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

Н.Н.РАЗУВАЕВА
д-р ист. наук, профессор
(г. Москва, Россия)

З.Я.РАХМАТУЛЛИНА
д-р филос. наук, профессор
(г. Москва, Россия)

В.К.САМИГУЛЛИН
д-р юрид. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

ХАЯТИ ТЮФЕКЧИОГЛУ,
д-р социол. наук, профессор,
вице-президент Евразийского
союза социологов (г. Стамбул,
Турецкая Республика)

Редколлегия выпуска:

С.В.ЕГОРЬШЕВ,
отв. редактор, д-р социол. наук,
профессор

Лаврентьев А.Р., Фролов А.Н., Елисеева В.С.
О концепции административно-правового
ограничения прав граждан89

Ларина Т.Н., Спасенкова С.В.
Методологические и организационные основы
статистико-социологического исследования
социального развития сельских территорий
в изменяющихся экономических условиях
(на примере Оренбургской области)104

Литвинович Ф.Ф.
Преемственность в праве и правоотношениях:
вопросы методологии права113

Нуркаева Т.Н.
Специальные составы преступлений и
их место в системе Особенной части
Уголовного кодекса Российской Федерации120

Тюмасева З.И., Валеева Г.В.
Технология консультативной деятельности
по вопросам субъективной составляющей
здоровья обучающихся128

ЗА РУБЕЖОМ

Байкан Сезер
Основные проблемы турецкой социологии136

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Андреева К.Е.
Британская империя как государство147

Ганиев Н.Р.
Духовный вандализм как тенденция
современного общественного развития151

Шейхов М.Э.
Некоторые аспекты совершенствования подхода
регионального законодателя к вопросам
обеспечения национальной безопасности156

ЛЮДИ И ДАТЫ

Емелин С.М., Хакимов С.Х.
Историко-правовые аспекты деятельности уфимских
полицмейстеров в XIX – начале XX веков163

Х.М.АХМАДУЛЛИНА,
д-р мед. наук, профессор
М.И.ГАРИПОВ,
д-р пед. наук, профессор
Д.М.КИЕКБАЕВ,
д-р социол. наук, профессор
Ф.Ф.ЛИТВИНОВИЧ,
канд. юрид. наук, доцент
В.К.САМИГУЛЛИН,
д-р юрид. наук, профессор
Ю.В.СИРЕНКО,
канд. пед. наук, доцент
В.Д.ТЯПТИН,
канд. юрид. наук, доцент
О.А.ВАХИТОВА,
отв. секретарь журнала

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных тех-
нологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–65399
от 18.04.2016 г.

**Журнал включен ВАК
Минобрнауки РФ в перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий,
в которых должны
публиковаться основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на
соискание ученой степени доктора
наук по следующим группам
специальностей:**

**13.00.00 – педагогические науки
22.00.00 – социологические науки
12.00.00 – юридические науки**

**Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования**

Подписной индекс в каталоге
агентства «Роспечать»
81410

Исхаков С.М.
Представители мусульманских народов
Европейской России, Сибири и
Центральной Азии на Государственном
совещании в Уфе (1918 г.)173

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИЯ
на сборник документов и материалов
«Уфимская губернская чрезвычайная
комиссия. 1918–1922 гг.»
(Уфа: Полиграфдизайн, 2018. 612 с.)184

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию доктора юридических наук,
профессора Самигуллина В.К.
«Гуманистическое право»
(Уфа: Башк. энцикл., 2018. 224 с.)187

«Языкознание, литература и
гуманитарные науки народов Евразии:
прошлое, настоящее и будущее»190

Встреча в редакции журнала192

Eastern Humanitarian Academy of Economics and Law
(Academy of VEGU)

Vestnik of VEGU

№ 5 (97)

Scientific journal
on socio-economic and
social sciences and
humanities

September – October 2018 г.

Published since 1995
Issued once in two months

Founder and Publisher:

Eastern Humanitarian
Academy of Economics
and Law
(Academy of VEGU)

Editorial Council

Chairman of the Editorial Council
E.K.MINNIBAEV
(Editor-in-Chief)

Dr. Sc. (History), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

Deputy Chairman of the Editorial
Council

S.V.EGORYSHEV

(Deputy Chief Editor)

Dr. Sc. (Sociology), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

M.H.ABUSEITOVA

Dr. Sc. (History), Professor
Corresponding Member
of the National Academy of
Sciences of the Republic
of Kazakhstan
(Almaty, Republic of Kazakhstan)

ALITSA VANCHOVA

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor
(Bratislava, Slovak Republic)

S.A.BALASHENKO

Dr. Sc. (Law), Professor
(Minsk, Republic of Belarus)

VIRGINIA F. KLIST

PhD in Economics, Professor
(Morgantown, USA)

R.F.GABIDULLIN

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate
Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

CONTENTS

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES

(Pedagogy, Sociology, Law)

Antonov V.I.

Chinese Society in the Focus of the Sociology
of the Future: Lee Kuan Yew's Viewpoint7

Antoshkin V.N., Kasimov R.T., Smirnova A.V.

Social Factors of Deviant Behavior: Based on
the Research of Secondary Schools in the Republic
of Bashkortostan 18

Bystrai E.B., Artemenko B.A., Ivanova I.Yu.

Pedagogical Reflection as a Source of Professional
and Personal Self-Improvement and
Self-Actualization of Future Teachers33

Garipova N.M.

Musical Ear as a Functional Organ: Essence and
Principles of Development in the Context
of the Tasks of Pedagogy49

Egoryshev S.V.

Crime in the Republic of Bashkortostan and
its Destructive Influence on the Social
Development of the Region60

Zainetdinov Sh.R.

Non-System Social Elements in the Processes
Of Qualitative Transformations of the Russian Society
(According to the Population Census in 1923,
1926, 1937, 1939)73

Lavrentyev A.R., Frolov A.N., Eliseeva V.S.

On the Concept of Administrative and Legal
Restriction on Citizens' Rights89

M.I.GARIPOV
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

A.S.GAYZOV
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor,
Corresponding Member of RAE,
Full Member of the Academy
of Sciences of the Republic
of Bashkortostan
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

H.N.GIZATULLIN
Dr. Sc. (Economy), Professor
Corresponding Member of the Rus-
sian Academy of Sciences
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

YU.YU.KOMLEV
Dr. Sc. (Sociology), Professor
(Kazan, Republic of Tatarstan)

T.N.NURKAEVA
Dr. Sc. (Law), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

N.N.Razuvayeva
Dr. Sc. (History), Professor
(Moscow, Russia)

Z.YA.RAKHMATULLINA
Dr. Sc. (Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)

V.K.SAMIGULLIN
Dr. Sc. (Law), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

HAYATI TÜFEKÇIOĞLU
Dr. Sc. (Sociology), Professor,
Vice-President of the Eurasian
Union of Sociologists
(Istanbul, Turkish Republic)

Editorial board of issue

S.V.EGORYSHEV,
Managing Editor, Dr. Sc.
(Sociology), Professor

H.M.AKHMADULLINA,
Dr. Sc. (Medicine), Professor

M.I.GARIPOV,
Dr.Sc. (Pedagogy), Professor

D.M.KIEKBAEV,
Dr.Sc. (Sociology), Professor

F.F.LITVINOVICH,
Cand.Sc. (Law), Associate Professor

Larina T.N., Spasenkova S.V.
Methodological and Organizational Foundations
of Statistical and Sociological Research of Social
Development of Rural Areas in Changing
Economic Conditions
(Using the Experience of Orenburg Region)104

Litvinovich F.F.
Continuity in Law and Legal Relations:
Questions of Methodology of Law113

Nurkaeva T.N.
Special Offenses and their Place in the System
of the Special Part of the Criminal Code
of the Russian Federation120

Tyumaseva Z.I., Valeeva G.V.
Technology of Advisory Activities on the Subjective
Component of Students' Health128

ABROAD

Baykan Sezer
The main problems of Turkish sociology136

YOUNG SCIENTISTS' PUBLICATIONS

Andreeva K.E.
The British Empire As A State147

Ganiev N.R.
Spiritual Vandalism as a Trend of Modern Social
Development.....151

Sheikhov M.E.
Some aspects of Improving the Regional Legislator's
Approach to National Security Issues156

PEOPLE AND DATES

Emelin S.M., Khakimov S.Kh.
Historical and Legal Aspects of the Activity of Ufa
Police Chiefs in the 19th and Early 20th Century163

Iskhakov S.M.
Representatives of Muslim Peoples
of European Russia, Siberia and Central Asia
at the State Conference in Ufa (1918)173

V.K.SAMIGULLIN,
Dr.Sc. (Law), Professor

YU.V.SIRENKO,
Cand.Sc. (Pedagogy), Associate
Professor

V.D.TYAPTIN,
Cand.Sc. (Law), Associate Professor

O.A.VAKHITOVA,
Executive Editor

The Journal is registered in the
Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communication, Information
Technology and Mass Communications
Registration Certificate
ПИ № ФС 77–65399
of April 18, 2016

**The Journal is included by
the Higher Attestation Commission
(VAK) of the Ministry of Educa-
tion and Science
of the Russian Federation
into the List of the leading reviewed
scientific journals and editions
in which main scientific results
of doctoral and candidate degree
dissertations should be published
on the following group of specialties:
13.00.00 – Pedagogical Sciences
22.00.00 – Sociological Sciences
12.00.00 – Juridical Sciences**

**The Journal is included in the
system of the Russian Science
Citation Index**

**Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования**

The subscription index in the
catalogue of the “Rospechat”
agency is 81410

SCIENTIFIC LIFE

REVIEW of the collection of documents and
materials “Ufa Province Emergency Commission.
1918–1922” (Ufa: Polygraphdesign, 2018. 612 p.) ...184

REVIEW
of the monograph by Doctor of Law, Professor
Samigullin V.K. “Humanistic Law” (Ufa: Bashkir
encyclopedia, 2018. 224 p.)187

Linguistics, literature and the humanities
of the peoples of Eurasia: past,
present and future190

Meeting at the editorial office of the journal192

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

(педагогика, социология, юриспруденция)

УДК 314/316(510)

В.И.Антонов

Китайское общество в фокусе социологии будущего: взгляд Ли Куан Ю

Статья предваряется краткой характеристикой социологии будущего, ее основных параметров. Далее в работе автор обращается к имени и деяниям Ли Куан Ю, первого премьер-министра, сумевшего осуществить в бедном и отсталом обществе «экономическое чудо». В статье рассмотрены его футурологические взгляды на китайское общество, изложенные в многочисленных интервью, беседах и выступлениях.

Ключевые слова и фразы: социология будущего; Ли Куан Ю; будущее китайского общества; стратегия мирового восхождения; факторы сдерживания развития.

V.I.Antonov

Chinese Society in the Focus of the Sociology of the Future: Lee Kuan Yew's Viewpoint

The article deals with the brief description of the sociology of the future and its main parameters. It turns to the name and deeds of Lee Kuan Yew, the first prime minister of China, who managed to realize an "economic miracle" in a poor and retarded society. The author describes his futurological views on Chinese society, expressed in numerous interviews, conversations and speeches.

Key words and phrases: sociology of the future, Lee Kuan Yew, the future of Chinese society, strategy of world ascent, factors restraining the development.

Современный мир в своем социально-экономическом развитии многомерен и противоречив. Он отличается сложной и неоднозначной динамикой, которая зачастую бывает трудно предсказуемой. Поэтому изучение и выявление сущностных основ и особенностей этой динамики, причем с четким прицелом на перспективу, представляют собой нелегкую исследовательскую проблематику, а значит, могут быть включены в разряд весьма непростых задач для любой из социально-гуманитарных наук, будь то экономика, философия, политология, социология и т. д.

Антонов Владимир Иосифович, профессор кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктор философских наук, профессор, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ; конт. инф.: wlanto50@mail.ru

© Антонов В.И., 2018

В ряду вышеназванных наук по праву одно из ведущих мест должно отводиться социологии, точнее говоря, такому направлению комплексного характера, как «социология будущего». Но, увы, как справедливо отмечается, «социология – особенно в своих претензиях на объяснение «социальной динамики» общества – резко перестала быть востребованной со стороны *власти*. А между тем такая потребность существует, и она в той или иной мере удовлетворяется. Но уже не социологией, а другой отраслью общественнознания – политологией, политической наукой» [1, с. 311].

В современной социологии совершенно неприемлемо, чтобы она «ассоциировалась только со скромным жанром “социологических опросов”», недопустимо, чтобы «“конец идеологии” стал сигналом к модернистскому презрению к миру больших идей и социальных проектов», чтобы «мир для социологов сузился и “тематизировался” до “sociology of casual life” – социологии повседневности» [1, с. 311].

Правы и те авторы, которые пишут: «Социологические исследования в большинстве своем ориентированы на настоящее и проводятся как описание и объяснение социальных явлений, наблюдаемых в режиме “здесь и сейчас”. Однако объект и предмет социологии диахронны: объектом социологии является настоящее, но ее предметом (явным или латентным) – будущее» [2, с. 15].

Но если обратиться в целом к мировой социологии, то она, конечно же, отнюдь не обходила конкретные или глобальные вопросы, связанные с будущим человеческого общества. Причем «стремлению мировой социологии последних десятилетий “заглядывать” в будущее новые импульсы придала историческая социология... Выявляемые на методологической основе “историзации” тенденции, закономерности, образцы позволяют социологии отслеживать корни событий и процессов, видеть ретроспективы, строить на базе исследования прошлого и настоящего прогнозный анализ складывающихся трендов социального грядущего» [3, с. 14].

Стало быть, социология будущего в своем исследовании современного общества, его динамики и перспектив развития, основанном на методологической базе «историзации», должна обрести, прежде всего, стратегический характер. Будучи нацеленной на изучение и конструирование более или менее объективного социологического образа (картины) реальности завтрашнего дня, эта социология осуществима в единстве и неразрывной связи теоретической и прикладной социологии, возможна в синтезе многих направлений, призвана вобрать в себя соответствующие аспекты экономической социологии, политической социологии, социологии права, социологии культуры, социологии личности и т. д.

Само собой разумеется, социология будущего должна основываться на четко отработанной, строго апробированной инструментальной и категориальной базе. Потому во главу угла здесь необходимо вывести не столько количественные, сколько качественные методы. Выдвигаемые ею модели и гипотезы теоретического (социального) проектирования и прогнозирования должны быть строго выверенными, всесторонне обоснованными. Все это в совокупности как раз позволит социологии будущего добиться системного видения, глубинного проникновения в перспективные процессы и явления, еще не созревшие или едва созревающие в обществе, в человеческом мире. В этом видится важная ее прогностическая функция, ее футурологический характер.

«Социология будущего является по существу социологическим мегапроектом, нацеленным на то, чтобы консолидировать усилия теоретиков и практиков социологической мысли в преодолении пресловутого разрыва между социологической теорией и прикладной социологией. Также позитивную роль играет междисциплинарный эффект: социология будущего включает достижения различных социально-гуманитарных наук. Очевидно, что для постижения будущего следует основываться на знании, накопленном социально-психологической, правовой, культурно-антропологической мыслью» [4, с. 22]

В контексте вышесказанного особый интерес и смысл обретают высказывания выдающегося политика Ли Куан Ю относительно будущего современного Китая (причем с прогнозом исхода экономического соперничества КНР с США). Но прежде следует вкратце остановиться на этом имени и его творении – современном Сингапуре.

Имя Ли Куан Ю, первого премьер-министра маленького островного государства, затерявшегося «где-то в Юго-Восточной Азии», министра-наставника, человека, блистательно сумевшего вывести его из состояния беднейшего общества в «третьем мире» в разряд самых богатых и развитых государств, вряд ли нуждается в особом представлении. Когда речь заходит об этой феноменальной личности, то остается лишь констатировать как нечто беспрекословное и неоспоримое давно состоявшийся факт: он – отец-созидатель, творец «сингапурского экономического чуда». Ведь именно ему удалось осуществить почти невозможное в жизни страны, абсолютно лишенной собственных природных ресурсов, окончательно преодолеть межэтнические и межрелигиозные трения и реально гармонизировать взаимоотношения сингапурцев по этноконфессиональным признакам, создать единую сингапурскую нацию, победить коррупцию, добиться восхождения экономики, лежавшей на самой низине своего существования, на высочайший уровень развития благодаря умело и последовательно проведенной модернизации [5, с. 7–33].

Поэтому с полным основанием можно сказать, что «экономически современный, технологически развитый и интеллектуально продвинутый Сингапур и его главный творец в лице Ли Куан Ю – понятия взаимообусловленные и взаимозависимые. Во всяком случае, со дня образования независимого Сингапура вплоть до начала XXI столетия это понятийное взаимосцепление невозможно представить врозь, в разорванном виде. Перефразируя Владимира Маяковского, можно безошибочно утверждать: когда размышляешь о Ли Куан Ю, подразумеваешь Сингапур, когда думаешь Сингапуре, подразумеваешь Ли Куан Ю. Вот такая почти неопровержимая жизненная диалектика» [6, с. 64].

В самом деле, современный Сингапур – общество удивительное и неповторимое. Благодаря мощной экономической, финансовой, технологической, научно-интеллектуальной базе, заложенной под мудрым руководством Ли Куан Ю, страна-город, территориально в 1,3 раза уступающий современному Киеву, с населением в 5,9 млн человек, продолжает поражать своими феноменальными достижениями. Это прежде всего касается роста высокотехнологичной и сверхинтеллектуализированной экономики. Так, за 2017 г. абсолютный показатель ВВП этой крохотной страны составил 304,1 млрд. долларов, что в 3,25 раза превышает ВВП Украины (93,55 млрд. долларов) за тот же год. В то же время сингапурский ВВП за прошлый год составил почти четверть ВВП гигантской России. Между тем по ВВП на душу

населения в 2017 г. (54,052 тыс. долларов) Сингапур уверенно держится в первой десятке (Китай на 71 месте, Россия следует за ним, а Украина занимает 133 место).

Гениальный опыт модернизации сингапурского общества сделал Ли Куан Ю признанным политиком мирового масштаба. Сингапурским лидером восхищались Ричард Никсон и Генри Киссинджер. С ним мечтали встретиться Президент США Барак Обама и Председатель КНР Си Цзиньпин.

Поэтому правомерно Ли Куан Ю в мировой политике считали стратегом из стратегов, руководителем из руководителей, наставником из наставников. Тот же Барак Обама 29 октября 2009 года о нем отзывался так: «Ли – одна из легендарных личностей Азии в XX и XXI веках, один из тех, кто помог дать старт азиатскому экономическому чуду» [7, с. 11].

Несомненный интерес в интеллектуальном и политическом наследии этого уникального человека вызывают его футурологические взгляды на современные общества, которые у него бисером разбросаны в многочисленных выступлениях, беседах, интервью. Он вплоть до последних дней своей жизни (умер 23 марта 2015 г. в возрасте 91 года) постоянно размышлял о будущем своей страны. Непростой интерес проявлял к будущему национального экономического роста; геополитики и глобализации; демократии; исламского экстремизма. Но особое место в футурологическом видении развития мира Ли Куан Ю, безусловно, отводилось будущему Китая, США, американско-китайских отношений. Причем здесь наибольшую интригу представляет то, как и какими видит он перспективы становления КНР первой державой мира, т. е. возможности экономически опередить США.

Серьезны ли китайцы в своих намерениях сместить Соединенные Штаты с места державы номер один в Азии? В мире? Задаваясь этими вопросами, Ли Куан Ю ответил на них вполне утвердительно: «Разумеется. Почему бы и нет? Они преобразовали бедное общество при помощи экономического чуда и стали второй по величине экономикой мира – а если все пойдет нормально, как предсказывает банк «Голдман Сакс», станут крупнейшей мировой экономикой мира в ближайшие 20 лет. Они по американскому примеру запускали людей в космос и сбивали ракетами спутники. Их культура насчитывает 4000 лет, а население составляет 1,3 миллиарда человек, из них много талантливых, – огромный ресурс, из которого можно черпать очень и очень талантливых людей. Как же им не желать стать номером один в Азии, а со временем и в мире» [7, с. 30].

Надо сказать, что рассуждения Ли Куан Ю здесь органично вписываются в контекст социологии будущего. Ведь «основной интерес социологии будущего лежит... в том, что представляет креативный потенциал конкретных индивидов и групп, их ориентированность на созидание будущего» [4, с. 24]. Креативный потенциал современных китайцев, изо дня в день воплощаемый в реальном созидании большого будущего Китая, – факт неоспоримый, признанный во всем мире. Поэтому исследование данного феномена также должно быть вовлечено в предметное поле социологии будущего.

Но при этом, по мнению сингапурского лидера, нужно учитывать два немаловажных фактора. Коль скоро КНР реально вознамерилась стать величайшей в мире державой, т. е. экономическим локомотивом № 1 на всей планете, политика всех правительств, прежде всего соседних стран, по отношению к Китаю должна адекватно

учитывать данное обстоятельство. Поэтому эти правительства вынуждены перестраивать свои позиции, потому что они знают о последствиях, которые могут наступить, если они не будут соглашаться с Китаем, когда на кон будут поставлены его ключевые интересы. КНР может установить экономические санкции, просто закрыв доступ на свой рынок размером и потенциалом в 1,3 миллиарда человек, чьи доходы и покупательная способность, как известно, постоянно растут. Это – во-первых.

Примером действенности данного фактора является последний визит в Монголию (18–23 февраля 2016 г.) Далай-ламы, объявленного, как известно, в Китае вне закона как лидера тибетских сепаратистов. В Пекине по этому поводу выразили официальное недовольство, подкрепив его временной приостановкой воздушного сообщения, а затем повышением пошлины на горнорудную продукцию, замораживанием переговоров с Улан-Батором о предоставлении льготных кредитов. В результате монгольское общество пришло в некоторое замешательство. Правительство Монголии тогда поспешило заверить власти КНР, что оно больше не разрешит Далай-ламе въезд в свою страну.

Во-вторых, касательно другого фактора, Ли Куан Ю правомерно предупреждал, что в отличие от других выходящих на передовые позиции стран Китай хочет оставаться самим собой, т. е. хочет, чтобы его воспринимали именно таковым – обществом с китайской спецификой, а не как почетным членом Запада [7, с. 31].

Ли Куан Ю с пониманием относился к озабоченности США тем, что какой мир может ожидать Америку, когда Китай как государство и общество через 2–3 десятилетия обретет способность бросить реальный вызов их (Штатов) превосходству... Он глубоко понимает и озабоченность многих средних и малых стран в Азии. Ведь эти волнения вполне оправданы тем фактом, что Китай может захотеть «восстановить» свой былой имперский статус. Поэтому их волнуют естественные страхи в связи с тем, что они – эти азиатские страны – станут трактоваться как некие вассальные государства, вынужденные платить дань «Срединному царству», как это бывало в прошлые века [7, с. 32].

Ли Куан Ю затрагивал и проблему взаимоотношений в будущем между китайцами и сингапурцами. Он полагал, что китайцы рассчитывают на то, что сингапурцы с большим уважением будут относиться к Китаю, так как последний становится в мире и регионе все более влиятельным. Они твердят, что все страны, большие и маленькие, равны, что китайцы не гегемон. Но тут сингапурский лидер как бы вновь предостерегает всех. Когда кто-то делает что-либо из того, что им не нравится, они говорят: «Вы расстроили 1,3 миллиарда человек... А посему, пожалуйста, найдите свое место» [8, р. 331].

В чем, собственно, состоит стратегия Китая для превращения в номер один? Ставя такой вполне закономерный вопрос, Ли Куан Ю обращал внимание на главный вывод, к которому пришли и которым руководствуются ныне в китайском обществе: лучшая стратегия – это строительство сильного и процветающего будущего и оптимальное использование своей огромной и все более квалифицированной и образованной рабочей силы для того, чтобы победить в острой конкурентной борьбе с другими, в первую очередь – с США.

Высокая конкурентоспособность современного Китая, с точки зрения создателя «сингапурского чуда», обусловлена тем, что эта континентальная страна суме-

ла эффективно сфокусировать внимание на образовании молодежи, отбирая наиболее умных и талантливых в сферу науки и техники, а также экономики, делового управления и английского языка. Также Китай обоснованно и успешно делает упор на расширении своего влияния через бурно развивающуюся экономику. Поэтому в геополитическом аспекте понятно, как полагал Ли Куан Ю, тотальное использование во внешней политике китайцами языка дипломатии, мирных переговорных средств, нежели военной силы.

«Я считаю, – признавался он, – что китайское руководство уяснило, что, если будешь соревноваться с Америкой по вооружениям, то обязательно проиграешь. Станешь банкротом. Отсюда – избегай этого, не высывайся и улыбайся в течение 40–50 лет» [7, с. 34].

В то же время у Ли Куан Ю вызывала некоторое опасение политика «мирного возвышения», провозглашенная и последовательно осуществляемая на практике руководством современного Китая. Вот что он говорил по этому поводу: «Моей первой реакцией на выражение «мирное возвышение» было сказать представителю одного из мозговых центров: “Налицо противоречие в терминах; любое возвышение представляет собой нечто пугающее”. В ответ было сказано: “А что предложили бы вы?”. И я ответил: “Мирное возрождение, или мирная эволюция, или развитие китайского общества”. Восстановление древней славы, совершенствование некогда великой цивилизации. Но дело сделано. Теперь китайцам надо интерпретировать это понятие самым наилучшим образом» [7, с. 35].

В этой связи интересен и поучителен один конкретный диалог сингапурского лидера, состоявшийся с представителем китайского руководства. «Год назад китайский руководитель, которому было уже за 70, спросил меня: “Верите ли вы в наш лозунг о мирном возвышении?”. Я ответил: “Да, я верю, но с одной оговоркой. Ваше поколение прошло антияпонскую войну, “большой скачок”, “культурную революцию”, “банду четырех” и, в конце концов, через политику “открытых дверей”. Вы знаете, что существует много опасностей, чтобы подниматься вверх без инцидентов; внутри страны, в самом обществе, вам нужна стабильность, за ее пределами вам нужен мир. И тем не менее вы прививаете огромную гордость и патриотизм вашему молодому поколению в отношении восстановленного Китая... Все это так неустойчиво“. Китайский руководитель сказал, что они сделают так, чтобы молодежь поняла правильно. Ну, я (т. е. Ли Куан Ю. – В.А.) надеюсь, что они этого добьются. Когда-нибудь в будущем какое-то поколение посчитает, что оно созрело еще до того, как это случится» [7, с. 35–36].

Но насколько безоблачными и радужными являются перспективы становления Китая первой державой мира? Могут ли китайцы столкнуться с какими-то серьезными трудностями в осуществлении этой глобальной стратегии? Ли Куан Ю ответил на вторую часть своих вопросов утвердительно. Причем некоторые из этих трудностей считал непреодолимыми, по крайней мере – в обозримом будущем.

Во внутреннем плане главными препонами в реализации китайским обществом этой стратегической программы, как бы ни звучало парадоксально, могут выступить сама китайская культура и сам китайский язык. Также серьезным препятствием, по Ли Куан Ю, может обернуться пока что неспособность китайцев макси-

мально привлечь и включить в свое общество таланты из других стран, а со временем и методику эффективного управления этим процессом [7, с. 37].

У сингапурского руководителя вызывало большое сомнение и соответственно вопрос: смогут ли китайцы освободиться от своей собственной (традиционной) культуры; что означает необходимость отказа от насчитывающей пять тысячелетий истории. Торжество китайской исторической модели общества предполагало: пока центр силен и все держит под бдительным оком, страна в целом укрепляется и процветает, но когда центр ослабевает, император отдаляется от всего, до него как до гор высоко и далеко, появляется множество князьков в провинциях с сепаратными умонастроениями и устремлениями. Таково, по Ли Куан Ю, сущностное культурное наследие китайцев. Следовательно, китайские традиции продолжают регенерировать в современном китайском обществе более унифицированную систему правления мандаринов.

С другой стороны, по мнению Ли Куан Ю, отмеченному нами выше, главное препятствие на пути реализации глобального плана «Срединного государства» в современных условиях – это сам китайский язык. Тут даже политика «открытых дверей», объявленная китайским обществом, не всегда в состоянии эффективно и полномерно помочь в этом деле. Даже если Китай максимально распахнул бы свои двери для притока талантливых иммигрантов, как, например, США, то тогда как же может любой из них просто уехать туда и свободно влиться в китайское общество без совершенного владения китайским языком? Ни для кого не секрет, что китайский язык очень труден для изучения. Хотя разговорный китайский можно выучить за несколько лет, но совсем непросто, более того, чрезвычайно трудно научиться быстро читать и столь же оперативно мыслить на нем как объективно востребованном и действенном средстве международной коммуникации.

Ли Куан Ю давал довольно-таки жесткую, во многом скептическую, оценку в отношении глобального будущего китайского языка: «Я не верю, что китайский когда-нибудь станет главным языком в мире. Он слишком сложен для тех, кто не говорит на нем с самого раннего возраста. В нем нет фонетики, нет пиньинь (*официально принятая система записи звуков китайского языка латинскими буквами – прим. переводчика*). Они не перейдут на пиньинь, потому что тогда не смогут читать надписи на старых могильных камнях или древнюю литературу на бамбуке. Пока они не откажутся от старой письменности, изучение этого языка останется двойной проблемой. Сначала нужно научиться говорить и слушать, что очень сложно, потому что слова односложные и имеют пять тонов: четыре основных и один легкий. Во-вторых, нужно различать более 3000 иероглифов. Произношение некоторых можно определить, потому что между чертами в иероглифе есть связь, но одно и то же слово может иметь несколько разных значений. Одно и то же слово может произноситься по-разному. Это сложно» [9].

Таким образом, китайский язык в мировом восхождении КНР может невольно оказаться неким лингвокоммуникативным барьером, вызывая сопутствующие трудности, включая ментальные, психологические, для того чтобы масштабно привлечь таланты извне вовнутрь китайского общества. Лидер Сингапура с определенным скепсисом задавался вопросом: удастся ли Китаю это позитивно осуществить без использования английского в качестве главного языка. Но на сей счет есть убедительный и весьма удачный пример – опыт Сингапура.

Ведь банальной и в то же время естественной истиной является то, что в Китае дети первым изучают китайский язык, только затем приступают к изучению английского. Хотя они еще в подростковом возрасте имеют возможности отправиться в США или другие англоязычные страны и совершенствоваться там английский, но у них в головах, в памяти уже заложены весьма специфические с точки зрения англоязычных людей фразы, основанные на иероглифах, которые насчитывают более 4 тысяч лет.

Как признавался Ли Куан Ю, «несмотря на то, что я однажды посоветовал одному китайскому руководителю сделать английский язык первым языком в Китае, вполне понятно, что это нереально для такой великой и уверенной в себе страны и культуры. Но в этом заложен серьезный недостаток» [7, с. 42].

Он полагает, что Китай рано или поздно, но неизбежно сравняется по совокупному ВВП с США. Но на вопрос, сможет ли его творческий потенциал сравняться с американским, великий сингапурец отвечал по существу отрицательно: вряд ли, поскольку китайская культура, замкнутая на многотысячной истории и традициях, слабо допускает свободный обмен и соревнование идей.

Еще один острый момент, могущий обрести критический характер, Ли Куан Ю связывал с такой кардинальной проблемой управления обществом, как отсутствие в Китае правового государства (в эту управленческую конструкцию он, конечно же, вкладывает общепринятое западное, европейское понимание). В сегодняшнем Китае, по его мнению, положение внутри общества по своему внутреннему строению, иерархии власти в большей степени схоже с тем, что было при императоре. В КНР, как в былые времена, на местах, в провинциях маленькие князьки (правда, с иной номинацией: секретари парткомов как номенклатурные представители правящей Компартии) осуществляют свою удельную власть.

Но станет ли Китай демократическим? Ответ Ли Куан Ю однозначный: нет. Китай и не думает становиться либеральной демократией. Если он предпримет такой шаг, то китайское общество неминуемо рухнет. И это, в чем абсолютно уверен отец сингапурской нации, хорошо осознает китайская интеллигенция. Если кто-то считает, что в Китае назревает какого-то рода революция, тот глубоко ошибается. «Где сейчас студенты с площади Тяньаньмэн?» – вопрошает он. Они не у дел. Китайский народ хочет стабильности в своем возрождении [7, с. 46].

Китайцы боятся хаоса. Это у них уже на уровне инстинкта. Но они всегда будут ошибаться из-за такого опасения, переросшего в излишнюю осторожность. У них будет длительный эволюционный процесс, в нем они видят вероятность реальных перемен в обществе. Таков вердикт Ли Куан Ю.

Но он считал, что для достижения полноценной и глубокой модернизации общества китайские лидеры способны прибегнуть к различным методам, за исключением демократии и принципа одного лица и одного голоса при многопартийной системе. Возражение против этого у китайцев сводится к двум основополагающим моментам: Компартия Китая должна обладать монополией на власть, чтобы могла обеспечить стабильность в стране, и коммунисты не допустят неустойчивости и нестабильности развития общества, которые могут обусловить многопартийные свободные дискуссии. Последние неминуемо привели бы к потере контроля со стороны центра над провинциями с ужасными последствиями, наподобие того, что было в период правления милитаристов в 1920-е и 1930-е годы.

В то же время лидер сингапурской нации был убежден, что Китай хорошо понимает: для управления современным обществом ему необходимо строить правовое государство, но, разумеется, больше под китайским углом зрения. У него уже накоплен достаточно полный комплект законодательных актов для эффективной реализации их в правовом поле к 2035 году. Также китайское руководство давно осознало, что стабильная правовая система позволяет укрепить центральную власть. Кроме того, при наличии и возможностях правового регулирования рядовые граждане ныне защищены от произвола и вседозволенности власть предержащих чиновников. Деловые круги (конкретные лица и предприятия) тоже в состоянии, исходя из четкого понимания правовых норм и правил, планировать и осуществлять крупные и долгосрочные инвестиции. А для достижения на практике независимой судебной системы потребовалось целых двадцать лет. Тем не менее, эта система весьма преуспела в борьбе с таким неиссякаемым видом преступности, как коррупция.

Весьма симптоматична характерологическая оценка Ли Куан Ю, данная личности Си Цзиньпина еще в марте 2012 г. Это случилось за год до того, как он был избран председателем КНР. Тогда Си Цзиньпин как фактически будущий глава китайского государства значился основным преемником Ху Цзиньтао и занимал пост заместителя председателя КНР.

Как отметил Ли Куан Ю, у Си непростая судьба. На его долю выпала более сложная жизнь, чем у Ху Цзиньтао. Его отец был сослан на тяжелые исправительные работы в деревню, вместе с ним естественно и сам Си. Он довольно стойко и спокойно перенес все это. Затем последовательно стал продвигаться по карьерной лестнице в южных провинциях и дорос до поста секретаря парткома провинции Фуцзянь. После этого был направлен на работу в Шанхай, затем переехал в Пекин. Сие плавание не было для него таким уж гладким. Суровый жизненный опыт, должно быть, закалил его, сделал его исключительно выдержанным.

Он и как человек сдержанный. Но не в том смысле, что не станет или не захочет пообщаться, а в том понимании, что он не изменит свои предпочтения, не нарушит свои внутренние установки. У него на лице всегда приятная улыбка, независимо от того, что вы сказали ему или не сказали нечто его огорчившее. Он тверд и негибем, тверже Ху Цзиньтао, достигшего высот, не проходя через судебные процессы и заключения, которые пришлось испытать Си [7, с. 50].

Неудивительно, что сингапурский лидер был готов ставить Си в один ряд с личностями уровня Нельсона Манделы. Он считал китайского руководителя человеком огромной эмоциональной стабильности, который ни при каких обстоятельствах не позволяет своим личным напастям и страданиям влиять на собственные суждения и взгляды, отличающиеся трезвостью и взвешенностью. Этим он производит впечатление.

Отсюда резонно допустить, что нынешнему Китаю повезло с новым руководителем. Но, как говорится, приход сильного лидера – это всегда большие ожидания на сильный позитив. Это предтеча сильных решений, сильных стратегических ходов в развитии страны.

Ведь Китай, по мнению Ли Куан Ю, все еще остается в плену некоторых серьезных экономических проблем. Это прежде всего касается диспропорции в доходах между богатыми городами на восточном побережье и внутренними провинциями и в доходах внутри самих прибрежных (приморских) городов. Им необходимо внима-

тельно отслеживать этот фактор, иначе они могут столкнуться с сильным недовольством и гражданскими беспорядками в китайском обществе [7, с. 39].

Разумеется, имеются и другие, весьма непростые факторы, которые сдерживают современный Китай в экономическом соперничестве и вообще в стратегической борьбе с США за первенство в мире. Об этом также открыто рассуждал сингапурский руководитель. Здесь, в первую очередь, Китай хорошо понимает, что его экономический рост жестко зависит от импорта, включая энергоресурсы, сырье и продовольствие, хотя у него есть неоспоримое, причем колоссальное, преимущество: огромные человеческие ресурсы в лице исключительно трудоспособного и талантливого китайского народа.

...Китаю также необходимы открытые морские пути. Пекин беспокоит его зависимость от прохода через Малаккский пролив, открывающий путь в Индийский океан и на Запад, и он предпринимает многомерные шаги для ослабления этой зависимости [7, с. 34].

С точки зрения географического фактора развития государства и общества, если позволительно продолжить рассуждения Ли Куан Ю, Китай, безусловно, чувствительно уступает США. Америку можно назвать абсолютно открытой морской державой, точнее, океанской. С запада и с востока страна омывается водами Тихого и Атлантического океанов. А на севере через Аляску выходит на море Бофорта и сам Северный Ледовитый океан. Кроме того, имеет два крупных морских залива: на юге – Мексиканский; на северо-западе – Аляска; в западной части последней – еще три залива меньшего размера. США граничат с двумя государствами: на севере с высокоразвитой Канадой, а на юге с относительно развитой Мексикой.

Этого совершенно нельзя сказать о Китае. Выход в морское пространство у него носит все-таки ограниченный характер. Китай открыт для международных морских связей лишь в восточном и южном направлениях (и то не полностью). Причем эти связи эффективно осуществляются через акватории только трех морей – Желтого, Восточно-Китайского, Южно-Китайского, а также Тайваньского пролива и залива Бакбо рядом с Северным Вьетнамом. У Китая даже нет прямого выхода на Японское море. В других направлениях КНР граничит с внешним миром, имея, мягко говоря, не самые благоприятные природно-климатические условия. На юго-западе страны гигантскую территорию занимает суровое Цинхай-Тибетское нагорье. На западе тянутся Тянь-шаньские горные цепи, куда примыкает большая пустыня Такла-Макан. На севере простирается огромная пустыня Гоби.

Соответственно эти территории Китая не столь экономически развиты как его прибрежные (приморские) зоны. К тому же соседствующие с КНР регионы с точки зрения современной логистики, инфраструктуры и инвестиционного климата продолжают оставаться недостаточно развитыми. Есть страны (Мьянма, Непал, Таджикистан, Киргизия, Монголия) и территории (северные приграничные штаты Индии), которые в экономическом плане по-прежнему могут быть отнесены к ряду слаборазвитых государств и районов. Потому реальное развитие международных торгово-экономических связей со странами по указанному периметру становится возможным лишь благодаря мощной инициативе с китайской стороны, подкрепленной необходимой подпиткой финансово-экономического, технологического, образовательно-кадрового и иного характера.

Здесь немаловажное значение Китаем придается всесторонним отношениям с такими успешно развивающимися государствами, как Россия и Казахстан. В качестве одного из ярких примеров подобного рода можно назвать реализацию, начиная с 2010 г., китайского проекта «The Belt and Road» («Один пояс и один путь»), включающего ранее осуществлявшийся КНР «Экономический пояс Шелкового пути». Причем этот проект эффективно реализуется не только разными сухопутными, но и всевозможными морскими, океанскими путями. Нередко, по мере необходимости, оба варианта (сухопутный и морской) органично сочетаются, взаимодополняются, в конечном счете выстраиваясь в единый (при всем многообразии) экономический пояс, имеющий глобальное значение.

Таким образом, Китай в фокусе футурологического видения Ли Куан Ю предстает далеко непростым, во многом нестандартным в западном понимании обществом. Оценка им будущего этой страны в экономическом и стратегическом соперничестве с США, как видно из вышесказанного, характеризуется не только позитивными, но и в немалой степени критическими, нередко наполненными сомнениями, суждениями. Причем скептические суждения сингапурского лидера на сей счет в ряде неожиданных моментов, на которых он делает акцент и в чем нетрудно удостовериться, вовсе не лишены оснований. Однако правоту или неправоту его критических взглядов на будущее Китая в целом как общества и государства может подтвердить только грядущее время.

Но в итоге следует подчеркнуть: еще один весьма серьезный штрих (получается, что уже после смерти Ли Куан Ю) в экономическое и стратегическое соперничество Китая с США с плохо прогнозируемым исходом приносит торговая война, объявленная не так давно американской стороной в обход и нарушение основных правил и предписаний ВТО. Во что эта война выльется, к чему она реально приведет, прояснится в будущем. И здесь так или иначе, но в соответствующем ракурсе должна быть востребована прогностическая функция социологии будущего.

Список использованных источников

1. Щелкин А.Г. Историки социологии заглядывают в будущее социологии и... предупреждают // Проблемы теоретической социологии. Вып. 7. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. С. 309–315.
2. Иванов Д., Асочаков Ю. Будущее как предмет социологии // Телескоп. 2016. № 3 (117). С. 15–21.
3. Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13–22.
4. Волков Ю.Г. Социология будущего: подходы, поиски, проблемы // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 21. № 5. С. 14–30.
5. Антонов В.И. Имена в мировой политике: мозаика портретов и образов. Ч. II. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 250 с.
6. Антонов В.И. Ли Куан Ю – отец «сингапурского чуда» // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 2. С. 62–76.
7. Сингапурское чудо: Ли Куан Ю. М. : Изд-во АСТ, 2017. 288 с.
8. Lee Kuan Yew: Hard Truth to Keep Singapore Going. Singapore: Straits Times Press, 2011. 458 p.
9. Суровые истины во имя движения Сингапура вперед (фрагменты 16 интервью). URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1014325/Li_-_Surovye_istiny_vo_imya_dvizheniya_Singapura_vpered.html (дата обращения: 27.08.2018).

References

1. SHCHelkin A.G. Istoriki sociologii zaglyadyvayut v budushchee sociologii i... preduprezhdayut // Problemy teoreticheskoy sociologii. Vyp. 7. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2009. S. 309–315.
2. Ivanov D., Asochakov YU. Budushchee kak predmet sociologii // Teleskop. 2016. № 3 (117). S. 15–21.
3. Romanovskij N.V. Budushchee kak problema sovremennoj sociologii // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 11. S. 13–22.
4. Volkov YU.G. Sociologiya budushchego: podhody, poiski, problemy // Gumanitarij YUga Rossii. 2016. T. 21. № 5. S. 14–30.
5. Antonov V.I. Imena v mirovoj politike: mozaika portretov i obrazov. CH. II. Ulan-Udeh : Izd-vo BNC SO RAN, 2010. 250 s.
6. Antonov V.I. Li Kuan YU – otec «singapurskogo chuda» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2009. № 2. S. 62–76.
7. Singapurskoe chudo: Li Kuan YU. M. : Izd-vo AST, 2017. 288 s.
8. Lee Kuan Yew: Hard Truth to Keep Singapore Going. Singapore: Straits Times Press, 2011. 458 p.
9. Surovye istiny vo imya dvizheniya Singapura vpered (fragmenty 16 interv'yu). URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1014325/Li_-_Surovye_istiny_vo_imya_dvizheniya_Singapura_vpered.html (data obrashcheniya: 27.08.2018).

УДК 316.624

В.Н.Антошкин, Р.Т.Касимов, А.В.Смирнова

**Социальные факторы девиантного поведения:
по материалам исследования общеобразовательных школ
Республики Башкортостан**

В статье анализируются социальные факторы, детерминирующие девиантное поведение. Приводятся результаты прикладного сравнительного социологического исследования негативных девиаций среди учащихся в средних общеобразовательных организациях Республики Башкортостан. Отмечается, что девиантное поведение выполняет и позитивные социальные функции, а нормативное поведение может быть дисфункциональным и негативным. С позиции системного подхода профилактика деструктивной девиации предполагает согласованное функционирование политической, экономической, социальной, личностной, культурной

Антошкин Виктор Николаевич, профессор кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, доктор социологических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: Vicant21@gmail.com

Касимов Руслан Тагирович, аспирант кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: eklips911@gmail.com

Смирнова Анна Владимировна, аспирант кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: anna_sm75@rambler.ru

© Антошкин В.Н., Касимов Р.Т., Смирнова А.В., 2018

и экологической подсистем общества. Структура социальных факторов девиации представлена следующими компонентами: социальные институты, групповые общности, малые социальные группы. Фактор социальных систем доминирует и реально функционирует во взаимодействии с другими факторами – личностными, культурными и генетическими.

Ключевые слова и фразы: девиантное поведение; позитивные девиации; негативные девиации; социальные институты, культура, личность, природа, социальные факторы, учащиеся, социальные системы.

V.N.Antoshkin, R.T.Kasimov, A.V.Smirnova

Social Factors of Deviant Behavior: Based on the Research of Secondary Schools in the Republic of Bashkortostan

The article analyzes the social factors that determine deviant behavior. It presents the results of an applied comparative sociological study of negative deviations among students in secondary educational institutions of the Republic of Bashkortostan. It is noted that deviant behavior can perform positive social functions, and normative behavior can be dysfunctional and negative. From the position of a system approach, the prevention of destructive deviation involves the coordinated functioning of the political, economic, social, personal, cultural and environmental subsystems of society. The structure of social factors of deviation is represented by the following components: social institutions, group communities, small social groups. The factor of social systems dominates and really functions in interaction with other factors - personal, cultural and genetic.

Key words and phrases: deviant behavior; positive deviations; negative deviations; social institutions, culture, personality, nature, social factors, students, social systems.

Общество как социальная система имеет свою меру хаоса. Вместе с тем доминирующим состоянием общества является перевес социального порядка над социальным хаосом и нормативного поведения над девиантным. Социальный порядок выражается через социальную структуру общества, которая относится к социальной статике. Функциональные взаимосвязи могут носить профункциональный или дисфункциональный (девиантный) характер. Например, социальное неравенство и социальная иерархия носят устойчивый и стабильный характер. Однако если элита общества создает непреодолимые социальные барьеры для наиболее способных индивидов, то общество вступает в период стагнации и разрушения, роста количества деструктивных девиаций. Помимо социальной структуры, к социальной статике относится и социальная культура, обеспечивающая устойчивость и упорядоченность социальных отношений.

М.Вебер выделил четыре идеальных типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное. Согласно концепции М.Вебера, нормативным является только рациональное поведение. У аффективного и традиционного действия нет цели, результата, успеха, мотива, смысла и ориентации на других, то есть нет признаков социального действия. Только целерациональное и ценностно-рациональное действие суть социальное действие, а традиционное и аффективное к ним не относятся. Иррациональные действия М.Вебер относит к разновидностям девиантного поведения [1, с. 628].

Такая интерпретация вполне объяснима для наблюдателя немецкого общества, характеризующегося доминированием целерационального поведения. Однако, как показывает практика, социотипы с аффективной моделью поведения весьма успешно справляются с локальными и краткосрочными задачами, а группы с традиционной моделью поведения могут успешно функционировать при стабильной экономической ситуации. М.Вебер оценивал указанные модели поведения сквозь призму идеального типа немецкого общества. Поэтому в основе его типологии лежит единственный критерий – рациональная мотивация. Но необходимо учитывать не только планомерно-логические, но и спонтанно-эмоциональные типы человеческого интеллекта и поведения [2].

Анализ социальной девиации с методологической точки зрения целесообразно рассмотреть с позиции социокультурного анализа, когда процессы приобщения личности и социальных общностей к отклоняющимся формам поведения изучаются во взаимосвязи социальных систем, личности, культуры и природы. С точки зрения теории функционализма, социальные системы, биологические организмы, личность и культура взаимодействуют как согласованные узлы единого механизма. Каждый фактор выполняет свою функцию и это приводит к функциональному взаимодополнению. Дисфункции в этой системе социального действия оцениваются как отклонения от нормы, как аномалия, подлежащая устранению. Но в сложном и динамичном современном обществе мы наблюдаем противоречия и даже конфликты между социальными ожиданиями, культурными образцами, личностными желаниями и природными инстинктами. Поэтому дисфункции становятся разновидностью нормы и процесс взаимодействия личности, культуры, природы и социума носит противоречивый характер. Следовательно, на первый план выходит не задача запрещения неугодного поведения, а конструктивное разрешение противоречий между нормативным и отклоняющимся поведением посредством постепенного вытеснения второго первым.

Социальное поведение личности является ценностно-нормативным в разной степени. Социальное поведение может быть отклоняющимся от общепринятых норм и ценностей, а может быть адекватным социально-культурной системе. С увеличением числа социальных систем, в которые интегрирована современная личность, социально-ролевое поведение становится все более многообразным.

Рассмотрим основные формы отклоняющегося поведения личности: 1) аутическая; 2) асоциальная; 3) девиантная. Форму отклонения социального поведения личности от потребностей, интересов и способностей самой личности можно обозначить как аутическую форму отклонения. Данное поведение направлено на игнорирование личностью собственного природного и личностного потенциала, своих способностей и потребностей. Оно направлено на самоуничтожение, саморазрушение личности (наркомания, алкоголизм, суицид, терроризм, религиозный экстремизм и т. п.). Иначе говоря, аутизм направлен против самой личности.

Личность способна отказываться исполнять те или иные социальные роли, игнорировать социальные ожидания. Следует иметь в виду, что сами социальные роли могут быть деструктивными, например, в молодежных бандах, тоталитарных сектах и других криминальных общностях. В этом случае отказ личности реагировать на социальные ожидания группы квалифицируется как позитивная девиация.

Некоторые социальные роли могут носить антигуманный характер и одновременно противоречить интересам, потребностям и способностям самой личности. Любое поведение личности, направленное на отказ играть социальные роли, может быть обозначено как асоциальное отклонение. Асоциальные действия, как мы уже показали, могут быть со знаком «плюс» и со знаком «минус».

Асоциальное отклонение является следствием противоречия между ожиданиями социальных систем и потребностями, интересами и способностями личности. Покажем это на примере сельской молодежи. В шкале ценностей молодого поколения особое место занимает свобода, которая постепенно выходит на один уровень с фактором материального благополучия. Наличие на селе узкого круга профессий, низкий престиж работников несельскохозяйственных специальностей – это лишь часть более общей причины миграции молодежи из села, которую можно обозначить как ограничение свободы (свободы выбора в широком смысле, свободы поведения и самовыражения в семье, на производстве и т. д.). Город предоставляет личности больше возможностей для выбора альтернатив решения жизненных вопросов, сохранения своей индивидуальности. Ограничение свободы личности связано не только со специфическими особенностями и объективными материальными возможностями деревни, но и с множеством искусственных препятствий, воплощенных в субъективном факторе.

Третья форма отклоняющегося поведения может быть названа собственно девиантным, поскольку демонстрирует отказ следовать ценностно-нормативной модели (отклонение от культурных образцов). Таким образом, можно выделить формы отклонений, связанные с социальными системами, личностью и культурой [3, с.111–112].

Кроме того, нормативное или отклоняющееся поведение может иметь внешнюю (адаптированную) форму и внутреннюю (интериоризированную) форму. В первом случае на поведение личности влияет внешний социальный контроль, а во втором случае поведение человека регулируется самоконтролем.

Р.Мертон классифицировал пять типов поведения-адаптации личности к принятым в обществе целям и одобряемым средствам их достижения [4]. Только две формы адаптации личности – конформизм и ритуализм – являются нормативными. Три других – инновация, ретретизм и мятеж (бунт) – являются девиантными. Неслучайно в современной России инноваторы нередко подвергаются негативным санкциям за свои действия, а рутинные, стандартные действия поощряются, это имело место и в другие периоды истории. Инновационное поведение наказывается не за то, что оно способствует достижению официально декларируемых целей и ценностей, а по формальному признаку – выход за рамки жесткой нормативной системы. В результате тормозится социально-экономическое и духовное развитие общества. Следовательно, как уже отмечалось, девиантное поведение может выполнять позитивные социальные функции, а нормативное поведение бывает дисфункциональным и негативным.

Обратимся к результатам проведенных нами социологических опросов 2015 г., 2016 г. и 2017 г. и проиллюстрируем указанные формы отклонений. В ходе исследований была использована репрезентативная квотная выборка по социальному и территориальному признакам, включающая учащихся общеобразовательных школ

городов и сельской местности Республики Башкортостан, а также ряд категорий взрослого населения. Эти респонденты дифференцировались по признакам территории проживания (город – село), по видам занятости и социального статуса.

Девиантное поведение подростков – одна из актуальных проблем современной школы. Табакокурение, употребление алкоголя и наркотиков стали, к сожалению, постоянными спутниками нашей цивилизации. В статье представлены данные социологического исследования учителей и старшеклассников г. Уфы, проведенное в 2015 году [5; 6]. Опросом были охвачены более 600 учителей и 1200 учащихся 14 общеобразовательных учреждений всех семи районов г. Уфы. Выборка в каждом районе включала одну гимназию и одну общеобразовательную школу. Кроме того, в выборку включено одно негосударственное образовательное учреждение и башкирская гимназия (опрос был проведен в двух башкирских гимназиях, поскольку одна из них включена методом случайного отбора).

В 2016 году было проведено социологическое исследование среди сельских жителей, проживающих в населенных пунктах Байгильдинского сельсовета Нуримановского района Республики Башкортостан, а также учителей и учащихся Байгильдинского сельского лицея. В 2018 году социологическое исследование охватило сельские школы из пяти районов Башкортостана. Выборочную совокупность представляют районы, в которых, по данным статистики, обнаружено наибольшее количество малокомплектных школ. В исследовании больше внимания уделялось одной из форм девиантного поведения – употреблению подростками алкоголя (см. табл. 1).

Таблица 1

Употребление различных видов алкоголя городскими и сельскими подростками и частота его употребления (в скобках данные в % по Уфе, за скобками – в сельской местности)

Варианты ответов		
Употребляете ли вы пиво?		
Да	1-2 раза в месяц и реже	Никогда
13 (11)	18 (13)	69 (76)
Употребляете ли вы вино?		
Да	25 (29)	57 (61)
18 (10)		
Употребляете ли вы крепкие спиртные напитки?		
Да	1-2 раза в месяц и реже	Никогда
14 (8)	20 (18)	66 (74)

Как видно из таблицы 1, число употребляющих алкоголь подростков в городской местности ниже, чем в сельской местности, что связано с условиями проживания

ния и контроля со стороны родителей, а также в городской местности больше возможности в сфере проведения досуга, чем в сельской местности, так как в большинстве сел отсутствуют кружки и секции.

Данные по условиям потребления подростками алкоголя представлены в соответствии с проведенным опросом в таблице 2. Отраженные в таблице 2 данные показывают, что первое место среди причин потребления алкоголя занимает мнение подростков о том, что он способен снять напряжение, стресс (28 % у городских подростков, 24 % – у сельских). Подростковый возраст отличается возросшей зависимостью от мнения и отношения сверстников.

Обращает на себя внимание большая зависимость сельских подростков от социального окружения. Отметим, что на это в разной степени указали 36 % селян и 26 % горожан.

В мотивах отказа от употребления спиртных напитков лидирует такой фактор, как вред для здоровья. На него сослались 26 % сельских и 30 % городских старшеклассников. К сожалению, потребность в алкоголе выше у деревенских школьников. Так, на отсутствие потребности указали 20 % городских и только 9 % сельских учащихся.

Таблица 2

Причины употребления алкоголя? (в %)

№ п/п	Обоснование потребления алкоголя подростками	Ответы сельских учащихся	Ответы городских учащихся
1	Не хочу, чтобы думали, что мне «слабо»	2	18
2	Потому что мне запрещают употреблять алкоголь	4	26
3	Я испытываю удовольствие от алкоголя	12	9
4	Алкоголь помогает мне снять напряжение (стресс)	28	24
5	Алкоголь помогает мне уйти от реальности	12	18
6	Алкоголь облегчает мое общение со сверстниками	6	3
7	Алкоголь употребляют мои друзья	10	12
8	Употреблять алкоголь престижно	4	3
9	Алкоголь позволяет мне выглядеть старше своего возраста	2	3
10	Помогает мне познакомиться (с девушкой, юношей)	9	11

Очевидно, что сказывается влияние окружающей среды и, в первую очередь, семьи и старших жителей.

Причины отказа от алкоголя рассмотрим в таблице 3. На основании данных таблицы 3 видно, что большинство подростков отказываются от потребления алкогольных напитков из-за вреда для здоровья. При этом доля подростков, отказавшихся от алкоголя по данной причине, в сельской местности составляет 30 %, в городской – 26 %.

Отсутствие в потребности алкоголя заметили 20 % подростков сельской местности и 9 % подростков городской местности. По причине отсутствия денег подростки сельской местности не отказываются от алкоголя, а среди городских опрошенных подростков таких всего 5 %.

Таблица 3

Причины отказа от алкоголя? (в %)

№ п/п	Причины отказа от алкоголя	Ответы сельских учащихся	Ответы городских учащихся
1	Мне запрещают употреблять водку и другие спиртные напитки	4	9
2	Из-за болезни	3	2
3	Чтобы не думали, что мне «слабо»	2	1
4	Алкоголь может испортить внешность и фигуру	10	12
5	Боюсь, что не смогу контролировать себя, когда выпью	5	7
6	Не хочу быть похожим на других	5	7
7	Это вредно для здоровья	30	26
8	У меня просто нет такой потребности	20	9
9	Я видел плохие примеры	8	8
10	Боюсь зависимости от алкоголя	2	2
11	Думаю, что это мне не доставит удовольствия	4	6
12	Это вызывает у меня неприятные ощущения (нехороший вкус, головокружение и т.д.)	5	2
13	Употреблять алкогольные напитки не принято среди моих друзей	1	1
14	Нет денег	0	5

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что работа по предотвращению подросткового алкоголизма дает свои плоды, однако требуется дополнительная работа преподавателей, родителей, социологов и психологов для дальнейшего предотвращения подросткового алкоголизма.

Личность – это результат отношений между людьми, продукт образования и воспитания, высших достижений человеческого духа. Иначе говоря, личность – социокультурное существо. Однако личность живет не только в социально-культурной системе, но и в природной среде, органической системе (биологический организм). Поэтому помимо искусственного человеческого мира, люди являются продуктом окружающей и внутренней природной среды. В истории социальной мысли присутствуют теории, которые превозносили идею «естественности» (философия естественного воспитания Ж.Руссо), концепции, которые обвиняли культуру, вытесняющую при помощи различных запретов естественные влечения в сферу бессознательного (психоанализ З.Фрейда и аналитическая психосоциология К.Юнга).

Действительно, существует конфликт между культурой и природным началом человеческой натуры. Принятие на уровне государства репрессивных законов на основе идеологии консерватизма призвано подавить естественные побуждения человека, в частности, спонтанное поведение или сексуальное влечение. Но попытки вытеснить природные инстинкты традиционной культурой чаще всего терпят крах, поскольку человек наполовину является животным существом. На выходе мы наблюдаем не обуздание инстинктивной природы, а резкое возрастание агрессивности и экстремизма в тех странах, где запреты наиболее строги.

Искусственные стандарты, правила, образцы социальных отношений далеко не всегда становятся нормами, даже если парламент страны примет соответствующий закон. Они должны быть приняты людьми и общностями как разумное и естественное самоограничение. Внешний закон должен превратиться в общепринятые нормы, обычаи и традиции. В таком случае различные нормы обеспечивают стабильность и упорядоченность социальных отношений.

Важнейшим компонентом культуры социума являются ценности. Ценность определяется значимостью различных благ для личности и социальных групп. Нормы и ценности с развитием общества и социальной динамикой могут устареть, и новый социальный опыт приводит к их обновлению. В любом случае стержневая функция культуры состоит в обеспечении упорядоченности и устойчивости общественных отношений.

Именно культура аккумулирует социальный опыт, отделяет нормативное поведение от девиантного. Консервативная и генетическая функции культуры обеспечивают сохранение нормативных рамок человеческого поведения. Но поскольку социально-экономические условия жизни людей подвергаются постоянной динамике, то устаревшие культурные рамки неизбежно вызывают рост девиаций в социальной системе, а нарушение изживших социальных порядков вызывает применение различных санкций со стороны институтов культурного контроля. Общество как социальная система представлено множеством подсистем: семья, организации, неформальные группы, регион, город, личность. На самых различных уровнях обнаруживается взаимодействие личности, социальных систем, природы и культуры.

Культура, выполняя демаркационную функцию, проводит социальную границу между общностями. Поэтому социально-культурные ожидания по отношению к представителям разных поколений, этносов, классов, полов, территориальных групп различаются. Если в прежних типах общества существовали юридические запреты для конкретных социальных общностей, то в современном обществе весьма эффективно действуют неформальные способы контроля, в том числе механизм общественного мнения.

Девиации в обществе – закономерное явление, поскольку мера хаоса обнаруживается в любой социальной системе, находящейся за пределами культурной регуляции и контроля. С другой стороны, не полностью совпадают личность и культура. Нестандартность, уникальность личности выходит далеко за пределы традиционных норм и ценностей.

Связующим звеном, соединяющим социальную систему и культуру, выступают социальные институты. Общепринятые технологии и механизмы социальных отношений (институты) воспринимаются людьми как устойчивый образ жизни в повседневной жизнедеятельности. Социальные институты являются источником не только нормативного, но и девиантного, не только позитивного, но и негативного поведения. Социальные институты семьи, соседства, родства и дружбы часто выступают в качестве социальной среды научения криминальным формам поведения, формирования таких вредных привычек, как табакокурение, систематическое употребление алкоголя, наркотизм, геймерство, интернет-зависимость, сквернословие и т. д. Комплексы негативных норм и ценностей существуют также объективно, как и позитивная нормативно-ценностная система. Девиации являются непременным атрибутом социальной жизни во всех типах общества. Более того, чем жестче нормативная система, чем радикальнее ведется борьба с отклонениями, тем интенсивнее социальный маятник отклоняется в противоположную сторону.

Помимо социальных институтов интегрирующим элементом в социокультурной системе являются и социальные роли. Модель поведения человека определенного социального статуса редко бывает социально стандартной в силу того, что роли исполняются конкретной личностью с ее уникальными качествами. Модели подросткового и молодежного, женского и мужского, религиозного или классового поведения в разных субкультурах и общностях приобретают девиантный характер. В целом социальные роли объединяют в себе социальные и личностные ожидания, а интересы, потребности и способности личности не в полной мере совпадают с интересами социальных систем.

Отметим, что на селе интересы коллектива традиционно ставятся гораздо выше интересов личности, а ценности коллективизма явно доминируют над ценностями индивидуализма. Поэтому большинство индивидуалистов при первой возможности покидают деревню. Другое дело, что в массовом сознании зачастую слиты воедино интересы коллектива и начальства, если корыстные интересы управленческой элиты выдаются за интересы общества или государства с помощью технологий манипуляции и пропаганды. Данный вывод подтверждается результатами нашего опроса 2016 года. Только 19 % жителей деревни признали, что районная власть учитывает их интересы, потребности, мнения, уважает их человеческое достоинство, а 40 % считают, что уважение отсутствует. По отношению к местной власти бо-

лее позитивное отношение. Так, 28 % опрошенных жителей считают, что местная власть учитывает их потребности, а 32 % не согласна с этим утверждением. Руководство организаций, очевидно, больше учитывает и уважает интересы и мнения сельян (31 % из них полагают, что руководство организации считается с ними, а 27 % работников, напротив, высказали мнение, что их человеческое достоинство не учитывается). Поскольку респонденты работают в разных организациях, такой разброс мнений объясним. В целом же, чем выше уровень власти, тем менее люди уверены в том, что она уважает их интересы.

Личность соединяется не только с социумом, но и с культурой. Связующее звено между личностью и культурой – язык. Так, законность символизирует правовые и политические нормы и ценности, порядочность символизирует этические нормы и ценности. Личность активно влияет на язык и культуру, вырабатывая новые образцы и стандарты, а культура, воздействуя на личность, осуществляет процесс инкультурации. Взаимодействие социальных систем с природной средой, культурой и личностью обуславливает постоянное воспроизводство социокультурной системы.

Задача профилактики деструктивных девиаций может быть теоретически решена на базе парадигмы функционализма в социологии (Г.Спенсер, Э.Дюркгейм, Б.Малиновский, Р.Мертон, Т.Парсонс и др.). Так, в концепции Т.Парсонса экономическая система является связующим звеном между социальной системой и природным окружением и выполняет функцию адаптации. Политическая система стандартизирует цели, мобилизует ресурсы и реализует функцию целеполагания. Общество как социальная общность включает в себя все институты социального контроля (законодательство, неформальные правила) и выполняет функцию интеграции. Система социализации включает личность в культурные системы и выполняет функцию социального образца [7]. С позиции системного подхода профилактика деструктивной девиации предполагает согласованное функционирование политической, экономической, социальной, личностной и культурной подсистем общества. Так, профилактика подросткового алкоголизма невозможна без создания соответствующих материальных условий, духовных условий, коммуникативных, правовых, политических и социальных условий нормальной жизнедеятельности семьи и личности подростка.

Отклонения от официально принятых порядков, идеологии, традиций могут носить как негативный, так и позитивный характер. Каждая из основных подсистем общества может как способствовать нормативному поведению, так и препятствовать ему. Политико-правовая система в разных странах может в иных случаях работать сама на себя, создавая препятствия для конструктивной деятельности личности в экономической, социальной и духовной сферах жизни и преграды для развития личности и удовлетворения ее потребностей. Государственное законодательство может быть несовершенным или устареть и не соответствовать новым социальным условиям. Государственная политика в сфере образования, основанная на экономии бюджетных средств, приводит к закрытию учебных заведений, сокращению кадров и безработице. С другой стороны, многие работники бизнес-структур не могут нормально выполнять свои задачи из-за устаревших нормативов, прав, обязанностей. В таких условиях возникают два вида девиаций. Первый связан с работниками, ко-

торые действуют нестандартно для повышения эффективности производства. Второй связан с отклонением от официального порядка и правил для уклонения от добросовестной работы. Причем первый вид девиаций нередко наказывается более строго, чем второй. Здесь речь идет о раскладке функционального механизма общества, отсутствии взаимосогласованной работы различных подсистем.

Примером позитивной девиации является инновационный тип поведения, в частности, предпринимательство. Предприниматель, в отличие от основной массы бизнесменов, не ведет свои дела традиционными методами, не соблюдает принятые в обществе нормы, правила и средства достижения социально одобряемых целей. Другой факт – диссидентство (инакомыслие) как разновидность критической культуры, которая характеризуется такими ценностями, как нонконформизм, независимое поведение, критическое отношение к информации.

Известного рода нетерпимость к инакомыслию, ко всякой непохожести, оригинальности, новшествам вытекает из действия традиционного общинно-соседского контроля поведения, что имеет не только положительные, но и отрицательные стороны, ибо позволяет консервировать устаревшие обычаи и формы поведения. Так, в ходе исследования сельских жителей нами было предложено выразить свое отношение к высказыванию: «Если человек не соблюдает какие-то обычаи, чем-то не похож на остальных и имеет свое мнение, то ему нет места в коллективе или семье». Так, 18 % опрошенных согласились с этим категоричным мнением, а 36 % затруднились ответить. Среди школьников старших классов сторонников казарменного однообразия еще больше – 25 %. Лишь 47 % опрошенных селян выразили несогласие с таким подходом (у школьников – 33 %).

Обучение деструктивным формам девиации осуществляется не в номинальных, а в реальных общностях людей. Главный признак реальных общностей – контакты и взаимодействия между участниками. К таким общностям можно отнести группу друзей-сверстников, семью, студенческую группу, учебное заведение, социальную организацию, спортивную секцию, политическую партию, кружки любителей различных искусств. Реальные общности делятся на массовые и групповые. Массовые общности – публика, социальные сети, толпа, очередь. Массовые общности представляют благоприятную среду для девиантного поведения. Однако значительным влиянием на поведение личности обладают групповые общности, которые представляют единое целое, систему: круг друзей, семья, организация, город, село.

Так, склонность подростка к алкоголизму зависит от социального и коммуникативного окружения и биологических особенностей организма. В грубой, нецивилизованной среде, насаждающей свои стереотипы поведения, а также под воздействием сильного стресса повышается вероятность приобщения подростка к пьянству. Кроме того, по данным социологического анализа В. Гуленко, больше пьют и прибегают к другим искусственным способам психической стимуляции представители определенных социотипов [8]. Следовательно, фактор социальных систем доминирует, но он действует не изолированно, а во взаимодействии с другими факторами – личностными, культурными и генетическими.

К биологическим факторам, которые способствуют частому употреблению алкоголя, относят:

- злоупотребление алкогольными напитками родителями до рождения ребенка;

- осложненное течение беременности;
- различные родовые травмы (асфиксия, гипоксия, защемление шейного отдела позвоночника, ДЦП);
- сотрясение головного мозга и наличие психических расстройств у ребенка;
- наследственные психические заболевания.

Что касается номинальных общностей людей, то на приобщение к девиантному поведению они влияют меньше, чем реальные. Речь идет о таких общностях, как возрастные, половые, этносы, профессиональные общности, религиозные конфессии, поселенческие общности. Фактор номинальных общностей усиливает свое влияние, если он действует через фактор реальных общностей, которых отличает постоянство взаимодействий и контактов.

По критерию размера и масштаба группы можно выделить малые, средние и большие социальные группы. Наибольшим влиянием на поведение людей отличаются реальные малые общности, которые характеризуются непосредственными межличностными контактами.

В сельской местности традиционно наблюдается меньшая интенсивность различных форм отклоняющегося поведения. Так, директор лицея села Байгильдино С.Р.Исмагилов пишет: «В течение ряда лет среди учащихся лицея нет правонарушений, тем более преступлений, в лицее установился дух знаний и оптимизма. Мы давно не наблюдаем среди учащихся драк, случаев злостного хулиганства, отрицательного отношения к лицее. Классическое противостояние «подросток-школа» для нас в прошлом, давно нет в лицее проблемы дисциплины на уроке» [8]. Однако, судя по данным социологического исследования, в сельской школе происходят те же эксцессы, что и в городской. Так, 5 % опрошенных жителей села отметили, что в их семьях были случаи обращения детей, попавших в трудную жизненную ситуацию (травля, избиение, рэкет и др.), а 19 % слышали о подобных фактах в других семьях.

По мнению учителей Нуримановского района Республики Башкортостан, некоторым детям 5–11 классов свойственны такие отрицательные качества, как курение, сквернословие, воровство, прогулы, провоцирование драк и нежелание учиться. В то же время никто из опрошенных нами педагогов не назвал факты употребления алкоголя или наркотиков. Причины девиантного поведения учащихся респонденты усматривают в плохом воспитании в семье (40 %), в отрицательном влиянии российского телевидения (34 %) и общей социальной атмосфере в стране (26 %). Городские педагоги не так категоричны в отношении телевидения (25 % назвали этот фактор). Если среди сельских учителей только единицы назвали такую причину отклоняющегося поведения, как неэффективное воспитание в школе, то в городе таковых оказалось 5 %, а еще 4 % отметили и отрицательное влияние некоторых неформальных объединений. В целом же позиции учителей города и деревни относительно причин девиаций близки [2; 5].

Группа риска, потенциально склонная к суицидальному поведению, сравнительно мала. Так, по данным социологического исследования учащихся сельских школ Федоровского, Краснокамского, Бакалинского, Белорецкого и Кармаскалинского районов Республики Башкортостан в 2018 году, мысли о бессмысленности существования и собственной ненужности часто посещают 4 % респондентов, периодически – 2 %, редко – 26 %. Большинство опрошенных учащихся (67 %) заяви-

ли, что подобных мыслей у них не было. Обращает на себя внимание тот факт, что чувство одиночества часто бывает у 12 % респондентов, редко – у 49 %, 39 % – не помнят об этом.

В последние годы зародились новые виды девиаций. Так, применение компьютера имеет и оборотную сторону: компьютерная аддикция и зависимость от ролевых игр. По данным социологического исследования сельских школ Бакалинского района Республики Башкортостан, 16 % учащихся проводят от 2 до 6 часов за компьютерными играми, что позволяет выдвинуть гипотезу, что среди них есть геймеры; тех, кто 6 часов и более проводят за компьютерными играми – 2 % сельских учащихся обследованного района, 4 % в качестве причины информационной перегрузки назвали такую – «я часто играю в компьютерные игры». Для сравнения: по данным социологического исследования с применением специальной методики студентов уфимских вузов игровая компьютерная аддикция была обнаружена у 6 % респондентов. Редко играют в такого рода игры 79 % сельских подростков.

Сельские школьники испытывают в целом меньшие информационные перегрузки, по сравнению с городскими. Однако по данным опроса учащихся Бакалинского района Республики Башкортостан 64 % испытывают в той или иной мере феномен информационной перегрузки и только одна треть респондентов, по их мнению, не страдает от избытка информации. Главные причины следующие: большой объем учебных заданий (53 % опрошенных), Интернет и социальные сети (18 %), большое количество времени, проводимое за компьютером (6 %).

Анализ анкетных данных по некоторым вопросам показывает, что резервы улучшения учебно-воспитательной работы имеются. Так, 56 % сельских учителей и 46 % городских не применяют на практике технологию универсальных типов (социотипов), позволяющую осуществить индивидуальный подход к каждому учащемуся, в том числе в области профилактики девиантного поведения [5].

Каждая общность и каждая страта обладают специфическими социальными нормами, ценностями и социальными институтами, иначе говоря, своей субкультурой. То, что является ценностью и нормой для одной группы, для другой может означать девиацию. К тому же в любой общности обнаруживаются индивиды, которые следуют в своем поведении нормам и ценностям других групп. В современном обществе большинство социальных общностей обретают культурно-плюралистический характер. Периодически появляются субкультуры, которые находятся в оппозиции к господствующим в социуме нормам и ценностям. Они получили название контркультуры, выступающей в двух разновидностях – альтернативная культура и криминальная культура. Сегодня криминальная культура в значительной степени интегрировалась с господствующей культурой, что проявляется в проникновении в разговорный язык специфического жаргона, а в социально-экономическую и политическую жизнь – криминальных способов и технологий.

Целый ряд исследований показывает существование социально-исторического тренда на снижение уровня насилия в обществе. Так, профессор психологии из Гарвардского университета Стивен Пинкер, опираясь на результаты археологических раскопок и архивные документы, доказал: с каждой эпохой вероятность гибели среднестатистического человека от насилия последовательно снижалась. Риск пострадать от насилия сегодня на порядок ниже, чем 500 лет назад. Таким образом, статистика да-

ет основания для некоторого оптимизма: с каждым новым поколением люди учатся договариваться, мирно взаимодействовать и менять к лучшему правила игры. Тренд на рост гуманизации и толерантности позволяет прогнозировать уменьшение количества наиболее агрессивных и насильственных видов девиации [3; 6].

Социальная профилактика девиаций предполагает, прежде всего, решение социальных проблем детства, молодежи, лиц старшего поколения, женщин и других социальных групп, оказавшихся в социально ущемленном положении. Несмотря на социальное неравенство, функциональные и культурные различия между группами и слоями, общество существует как система и единое целое. Это становится возможным благодаря интеграции культурных норм и ценностей, увеличения доли наднациональных, надклассовых, общечеловеческих культурных элементов.

Профилактика подросткового алкоголизма еще недостаточно разработана. Государство и общество в лице его социальных институтов должны осуждать и по возможности пресекать социально неблагоприятные способы злоупотребления алкогольными напитками детей и подростков и осуществлять профилактические меры общественного и правового характера.

Нужна новая, более гибкая, основанная на других постулатах и принципах, алкогольная политика, которая имела бы больше шансов быть более эффективной, чем прежняя. Концепция новой алкогольной политики должна включать смену ориентиров, целей и направления деятельности.

Необходимо разработать концепцию организации вариативной работы с подростками и детьми с учетом типологического подхода, включающей:

- индивидуальный подход к детям и подросткам из группы риска;
- профилактику противоправного, отклоняющегося и деструктивного поведения;
- выбор технологии и методики обучения с учетом интегрального типа нации, учебной группы;
- индивидуальный подход к ребенку в семье с учетом его социотипа и межтипных отношений с родителями, гармонизацию семейных отношений.

В первую очередь должна работать защита личности подростка от неблагоприятных воздействий, провоцирующих у них зависимость от спиртного, которая осуществляется влиянием различных предпосылок всех уровней: семьи, малых неформальных групп, различных коллективов, других всевозможных социальных институтов, общественной среды. Под подобную защиту необходимо брать не только непосредственно алкоголиков с семьями, но и каждого человека, когда-либо попавшего под отрицательное воздействие алкоголизма. Соответственно, особое внимание следует уделять подросткам. Признание приоритета личности подростка, защита прав граждан и интересы государства также будут являться важнейшими принципами алкогольной политики [10].

Список использованных источников

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
2. Antoshkin V.N. Sociological Research as a Method of Social Diagnostics // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. 12 (7b). 1–9 p.

3. Шайхисламов Р.Б. Социокультурная система и личность (теоретико-методологический анализ) : монография. М. : Соц.-гуманит. знания, 2005. 176 с.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 118–124.
5. Гуленко В.В. Центральные и периферийные [Электронный ресурс]. URL: / <https://sioniks.net/article/?id=156> (дата обращения: 20.09.2018).
6. Исмагилов С.Р. Социализация учащихся в сельском лицее : методическое пособие. Уфа, 2006. 68 с.
7. Амирова Л.А., Антошкин В.Н. Социальный портрет сельского учителя: результаты сравнительного исследования сельских и городских педагогов // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 9. С. 5–24.
8. Антошкин В.Н. Социология сельской школы: опыт региональных исследований : монография. Уфа : Изд-во БГПУ, 2017. 120 с.
9. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: антология. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. 424 с.
10. Абрамович О.Д., Казарян Н.Р., Копасова В.Н. Как бросить пить. М. : Эксмо, 2007. 256 с.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M. : Progress, 1990. 808 s.
2. Antoshkin V.N. Sociological Research as a Method of Social Diagnostics // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. 12 (7b). 1–9 p.
3. SHajhislamov R.B. Sociokul'turnaya sistema i lichnost' (teoretiko-metodologicheskij analiz) : monografiya. M. : Soc.- gumanit. znaniya, 2005. 176 s.
4. Merton R. Social'naya struktura i anomiya // Sociologicheskie issledovaniya. 1992. № 3. S. 118–124.
5. Gulenko V.V. Central'nye i periferijnye [EHlektronnyj resurs]. URL: / <https://sioniks.net/article/?id=156> (data obrashcheniya: 20.09.2018).
6. Ismagilov S.R. Socializaciya uchashchihsya v sel'skom licee : metodicheskoe posobie. Ufa, 2006. 68 s.
7. Amirova L.A., Antoshkin V.N. Social'nyj portret sel'skogo uchitelya: rezul'taty sravnitel'nogo issledovaniya sel'skih i gorodskih pedagogov // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2017. T. 8. № 9. S. 5–24.
8. Antoshkin V.N. Sociologiya sel'skoj shkoly: opyt regional'nyh issledovaniy : monografiya. Ufa : Izd-vo BGPU, 2017. 120 s.
9. Parsons T. Ponyatie obshchestva: komponenty i ih vzaimootnosheniya // Teoreticheskaya sociologiya: antologiya. M. : Knizhnyj dom «Universitet», 2002. CH. 2. 424 s.
10. Abramovich O.D., Kazaryan N.R., Kopasova V.N. Kak brosit' pit'. M. : EHksmo, 2007. 256 s.

УДК 378.1

Е.Б.Быстрой, Б.А.Артеменко, И.Ю.Иванова

Педагогическая рефлексия как источник профессионально-личностного самосовершенствования и самоактуализации будущих педагогов

В статье акцентируется значимость самоактуализации будущего педагога в процессе его профессионально-личностного самосовершенствования. Особую роль в этом играет рефлексия и саморефлексия, анализ которых приведен в статье, в ней также представлена разработанная программа семинара-тренинга «Мы – будущие педагоги».

Ключевые слова и фразы: педагогическая рефлексия; профессионально-личностное самосовершенствование; рефлексивное обучение; самоактуализация; семинар-тренинг.

E.B.Bystrai, B.A.Artemenko, I.Yu.Ivanova

Pedagogical Reflection as a Source of Professional and Personal Self-Improvement and Self-Actualization of Future Teachers

The article emphasizes the importance of self-actualization of future teachers in the process of their professional and personal self-improvement. A special role in this is played by reflection and self-reflection, the analysis of which is given in the article, it also presents the developed program of the seminar-training “We are future teachers”.

Key words and phrases: pedagogical reflection, professional and personal self-improvement, reflexive learning, self-actualization, training seminar.

Происходящие изменения в жизни общества выдвинули на первый план идею раскрытия и обогащения внутреннего потенциала каждого человека, его нравственного обновления, развития и совершенствования на протяжении всей жизни. Сегодня востребован компетентный педагог, обладающий развитыми внутренними регуляторами: духовностью, нравственностью, сознательностью, стремлением к личностному самосовершенствованию и самоактуализации. Однако в настоящее время

Быстрая Елена Борисовна, заведующая кафедрой немецкого языка и методики обучения немецкому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, г. Челябинск; конт. инф.: bistraieb@csru.ru

Артеменко Борис Александрович, исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории, методики и менеджмента дошкольного образования Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат биологических наук, доцент, г. Челябинск; конт. инф.: artemenkoba@csru.ru

Иванова Ирина Юрьевна, доцент кафедры педагогики и психологии детства Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат педагогических наук, г. Челябинск; конт. инф.: sovest74@mail.ru

© Быстрая Е.Б., Артеменко Б.А., Иванова И.Ю., 2018

существует ряд объективных противоречий, детерминирующих актуальность излагаемой нами проблемы, а именно:

– между социальным заказом общества на педагога, мотивированного к профессионально-личностному самосовершенствованию и самоактуализации, и реальным состоянием процесса формирования данных профессиональных качеств в теории и практике педагогического образования;

– между признанной государством и обществом необходимостью подготовки нравственного, гуманного, целеустремленного педагога, умеющего эффективно взаимодействовать со всеми участниками образовательного процесса, и трудностью перехода вуза от авторитарной модели образования к гуманистической;

– между реальным уровнем сформированности вышеуказанных профессиональных качеств и неразработанностью методико-технологического инструментария их формирования.

В силу вышеизложенного авторы настоящей статьи ставили следующие задачи:

– провести ретроспективный анализ понятий «рефлексия», «самосовершенствование» и «самоактуализация» и определить базовые основы формирования данных дефиниций как профессионально значимых качеств современного педагога;

– апробировать авторскую программу семинара-тренинга, направленного на формирование способности к рефлексии у студентов педагогического вуза;

– проанализировать степень влияния рефлексивного обучения на формирование профессионально-личностного самосовершенствования и самоактуализации будущих педагогов.

В современной науке самоактуализация определяется как стремление человека к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей. Так, согласно А.Маслоу самоактуализация является желанием стать всем, чем возможно; потребностью в самосовершенствовании, в реализации своего потенциала. К.Роджерс полагает, что самоактуализация является той силой, которая заставляет человека развиваться на самых различных уровнях: от овладения моторными навыками до высших творческих взлетов [1]. Н.А.Рыбакова рассматривает самоактуализацию как деятельность педагога по переводу его профессионально значимого потенциала в состояние актуальности, которая разворачивается в рамках педагогических реалий, регулируется их специфическими требованиями. Самоактуализация как деятельность характеризуется дихотомичной целенаправленностью (для Себя и для Других), полимотивированностью, осознанностью, систематичностью, управляемостью действий, развитием. Ее механизмом является свободный и ответственный выбор преподавателем действий, направленных на достижение целей самоактуализации [2]. И.А.Терских рассматривает самоактуализацию как особую специфическую деятельность педагога, направленную на осознание собственных профессионально значимых личностных особенностей, адекватное и активное проявление их в педагогической деятельности с учетом требований, которые она предъявляет специалисту [3].

Таким образом, отечественные и зарубежные исследователи считают детерминантой самоактуализации потребность в самосовершенствовании, в реализации своего потенциала.

К.С. Колодезников полагает, что профессиональное самосовершенствование всегда есть результат осознанного взаимодействия обучаемого с конкретной социальной средой, в ходе которого он реализует потребности выработать у себя такие личностные качества, которые обеспечивают успех в учебной, профессиональной деятельности и в жизни вообще. Автор утверждает, что профессиональное самосовершенствование студентов педагогического вуза можно рассматривать как сознательный, целенаправленный процесс повышения уровня своей профессиональной компетентности и развития профессионально значимых качеств в соответствии с внешними социальными требованиями, условиями профессионально-педагогической деятельности и личной программой развития [4].

И.А. Донцов утверждает, что самосовершенствование является способом творческого взаимодействия человека с самим собой, культивирование им самого себя через активное участие в основных сферах социальной жизни и профессиональной деятельности [5, с. 51].

А.А. Каримова под самосовершенствованием понимает динамичное единство развития всех сфер индивидуальности и личностных качеств педагога [6, с. 333].

В своем диссертационном исследовании А.В. Шлома рассматривает самосовершенствование как систематическую, творческую деятельность, которая предусматривает самостоятельное развитие профессиональных и личностных способностей, свойств и качеств, а также осознание себя как субъекта образовательной деятельности [7].

Б.Е. Фишман считает, что процесс самосовершенствования направлен на личность самого педагога и на его профессиональную деятельность [8].

Проанализировав вышеназванные точки зрения ученых, мы будем понимать под самосовершенствованием развертывание своей индивидуальности путем ненасильственных усилий на грани приятного, желанного. Самосовершенствование и самоактуализация неразрывно связаны с процессом самоопределения будущего педагога. При целенаправленном самосовершенствовании происходит самоактуализация личности, более ярко проявляются личностные и профессионально-педагогические способности, реализация которых ведет к осознанию себя в роли педагога. Конечным этапом в данной цепи является профессионально-педагогическое самоопределение в профессии [9].

В философии акцентируется мысль о том, что большую роль в самоопределении личности играет самооценка [10]. Экстраполируя данную мысль в плоскость образования, следует отметить, что доминантой профессионально-педагогической деятельности должна стать рефлексия (от лат. *reflexio* – обращение назад).

Л.С. Выготский полагал, что саморефлексия является приоритетным фактором в саморазвитии личности и указывал на принципиальное отличие двух структур личности: нерелексирующей и релексирующей [11].

Источником высшего знания рефлексию называет Г. Лейбниц – знание, которое является результатом абстрагирования и обобщения [12].

В современном психолого-педагогическом толковании рефлексия – мыслительный или чувственно переживаемый процесс осознания субъектом своей деятельности. По мнению А.В. Хуторского, цель рефлексии – вспомнить, выявить и осознать основные компоненты деятельности (ее смысл, типы, способы и т. д.) [13].

Мы разделяем точку зрения К.М.Левитана, утверждающего, что рефлексия является размышлением о себе, о своем назначении и самоактуализации, она способствует осмыслению своих профессиональных задач, то есть рефлексивная деятельность предполагает обязательное сравнение результата действия с достигнутой целью [14].

В этой связи следует акцентировать значимость рефлексии в деятельности будущего педагога, так как она способствует его самоактуализации и самоопределению в профессиональной сфере. «Знания и рефлексия взаимно дополняют друг друга в едином и непрерывном процессе. Одно знание само по себе бессильно, а рефлексия – беспредметна, вместе же они способны рождать действительно компетентного, желающего и умеющего работать профессионала» [15, с. 437].

Центральным ядром самоактуализации является стремление индивида к раскрытию в себе самобытного потенциала, позволяющего определять стратегию личностного роста. При этом, по мнению Е.Н.Шиянова, С.В.Недбаевой, генератором самоактуализации является консенсус внутреннего мира человека и реального поведения [16, с. 20]. Вслед за Л.В.Трубайчук мы полагаем, что процесс самоактуализации находит свое выражение в восприятии педагогом себя и своей профессиональной деятельности, то есть педагог должен понимать свою самоидентичность, быть ответственным в своих решениях и поступках перед самим собой, обладать чувством самокритики, а также стремлением к самосовершенствованию и преодолению своих внутренних барьеров [17, с. 289–294].

Самоактуализация будущего педагога выступает в качестве цели, средства и собственно профессиональной ценности и ценности его жизни, открывающей гуманистический потенциал для профессионального и личностного самосовершенствования.

Педагогическая рефлексия способствует осознанию педагогом правильности и справедливости выбранных им решений, правомерности его позиции в педагогическом общении, а также способствует корректировке аксиологических установок в процессе овладения профессиональной деятельностью [18].

Мы полагаем, что педагогическая рефлексия проявляется в самоидентификации себя как субъекта педагогического взаимодействия, стремящегося к профессиональному самоопределению. Такое понимание педагогической рефлексии проявляется в ее характерных особенностях: удвоение зеркального отображения субъектами друг друга, то есть взаимоотражение. Таким образом, под рефлексией мы понимаем в первую очередь умение видеть свое отражение в зеркалах реальности и своевременно корректировать свое поведение в общении с окружающим миром.

Б.З.Вульфов пишет по этому поводу: «...Едва ли не всякое размышление над собой, едва ли не каждый момент профессиональной рефлексии полезны для того, чтобы сделать жизнь интереснее; труд души облегчает профессиональную работу, а эта последняя – одна из содержательных основ рефлексии» [19, с. 77].

А.А.Бизяева относит самокритичность, готовность к открытому диалогу, толерантность к противоположному мнению, вариативность в выборе поведенческих и коммуникативных стратегий, готовность взять на себя ответственность за принятие решений к доминантам педагогической рефлексии [20, с. 28]. Опираясь на вышеуказанные признаки педагогической рефлексии, мы приходим к следующему

мнению, что отсутствие или недостаточная сформированность рефлексии делает будущего педагога полностью несамостоятельным и зависящим от чужого мнения, воздействия, а его деятельность уподобляется «псевдодеятельности». Таким образом, развитая на достаточном уровне рефлексия способствует профессиональному и личностному самосовершенствованию и самоактуализации будущего педагога как на этапе обучения в вузе, так и в дальнейшей профессионально-педагогической деятельности. Особенно важна рефлексия в следующих ситуациях:

– в ситуации практического взаимодействия педагога со всеми участниками образовательного процесса;

– в процессе проектирования деятельности ребенка и разработки его образовательной траектории;

– в процессе самоанализа и самооценки педагогом собственной деятельности и самого себя как ее субъекта [21].

Н.Е.Щуркова утверждает, что рефлексия способствует осмыслению нового профессионального рубежа, планированию изменений в будущей педагогической деятельности [22, с. 224]. Несомненно, что эффективность профессионально-педагогической деятельности возрастает при наличии обратной связи, которая позволяет педагогу корректировать свою дальнейшую деятельность. В этой связи актуальной представляется рефлексивная диагностика, в процессе которой педагог осмысливает цели и средства своей деятельности, самоопределяется относительно ее предмета, конструирует новые методы и приемы работы, то есть осуществляет внутреннюю работу над собой.

Очевидно, что становление рефлексии на уровне навыка происходит лишь в ходе профессионально-педагогической деятельности и начинать формировать ее необходимо еще в процессе обучения студентов в вузе (на учебных занятиях, при прохождении учебных и производственных практик). Мы предполагаем, что в ходе реализации учебно-воспитательного процесса рефлексивная деятельность будущих педагогов способствует профессиональному и личностному самосовершенствованию и самоактуализации.

Большую роль в формировании педагогической рефлексии как источника самосовершенствования и самоактуализации личности будущего педагога играет рефлексивное обучение. Средства и приемы рефлексивного обучения могут быть различными, но главный механизм их построения един – обеспечение механизма обратной связи (рефлексии).

Одним из методов рефлексивного обучения является семинар-тренинг. Особенность этого метода заключается в том, что он позволяет участникам семинар-тренинга проанализировать свое поведение, раскрыть в себе ранее не известный потенциал и наметить пути для своего саморазвития. По мнению Ю.Н.Емельянова, социально-психологический тренинг определяется как группа методов, направленная на развитие и овладение навыками профессиональной деятельности [23]. Вслед за Л.А.Петровской мы под социально-психологическим тренингом будем понимать средство воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения, средство развития компетентности в общении, средство психологического воздействия в процессе интенсивного обучения в групповом контексте [24].

Дополнительным средством рефлексивного обучения может быть фиксирование поведенческих образцов участников группы тренинга в определенных заданных ситуациях.

Ядром реализации рефлексивного обучения выступила разработанная нами программа семинара-тренинга «Мы – будущие педагоги», которая была апробирована на базе ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» в течение 2016–2018 гг. Всего в эксперименте приняло участие 116 респондентов из числа студентов 1–4 курсов. Данный семинар способствовал дальнейшей самоактуализации личности студентов; создал предпосылки для профессионально-личностного самосовершенствования на основе включения в общественные педагогические мероприятия; способствовал реализации своих субъективных качеств в реальном взаимодействии с участниками семинара, а также формированию некоторых навыков и умений рефлексивного анализа.

Организация семинара-тренинга предусматривает реализацию информационного, исследовательского и рефлексивного этапов.

В методике организации учебного процесса разработанного семинара использовалась практика интерактивного и рефлексивного обучения и воспитания студентов, нестандартные формы организации занятий: микропреподавание, семинар-дискуссия, тренинг общения, научно-практические конференции, ролевая игра, деловая игра, групповая дискуссия, мини-сочинение [25].

Роль преподавателя как руководителя (педагога-фасилитатора) данного процесса заключалась:

- в организации коллективного и индивидуального взаимодействия;
- в создании оптимальных условий взаимодействия;
- в определении роли каждого участника.

Квинтэссенцией первого дня семинара являлось формирование адекватного отношения к себе и партнерам по общению, а также адекватной самооценки и своей самоидентичности.

Первый день семинара-тренинга был посвящен развитию собственного «Я» будущих педагогов. Средством реализации данной цели являлась самопрезентация. Ведущий предлагал каждому участнику семинара заполнить свое «Личное дело». Целью данного упражнения являлось создание условий для реализации возможностей личности для проявления креативных способностей.

Каждый участник семинара-тренинга получал папку с необходимым для работы инструментарием. Участники должны были в течение 10 минут ответить на вопрос «Каким Я представляю себя в данное время?».

Задание «Личные герб и девиз» предполагало заполнение полей герба соответствующими знаками, которые в большей степени выражали сущность каждого фрагмента: «Я – педагог»; «Мои воспитанники»; «Я в глазах отличников»; «Стратегия моего профессионального развития».

Кроме того, участникам семинара-тренинга было предложено составить и написать «девиз», который бы отразил их профессиональное кредо. На выполнение задания было отведено от 15 до 20 минут.

На начальном этапе проведения семинара-тренинга нами была использована игра «Передай маску!», которая позволила участникам в раскрепощенной форме проявить себя и избавиться от излишних предрассудков, с которыми они, возможно, пришли на семинар. Тем самым игра создала атмосферу, которая способствовала концентрации внимания участников, помогла им настроиться на работу в группе.

Упражнения-самопрезентации носили характер постоянного обмена участниками содержательной информацией о себе, своих качествах, способностях и возможностях. Особенностью использования упражнений-самопрезентаций было постоянное передвижение участников в рабочем пространстве помещения. Это, с одной стороны, позволяло предупреждать их скованность, характерную для традиционной самопрезентации, но, с другой стороны, создавало условия необходимости установления индивидуального контакта с присутствующими по заранее оговоренным правилам установления контактов. Ведущий просил участников делиться своим состоянием, обращать внимание на его изменения, а также высказывать первые впечатления о занятии. По окончании упражнения всем участникам предлагалось ответить на вопрос: «Оправдались ли Ваши ожидания от работы на семинаре-тренинге?».

Примечательным моментом первого дня семинара-тренинга была активность выполнения упражнений участниками, с которой они рассказывали о себе, знакомились и общались со знакомыми и незнакомыми партнерами. Форма, по которой подводились итоги первого дня, подтвердила свою эффективность в последующие учебные дни. Каждый участник делал выводы о значении прожитого дня, завершая фразу: «Сегодня я узнал... Я понял... Я почувствовал...».

Второй этап семинара-тренинга был посвящен формированию представлений о педагогической нравственности, ее составляющих, предполагал знакомство с приемами и способами эмпатийного принятия другого человека во время работы с детским коллективом.

Проблема «принятия самого себя», по нашему мнению, значительно сложнее «принятия чужого мнения», «принятия другого образа жизни» и т. д. Научившись принимать целиком себя во всех проявлениях, можно научиться принимать и окружающий мир, и людей в нем со всеми их сложностями и проблемами.

Принципиальный запрет – запрет оценки. Всем участникам было предложено заменить в разговорах, обсуждениях процессов оценочные суждения описательными, констатирующими видимое, услышанное, сделанное. Часть упражнений предполагала отказ от вербальных способов взаимодействия с тем, чтобы научиться видеть, слышать происходящее, формулировать в себе суждения о происходящем. Преодоление желаний оценить, высказать замечание, подшутить оказалось чрезвычайно сложным для студентов.

Нам представлялось, что преодоление оценочного подхода к окружающим людям и себе позволит расширить представление студентов о самих себе, своих возможностях, окажет влияние на формирование ценностного отношения к человеку и окружающему его миру.

Одно из упражнений, предложенных в работе ведущим, называлось «Геометрия для немых». Целью данного задания являлась презентация способа организации обратной связи с участниками образовательного процесса.

Процедура состоит в следующем: участники семинара-тренинга должны были провести урок в режиме микро-teaching. В функционал преподавателя, «парализованного учителя», входили запрет вставать со своего стула в процессе объяснения материала, использование жестов. В функционал «учеников» входил запрет реагировать при помощи каких-либо звуков, а также вставать со своего места.

Ведущий семинара-тренинга показывает «учителю» бланк с изображением композиции из семи, соприкасающихся хотя бы в одной точке, геометрических фигур: равнобедренных треугольников, квадратов и параллелепипедов. «Ученики» этого изображения видеть не должны. Ведущий объясняет «учителю» его задачу, согласно которой он должен рассказать своим ученикам о том, что изображено на рисунке. По окончании объяснения «учитель» должен оценить работу каждого ученика.

Вторым этапом выполнения данного упражнения явилось высказывание участниками семинара-тренинга пожеланий «учителю» по поводу более доступного объяснения материала. «Учитель» же, в свою очередь, также анализирует итоги своей дидактической деятельности. Затем участники семинара-тренинга поочередно выполняют роль «учителя», используя другой рисунок. Заключительным этапом выполнения данного задания является сравнительно-сопоставительный анализ эффективности проведенных занятий. В процессе подведения итогов участники семинара-тренинга обмениваются впечатлениями и вербализуют свои внутренние восприятия от пережитого.

Следует отметить, что студенты не могли точно определить количество времени, необходимого для выполнения задания. Кроме того, распространенной ошибкой было и то, что в процессе объяснения материала «учитель», не концентрируя свое внимание на реакции учеников, объяснял содержание урока. Еще одним вариантом ошибки было установление «учителем» невербальной (по условиям задания) обратной связи только с одним учеником («отличником»). Следует отметить, что многие «учителя» в силу скованности, незнания психологических основ общения не всегда уделяли должное внимание «ученикам», сидящим либо по краям, либо в конце «класса».

Разные стратегии поведения в экстремальной ситуации демонстрировали и «ученики». Большинство из них вначале ждали от «учителя» поддержки и повторных разъяснений, однако убедившись, что он игнорирует их интерес, одни пытались «списать», другие делали, «как сам понял, хотя было ясно, что не то», третьи просто клали карандаш и ждали окончания упражнения. Будущие педагоги, оказавшись в такой смоделированной обстановке обучения, по их словам, «стали многое понимать».

Таким образом, вышеназванное упражнение способствовало самоактуализации будущих педагогов и вносило вклад в их профессиональное совершенствование.

Третий этап семинара-тренинга был направлен на формирование представлений о нормах взаимоотношений и взаимодействии между людьми в коллективе. Целью данного этапа являлось формирование позитивного восприятия своего «Я», а также чувства партисипативности в педагогическом взаимодействии. Ядром данного этапа было выполнение студентами упражнения «Декларация прав и свобод педагога» с использованием методики «мозгового штурма».

Каждому участнику предлагалось самостоятельно составить список из десяти пунктов, которые могли бы, по его мнению, стать основой «Декларации прав и свобод педагога». Далее участники делились на две рабочие подгруппы, в каждой из которой назначался «ответственный секретарь». Подгруппам необходимо было разработать свой промежуточный вариант «Декларации».

Обсуждение проходило в следующей форме. Каждый из участников зачитывал те пункты, которые, по его мнению, являются основой вышеназванной декларации. Участники семинара-тренинга оценивали каждый из названных пунктов по десятибалльной шкале. Одним из критериев выставления высшей оценки являлась важность наличия данного пункта в декларации. В обязанности секретаря входило ведение суммарного подсчета значимости пунктов. Автор также оценивал названные им пункты. Данная процедура проходила без комментирования и обсуждения.

При совпадении по смыслу пунктов двух или нескольких участников выбиралась наиболее адекватная формулировка, которая в результате и оценивалась. В итоге проводился обмен составленными декларациями между подгруппами. Участники каждой из подгрупп имели возможность задать вопросы по поводу пояснения значимости определенных пунктов. В завершении выявлялся общий рейтинг каждого из отобранных пунктов. Десять пунктов, получивших наивысший общий рейтинг, считались вошедшими в «Декларацию прав и свобод педагога».

Четвертый этап семинара-тренинга был посвящен подведению итогов личного участия каждого студента, определению перспектив своей профессиональной деятельности, мотивации участников на личностно-ориентированную, субъект-субъектную стратегию взаимодействия, актуализации проявления чувства эмпатии у будущих педагогов по отношению к окружающим. Кроме того, данный этап способствовал развитию педагогической рефлексии, межличностному взаимодействию участников образовательного процесса, а также формированию установки на партнерский тип педагогического общения.

В рамках данного этапа нами была использована деловая игра «Педагогический контракт», которая предполагала разработку конкретных проектов «идеального контракта».

Участники разбивались на подгруппы, состоящие из трех человек. Один из них исполнял роль руководителя образовательной организации; другой – роль ребенка; третий – роль родителя. Между участниками образовательного процесса заключался трехсторонний контракт о предоставлении образовательной услуги в данной образовательной организации. В этом контракте фиксировались права, обязательства, гарантии, ожидания и т. п. всех трех заинтересованных сторон.

Проигрывание студентами разных ролей способствовало формированию представлений о социальном и правовом статусе каждого участника образовательного процесса, а также траектории дальнейшего профессионально-личностного самосовершенствования и самоактуализации. В ходе выступления обратила на себя внимание проблема, общая для подавляющего большинства студентов – потребность в самовыражении и самореализации.

Рефлексия семинара-тренинга осуществлялась с использованием приема синквейн, так называемые «Пять строчек по правилам»:

– первая строчка – название темы;

- вторая строчка – определение темы в двух прилагательных или причастиях;
- третья строчка – три глагола, показывающие действие в рамках темы;
- четвертая строчка – фраза из четырех слов, показывающая отношение автора к теме;
- пятая строчка – завершение темы, синоним первого слова, выраженный любой частью речи.

С целью создания рефлексивного пространства нами использовались следующие приемы:

- 1) создание элементов «иномира» при помощи различных профессионально-детерминированных игровых ситуаций и упражнений;
- 2) создание ситуаций в ракурсе культурно-исторических реалий, обращение к образам вымышленных и исторических героев;
- 3) моделирование и концептуализация анализируемой ситуации с использованием графических символов;
- 4) инверсия (изменение обыденных поведенческих стереотипов), способствующая свободной самоактуализации участников семинара-тренинга;
- 5) принцип рефлексивных контрастов – сопоставление изучаемого феномена с его возможными противоположными (контрастными) вариантами [17, с. 38–40].

Наиболее результативным оказался принцип рефлексивных контрастов. Мы предлагали студентам спрогнозировать ход событий, если бы они избрали противоположную манеру поведения, то есть поступили наоборот, высказали контрастную точку зрения. В рамках обращения к культурно-историческим аналогам студентам предлагалось «поставить себя на место» изучаемых литературных героев, действующих лиц из фильмов, участников исторических событий, проанализировать, оправдать действия своих героев.

По окончании реализации программы семинара-тренинга «Мы – будущие педагоги» нами был использован метод экспертных оценок с целью выявления эффективности проведенной работы по развитию профессионально-личностного самосовершенствования и самоактуализации будущих педагогов; сформирована экспертная группа, в которую вошли 2 доктора и 3 кандидата педагогических наук; определены критерии становления процессов самоактуализации и профессионально-личностного самосовершенствования (деловой потенциал, педагогическая направленность, нравственный потенциал, самокритический потенциал, коммуникативный потенциал), а также 4 уровня становления вышеназванных процессов (репродуктивный, адаптивно-воспроизводящий, варьирующе-ситуативный, рефлексивно-конструктивный). Результаты исследования представлены в таблице.

**Результаты развития профессионально-личностного самосовершенствования
и самоактуализации студентов, в %**

Уровни	Репродуктивный		Адаптивно-воспроизводящий		Варьирующе-ситуативный		Рефлексивно-конструктивный	
	Нулевой срез	Контрольный срез	Нулевой срез	Контрольный срез	Нулевой срез	Контрольный срез	Нулевой срез	Контрольный срез
Критерии								
Деловой потенциал	30	17	35	27	23	28	12	28
Педагогическая направленность	15	15	35	18	36	45	5	25
Нравственный потенциал	38,5	24	32	28	23,5	30	6	18
Самокритический потенциал	30	15	35	21	35	37	–	27
Коммуникативный потенциал	23	19	33	20	25	25	19	36

Из таблицы видно, что количество респондентов по критерию «Деловой потенциал», находящихся на репродуктивном уровне, уменьшилось на 13 %; на адаптивно-воспроизводящем – на 8 %. Репродуктивный уровень владения деловым потенциалом предполагал, что обучающийся имеет понятие о том, что такое организованность, знает о составляющих ее элементах, знает, как ведет себя организованный человек в отличие от неорганизованного. Умеет определять и классифицировать любые элементы организованности, сравнивать их между собой, с другими качествами личности. Обладает навыками анализа организованности. Адаптивно-воспроизводящий уровень владения деловым потенциалом предполагал, что обучающийся умеет составлять планы и алгоритмы работы, выполнять действия рационально и тщательно. Умеет ставить цели, планировать свое время.

В то же время количество респондентов по вышеназванному критерию, находящихся на варьирующе-ситуативном уровне, возросло на 5 %, а на рефлексивно-конструктивном – на 16 %. Варьирующе-ситуативный уровень предполагал, что обучающийся умеет алгоритмично работать в сложных условиях, проявлять самодисциплину и умение мобилизовать себя при решении задач, предполагающих длительные физические, умственные, психические нагрузки, имеет представление о самоменеджменте в области распределения времени. Рефлексивно-конструктивный уровень предполагал, что обучающийся владеет новыми способами организации и

планирования деятельности (как своей, так и других людей); может творчески оперативно изменять собственные планы, чтобы максимально использовать свое время и силы; видит возможность оптимизации различных процессов выполнения работ или деятельности для повышения их рациональности; обладает высоким уровнем самоуправления, самоконтроля в любых ситуациях; всегда проявляет организованность, умеет творчески подходить к организации своего времени.

Количество респондентов по критерию «Педагогическая направленность», находящихся на репродуктивном уровне, не изменилось; на адаптивно-воспроизводящем уменьшилось на 17 %. Репродуктивный уровень педагогической направленности предполагал, что обучающийся имеет общее понятие о профессии, представление об инновационных технологиях и предметную направленность. Адаптивно-воспроизводящий уровень предполагал, что обучающийся имеет интерес к профессии, готов использовать инновационные технологии, при этом предметная направленность преобладает над гуманистической. Что касается количества респондентов по анализируемому критерию, находящихся на варьирующе-ситуативном уровне, то оно возросло на 9 %, а на рефлексивно-конструктивном – на 20 %. Варьирующе-ситуативный уровень предполагал, что обучающийся готов к осознанному овладению профессией, предпринимает попытки использования инновационных технологий и у него преобладает личностная направленность в осуществлении педагогической деятельности. Рефлексивно-конструктивный уровень предполагал, что обучающийся определился в профессии, в призвании быть педагогом, очевидны потребность в профессионально-педагогической деятельности, целеустремленность в достижении профессионально-педагогического мастерства, способность к самосовершенствованию, саморазвитию и самореализации своих потенциальных возможностей, активное использование инновационных технологий, творческий подход к решению педагогических задач, активное профессиональное самосознание, осознание своих способностей, у него сформированы педагогические умения работы с детьми.

Количество респондентов по критерию «Нравственный потенциал», находящихся на репродуктивном уровне, уменьшилось на 14,5 %; на адаптивно-воспроизводящем – на 4 %. Репродуктивный уровень развития нравственного потенциала предполагал, что обучающийся имеет понятие о том, что такое педагогическая нравственность, знает о составляющих ее элементах, знает, как ведет себя педагог, обладающий педагогической нравственностью и не обладающий ею. Умеет сравнивать составляющие ее элементы между собой, с другими качествами личности. Обладает навыками анализа педагогической нравственности. Адаптивно-воспроизводящий уровень предполагал, что обучающийся умеет проявлять гибкость в поведении, терпим к другим, умеет работать на любом рабочем месте, относится ко всем людям непредвзято. В то же время количество респондентов по вышеназванному критерию, находящихся на варьирующе-ситуативном уровне, возросло на 6,5 %, а на рефлексивно-конструктивном – на 12 %. Варьирующе-ситуативный уровень предполагал, что обучающийся хорошо адаптируется в новых условиях, умеет быть гибким в нетиповых ситуациях, хорошо усваивает новые знания, умения и навыки в области педагогической деятельности и общения. Рефлексивно-конструктивный уровень предполагал, что обучающийся проявляет любовь к педагогической дея-

тельности, воспринимает ее как способ самореализации и самосовершенствования, обладает нравственными качествами личности (чуткость, терпеливость, милосердие, честность), осуществляет нравственное взаимодействие со всеми субъектами образования, обладает педагогической справедливостью, педагогическим тактом, развитым чувством ответственности и педагогического долга.

Количество респондентов по критерию «Самокритический потенциал», находящихся на репродуктивном уровне, уменьшилось на 15%; на адаптивно-воспроизводящем – на 14 %. Репродуктивный уровень развития самокритического потенциала предполагал, что обучающийся имеет понятие о педагогической рефлексии, знает о составляющих ее элементах, знает, как ведет себя педагог, обладающий рефлексией и не обладающий ею. Умеет сравнивать различные ее элементы между собой, с другими качествами личности. Адаптивно-воспроизводящий уровень предполагал, что обучающийся умеет составлять план действий по коррекции своей деятельности, способен анализировать педагогическую деятельность, владеет отдельными навыками рефлексии. Что касается количества респондентов по анализируемому критерию, находящихся на варьирующе-ситуативном уровне, то оно возросло на 2 %, а на рефлексивно-конструктивном – на 27 %. Варьирующе-ситуативный уровень предполагал, что обучающийся умеет осуществлять самоконтроль в процессе учебно-практической деятельности, умеет анализировать собственную позицию, умеет перестраивать собственную деятельность в соответствии с современными требованиями образования. Рефлексивно-конструктивный уровень предполагал, что обучающийся умеет проявлять интуицию в педагогической деятельности, способен самостоятельно и критически оценивать уровень своей профессиональной подготовленности, способен к самосовершенствованию и саморазвитию потенциальных возможностей, умеет привлекать собственный опыт для преодоления затруднений в профессионально-педагогической деятельности, умеет продуцировать новые идеи по преодолению проблемно-педагогических ситуаций.

Количество респондентов по критерию «Коммуникативный потенциал», находящихся на репродуктивном уровне, уменьшился на 4%; на адаптивно-воспроизводящем – на 13 %. Репродуктивный уровень развития коммуникативного потенциала предполагал, что обучающийся имеет понятие о том, что такое коммуникативность и способность к кооперации, знает о составляющих ее элементах, знает, как ведет себя педагог, обладающий коммуникабельностью и не обладающий ею. Умеет сравнивать различные ее элементы между собой, с другими качествами личности. Обладает навыками анализа данного интегративного конструкта. Проявляет готовность к сотрудничеству и работе в рамках заданных групповых структур. Адаптивно-воспроизводящий уровень предполагал, что обучающийся владеет первичным уровнем умений взаимодействия, умеет при вхождении в группу определять с другими участниками свои функции. Может работать в группе в соответствии со своими обязанностями. Умеет воспринимать предложения других и вносить свои предложения. Умеет поддерживать неформальное общение в группе. Количество респондентов, находящихся на варьирующе-ситуативном уровне, не изменилось, а на рефлексивно-конструктивном уровне возросло на 17 %. Варьирующе-ситуативный уровень предполагал, что обучающийся владеет технологиями выбора стратегии делового общения. Умеет действовать слаженно, объединяться в микро-

группы с другими студентами в зависимости от сложности возникающих перед группой или ее участниками задач. Умеет добиваться поставленных целей в ходе общения и взаимодействия и при этом пользуется уважением и является хорошим партнером по общению. Нацелен на конструктивное решение задач любой сложности, которые могут возникнуть в процессе общения. Рефлексивно-конструктивный уровень предполагал, что обучающийся умеет взаимодействовать со всеми участниками педагогического процесса, способен к кооперации, обладает готовностью к сотрудничеству, владеет методиками предупреждения и разрешения конфликтов, самостоятельно умеет преодолевать трудности в общении и во взаимодействии с другими. В ситуации, когда нужно решить проблему, умеет быстро и творчески отыскать наиболее эффективное решение.

Таким образом, результатом рефлексивного обучения стало динамичное развитие процессов профессионально-личностного самосовершенствования и самоактуализации у студентов, их способности к рефлексии собственной деятельности, потребности в ней, как условия осознанного регулирования своего профессионально-педагогического поведения.

*Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО
«Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева»
по договору на выполнение научно-исследовательских работ от 04.06.2018 г.
№ 1/309 по теме «Объекты и показатели внутреннего мониторинга качества
дошкольного образования»*

Список использованных источников

1. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. М. : АСТ : Харвест, 1998. 800 с.
2. Рыбакова Н.А. Условия самоактуализации педагога в профессиональной деятельности // Современная педагогика. 2016. № 12. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2016/12/6539> (дата обращения: 15.09.2018).
3. Терских И.А. Самоактуализация в профессиональной деятельности педагога // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 3841–3845. URL: <http://e-concept.ru/2015/85769.htm> (дата обращения: 15.09.2018).
4. Колодезников К.С. Организационно-педагогические условия профессионального самосовершенствования студентов методом стимулирования в процессе познавательной деятельности // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1. С. 178–182.
5. Донцов И.А. Самовоспитание личности: Философско-этические проблемы. М. : Политиздат, 1984. 285 с.
6. Каримова А.А. К вопросу о преемственности этапов профессионально-личностного самосовершенствования будущих преподавателей-филологов в условиях непрерывного образования // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4. С. 331–335.
7. Шлома А.В. Личностно-профессиональное самосовершенствование как средство подготовки учителей к инновационной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Брянск, 2004. 219 с.
8. Фишман Б.Е. Распознавание закономерностей профессионально-личностного самосовершенствования педагогов // Фундаментальные исследования. 2015. № 10-1. С. 88–94.
9. Иванова И.Ю. Становление профессионально-педагогической деятельности студентов в образовательном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2006. 213 с.
10. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М. : Политиздат, 1972. 303 с.

11. Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. М. ; Л. : Учпедгиз, 1935. 135 с.
12. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М., 1996. 484 с.
13. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
14. Левитан К.М. Личность педагога: Становление и развитие. Саратов : СГУ, 1990. 168 с.
15. Вульф В.З., Иванов В.Д. Основы педагогики. М. : Изд-во УрАО, 1999. 616 с.
16. Шиянов Е.Н., Недбаев С.В. Развитие личности средствами психологической практики // Педагогика. 2003. № 4. С. 16–21.
17. Трубайчук Л.В. Формирование ценностного отношения к педагогической профессии у студентов педагогического вуза // Методология педагогики: аксиологический подход, ценностно-смысловые аспекты постижения и реализации образования: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. С. 289–294.
18. Сибилева Л.В., Артеменко Б.А. Профессиональное самоопределение студентов педвуза как показатель удовлетворенности выбранной профессией // Вестник ЧГПУ. 2013. № 1. С. 141–149.
19. Бизяева А.А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия. Псков : ПГПИ им. С.М. Кирова, 2004. 216 с.
20. Быстрой Е.Б., Райсвих Ю.А. Создание интерактивной дидактико-коммуникативной среды как одного из педагогических условий формирования аксиологической направленности будущего учителя // Современные тенденции развития образования и культуры в общеевропейском контексте: сборник мат-лов международной научно-практической конференции в рамках Года Германии в России 2012–2013. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ин-т культуры, 2013. С. 149–155.
21. Щуркова Н.Е. Практикум по педагогической технологии. М. : Пед. об-во России, 1998. 249 с.
22. Емельянов Ю.Н. Обучение паритетному диалогу : учеб. пособие. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 106 с.
23. Петровская Л.А. Введение в практическую социальную психологию : учеб. пособие для вузов / под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской. М. : Смысл, 1999. 377 с.
24. Быстрой Е.Б., Бароненко Е.А., Райсвих Ю.А. [и др.]. Коммуникативное взаимодействие в процессе подготовки бакалавров педагогического образования: аксиологический подход // Вестник ЧГПУ. 2017. № 7. С. 30–35.
25. Варламова Е.П. Методика «Контрасты нашей судьбы» // Воспитание и развитие личности. Международная научно-практическая конференция. М. : ИРЛ РАО, 1997. С. 38–40.

References

1. Slovar' prakticheskogo psihologa / S.YU. Golovin. M. : AST : Harvest, 1998. 800 s.
2. Rybakova N.A. Usloviya samoaktualizacii pedagoga v professional'noj deyatel'nosti // Sovremennaya pedagogika. 2016. № 12. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2016/12/6539> (data obrashcheniya: 15.09.2018).
3. Terskih I.A. Samoaktualizaciya v professional'noj deyatel'nosti pedagoga // Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept». 2015. T. 13. S. 3841–3845. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85769.htm> (data obrashcheniya: 15.09.2018).
4. Kolodeznikov K.S. Organizacionno-pedagogicheskie usloviya professional'nogo samosovershenstvovaniya studentov metodom stimulirovaniya v processe poznavatel'noj deyatel'nosti // Vektor nauki TGU. 2012. № 1. S. 178–182.
5. Doncov I.A. Samovospitanie lichnosti: Filosofsko-ehlicheskie problemy. M. : Politizdat, 1984. 285 s.

6. Karimova A.A. K voprosu o preemstvennosti etapov professional'no-lichnostnogo samovershenstvovaniya budushchih prepodavatelej-filologov v usloviyah nepreryvnogo obrazovaniya // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2012. № 4. S. 331–335.
7. SHloma A.V. Lichnostno-professional'noe samovershenstvovanie kak sredstvo podgotovki uchitelej k innovacionnoj deyatel'nosti : dis. ... kand. ped. nauk. Bryansk, 2004. 219 s.
8. Fishman B.E. Raspoznavanie zakonomernostej professional'no-lichnostnogo samovershenstvovaniya pedagogov // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015. № 10-1. S. 88–94.
9. Ivanova I.YU. Stanovlenie professional'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti studentov v obrazovatel'nom processe : dis. ... kand. ped. nauk. Ekaterinburg, 2006. 213 s.
10. Spirkin A.G. Soznanie i samosoznanie. M. : Politizdat, 1972. 303 s.
11. Vygotskij L.S. Umstvennoe razvitie detej v processe obucheniya. M.; L. : Uchpedgiz, 1935. 135 s.
12. Lejbnic G.V. Novye opyty o chelovecheskom razume. M., 1996. 484 s.
13. Hutorskoj A.V. Klyucheveye kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannoj paradigmy obrazovaniya // *Narodnoe obrazovanie*. 2003. № 2. S. 58–64.
14. Levitan K.M. Lichnost' pedagoga: Stanovlenie i razvitie. Saratov : SGU, 1990. 168 s.
15. Vul'fov B.Z., Ivanov V.D. Osnovy pedagogiki. M. : Izd-vo UrAO, 1999. 616 s.
16. SHiyarov E.N., Nedbaev S.V. Razvitie lichnosti sredstvami psihologicheskoy praktiki // *Pedagogika*. 2003. № 4. S. 16–21.
17. Trubajchuk L.V. Formirovanie cennostnogo otnosheniya k pedagogicheskoy professii u studentov pedagogicheskogo vuza // *Metodologiya pedagogiki: aksiologicheskij podhod, cennostno-smyslovye aspekty postizheniya i realizacii obrazovaniya: sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. CHelyabinsk : Izd-vo CHelyab. gos. ped. un-ta, 2010. S. 289–294.
18. Sibileva L.V., Artemenko B.A. Professional'noe samoopredelenie studentov pedvuza kak pokazatel' udovletvorennosti vybrannoj professiej // *Vestnik CHGPU*. 2013. №1. S.141-149.
19. Bizyaeva A.A. Psihologiya dumayushchego uchitelya: pedagogicheskaya refleksiya. Pskov : PGPI im. S.M. Kirova, 2004. 216 s.
20. Bystraj E.B., Rajsivih YU.A. Sozdanie interaktivnoj didaktiko-kommunikativnoj sredy kak odnogo iz pedagogicheskikh uslovij formirovaniya aksiologicheskoy napravlenosti budushchego uchitelya // *Sovremennye tendencii razvitiya obrazovaniya i kul'tury v obshcheevropejskom kontekste: sbornik mat-lov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah Goda Germanii v Rossii 2012–2013*. CHelyabinsk : Izd-vo CHelyab. gos. in-t kul'tury, 2013. S. 149–155.
21. SHCHurkova N.E. Praktikum po pedagogicheskoy tekhnologii. M. : Ped. ob-vo Rossii, 1998. 249 s.
22. Emel'yanov YU.N. Obuchenie paritetnomu dialogu : ucheb. posobie. L. : Izd-vo LGU, 1991. 106 s.
23. Petrovskaya L.A. Vvedenie v prakticheskuyu social'nuyu psihologiyu : ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. YU.M. ZHukova, L.A. Petrovskoj. M. : Smysl, 1999. 377 s.
24. Bystraj E.B., Baronenko E.A., Rajsivih YU.A. [i dr.]. Kommunikativnoe vzaimodejstvie v processe podgotovki bakalavrov pedagogicheskogo obrazovaniya: aksiologicheskij podhod // *Vestnik CHGPU*. 2017. № 7. S. 30–35.
25. Varlamova E.P. Metodika «Kontrasty nashej sud'by» // *Vospitanie i razvitie lichnosti. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya*. M. : IRL RAO, 1997. S. 38–40.

УДК 37.01+7.01+81

Н.М.Гарипова

**Музыкальный слух как функциональный орган:
сущность и принципы развития в контексте задач педагогики**

В статье речь идет о том, при каких условиях музыкальный слух представляет собой функциональный орган, истинное назначение которого обеспечить постижение музыкального смысла, что в сфере практически-духовной деятельности позволяет индивиду присваивать опыт человечества, а музыкальный слух наделяет статусом интонационного. Указаны принципы организации обучения, формирующего и развивающего такой слух, и раскрыта ограниченность музыкального слуха, направленного лишь на восприятие аналитической формы музыки.

Ключевые слова и фразы: музыкальный слух; музыкальный слух как функциональный орган; музыкальная интонация; интонационный слух; освоение музыкально-звуковых структур; осмысленность при восприятии музыкально-звукового материала.

N.M.Garipova

**Musical Ear as a Functional Organ:
Essence and Principles of Development in the Context
of the Tasks of Pedagogy**

The article deals with the conditions under which the ear for music is a functional organ, the true purpose of which is to provide comprehension of the musical meaning, which in the sphere of practical-spiritual activity allows an individual to appropriate the experience of humanity, and ear for music gives the status of intonation. It indicates the principles of the organization of training, which form and develop such a hearing and describes the limitations of the musical ear, aimed only at perception of the analytical form of music.

Key words and phrases: musical ear; ear for music as a functional organ; musical intonation; intonation ear; mastering musical and sound structures; meaningfulness in the perception of musical and sound material.

Музыкальный слух – это способность, позволяющая человеку осваивать грандиозный опыт человечества, воплощенный и воплощаемый в музыке. Понятно, что вне развитого музыкального слуха невозможна деятельность ни композитора, ни исполнителя. Если композитор чутко прислушивается к тем звуковым образам, которые возникают в его психике, в его внутреннем мире, то исполнитель должен постоянно вслушиваться в звучание, сравнивая реальное с предслышанным (желаемым). Всем музыкантам хорошо известен тезис: «пианист играет не пальцами, а

Гарипова Наталья Михайловна, доцент кафедры музыкальной педагогики и исполнительства Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского (филиал в г. Ялта), кандидат педагогических наук, доцент, Республика Крым, г. Ялта; конт. инф.: natamigo@rambler.ru

© Гарипова Н.М., 2018

слухом». И в этом заключается истина. В той или иной степени музыкальный слух должен быть развит и у слушателя, в противном случае музыкальное звучание превратится для него в звуковую массу, «говорящую» лишь о самой себе.

Не меньшее значение развитый музыкальный слух имеет и в музыкально-педагогической деятельности, поскольку музыкант-педагог – это связующее звено между композитором (результатами его деятельности) и будущим исполнителем, между исполнителем и учеником как слушателем. В первом случае он вместе со своим учеником внимательно прислушивается к звучанию осваиваемых опусов, участвуя в выстраивании интонационной формы произведения на основе аналитической (В.В.Медушевский). Во втором – помогает ученику как слушателю проникнуть в ту информацию, которую несет музыка, как бы поверх своей звуковой формы. Понятно, что предварительно эта информация должна быть постигнута им самим, что невозможно без тонкого адекватного ее слышания.

Не случайно к проблеме музыкального слуха в различных аспектах обращались многие ученые (Б.В.Асафьев, И.П.Гейнрихс, А.Л.Готсдинер, В.В.Медушевский, Е.В.Назайкинский, Д.К.Кирнарская, Г.А.Орлов, В.И.Петрушин, Б.М.Теплов, В.Н.Холопова, Г.М.Цыпин, Б.И.Уткин, Б.Л.Яворский и др.). К настоящему времени выявлены и исследованы его разновидности (мелодический, гармонический, фактурный, абсолютный, относительный и пр.), особенности проявления в различных видах музыкальной деятельности (композиторской, исполнительской, слушательской), предложены методы развития.

Тем не менее, до сих пор не существует общепризнанной теории музыкального слуха, нет однозначного понимания его сущности, что негативно сказывается на результатах деятельности по его развитию. Очень часто и музыкантами-педагогами, и обучающимися явление *музыкальный слух* понимается очень узко – как способность по различению музыкальной высоты. Ограниченное понимание рассматриваемой способности, непонимание ее истинных функций в восприятии музыки, именно как искусства, заключающего в себе человеческие смыслы, дает ложные ориентиры в организации работы по развитию слуха. А потому исследование проблемы представляется весьма актуальным, а ее решение ценно в практическом плане. Актуальность заявленной в статье проблемы следует обозначить и в контексте современных задач педагогики, связанных с личностно-гуманистическими ориентирами образования, предполагающими освоение ценного опыта человечества, предстающего перед обучающимися в форме личностных смыслов.

Цель статьи – раскрыть специфику музыкального слуха как инструмента проникновения в музыкальный смысл и вскрыть условия такого проникновения в тех аспектах, которые доступны для актуализации в рамках музыкально-педагогического процесса. Это требует обращения к проблеме музыкального смысла и выявления его имманентных свойств, проецирующихся на слуховую способность человека, заключающуюся в дифференцированном слышании музыкального материала и синтезе музыкально-слуховых структур. Предлагаемый контекст исследования выдвигает задачи: выявить проявления музыкального слуха как специфической способности – способности в сфере практически-духовной деятельности (М.С.Каган); обозначить сущность музыкального смысла; выявить функции музыкального слуха при постижении музыкального смысла; вскрыть связи слуховой сенсорики с эмоциональной и мотор-

ной сферами человеческой психики; показать принципиальную необходимость этих связей и выявить механизмы их актуализации.

Научная новизна статьи состоит в том, что феномен музыкального слуха рассмотрен в контексте постижения музыкального смысла как явления практически-духовной формы деятельности и заключается не только в дифференцирующем слышании музыкально-звуковой материи, но и в синтезировании услышанных элементов. Кроме того, будет показано, что со всей очевидностью музыкальный слух проявляет свойства функционального органа в своей интонационной ипостаси, что еще не нашло должного отражения в научной литературе. Если музыкальный слух – это дифференцирующе-синтезирующая способность, то наделенный свойством интонационности, он предполагает соинтонирование и осознание услышанного (в том или ином плане). Предлагаемое понимание сущности сенсорно-перцептивной деятельности в сфере музыки и особенностей музыкального смыслогенеза позволяет грамотно выстроить работу по ее развитию в рамках музыкально-педагогического процесса, что говорит о ценности статьи для практики.

На первый взгляд кажется, что музыкальный слух это сенсорная способность для дифференциации звуковой материи в сфере музыки. Однако тонкое различение существенных параметров звучания, а это, как известно, звуковысотность, тембр, динамика и длительность, еще не свидетельствует о слышании именно музыки, а не звучания как такового. Известно, что тонко различать отдельные стороны звука могут и животные. Так, например, слух собаки или кошки превосходит человеческий по ряду позиций. Однако вряд ли следует связывать способность животных тонко слышать звуки с музыкально-художественным восприятием, памятуя, что музыка принадлежит сфере художественной деятельности, той деятельности, которая свойственна лишь человеку. Конечно, в некоторой «музыкальности» мы не можем отказать братьям нашим меньшим (известны случаи удивительно чистого соинтонирования собаки при восприятии музыки и особой любви кошек к музыкальным звучаниям), однако разумнее будет признать эту способность сугубо человеческой, если так можно выразится, – антропным свойством *homo sapiens*, хотя корни ее и уходят в мир животных [1].

Дело в том, что музыкальный слух формируется только в музыкальной деятельности, осуществляемой осознанно и, в известном смысле, целенаправленно. Его можно назвать функциональным органом человека. Понятие функциональный орган разрабатывалось А.А.Ухтомским. Российский физиолог понимал под ним некое сочетание сил, позволяющее решать жизненные задачи. Он писал: «С именем «органа» мы привыкли связывать представление о морфологически сложившемся, статически постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» [2, с. 64]. Несмотря на то, что многие функциональные органы базируются на той или иной сенсорной системе, любой из них выходит за ее пределы и предполагает деятельность различных сфер психики. Всякий функциональный орган (а к таковым ученые относят интегральный образ, память, живое движение и пр.) возникает в жизнедеятельности человека и призван обеспечивать успешное и желаемое взаимодействие со средой. Музыкальный слух рождается и совершенствуется при взаимодействии с музыкой. Он формируется в этой особой деятельности, которую вряд ли следует сводить лишь к распознаванию и воспроизведению звучаний.

Однако сформировавшись, музыкальный слух проявляет себя не только в музыкально-художественной сфере. Человек, обладающий музыкальным слухом, способен услышать музыку в звуках природы – в шуме ветра, дождя, в плеске воды, в щебетании птиц, в человеческой речи и пр., то есть в любых звучаниях окружающей жизни. Услышать музыку в звучаниях мира – это не только неосознанно соотнести услышанное с музыкальными представлениями, но и переживать эти звуки как музыкальное звучание, услышать в этом музыкальный смысл.

Принципиально важно отметить, что смысл, а он связан с мыслью, не только понимается, но прежде всего ощущается. Более того, ощущение смысла возникает до его понимания. «Мы ощущаем мысль, – пишет А.В.Смирнов, – еще до того, как она высказана...» [3, с. 18], что связано с эффектом ощущения целостности объекта (и на этом особо настаивает ученый), воспринимаемого, однако, во многих (если не во всех) доступных для восприятия деталях. В сфере музыки это проявляется в том, что звучание не распадается на множество составляющих (а они в нем всегда присутствуют и осмыслены человеком-музыкальным как музыкальные средства), а воспринимается как некое целое, что и позволяет слышать его осмысленно, как наделенное смыслом.

Получается, что музыкальный слух – это дифференцирующе-синтезирующая сенсорно-перцептивная способность для постижения музыкального смысла. Однако такая дефиниция музыкального слуха не объясняет его специфику. Дело в том, что само понятие музыкальный смысл, используемое музыкантами в самых разных контекстах, не обладает содержательной четкостью. И каждый исследователь вкладывает в него свой смысл (да простят меня за тавтологию). Это объясняется тем, что и в философии – науке, занимающейся смыслами, теория смысла к настоящему времени не разработана. В связи с этим А.В.Смирнов пишет: «Самая главная проблема философии – смысл; настолько главная, что она до сих пор толком не была поставлена» [3, с. 7].

Рассуждая же о смысле в музыке, музыканты руководствуются асафьевским тезисом «музыка – искусство интонируемого смысла». Получается, что существенным свойством музыкального слуха должна быть интонационность, базирующаяся на интонировании. А потому можно говорить об интонационном слухе человека музыкального и о важности его целенаправленного развития. Попытка привлечь внимание к этому явлению была предпринята автором статьи еще в прошлом веке [4, с. 117–121].

Хотя следует отметить, что понятие интонационный слух давно используется лингвистами, исследующими вербальную речь. Интонационный слух эти ученые связывают со способностью тонко различать просодические стороны человеческой речи. Своими исследованиями языковеды давно доказали, что звучащие компоненты вербальной речи (тембр, динамика, интервалика, темпоритм, синтагматическое структурирование и пр.) имеют большое значение для адекватного постижения воспринимаемой с помощью слуха вербально-речевой информации [5; 6; 7, с. 205; 8, с. 36–46, 73–88; 9]. Иногда звучание слова, произносимого адресантом, полностью перечеркивает его семантику (закрепленное за ним содержание). И подлинный смысл передается с помощью речевой интонации, которая должна быть тонко услышана адресатом во всех

деталях. Чаще картина звучания вербальной речи вносит некое дополнительное (коннотативное) содержание, которое и улавливается с помощью интонационного слуха.

Но если в вербально-речевой коммуникации звуковая картина выступает неким дополнением к значениям слов (заметим, текст может и не звучать, а быть представлен в письменной форме), то в музыке содержание передается, прежде всего, с помощью звучания. А потому постижение содержания, заложенного в музыкальном звучании, требует различения (дифференциации) многих (если не всех) его сторон. Однако при восприятии музыки музыкальная материя должна предстать не как совокупность элементов, а как иерархическая система музыкально-звуковых структур.

Музыкальная структура – понятие, пришедшее в музыковедение из структурной лингвистики и занявшее в нем центральное место. По мнению М.Г.Арановского, «...выдвижение понятия *структуры* в качестве обобщающего целиком связано со спецификой музыки, в которой репрезентативной функцией обладает именно структура, а не входящие в нее элементы (в отличие от вербального текста, состоящего из слов с их значениями)» [10, с. 37]. Структура представляет собой сцепление нескольких элементов. В музыкально-звуковой материи можно обнаружить огромное количество структур, различных по своему устройству. Можно говорить о структурах музыкальной речи (мотивах, субмотивах, фразах), которые структурируются в предложения и периоды, а последние составляют композиционные формы – тоже структуры, порой весьма значительного масштаба. С иных позиций можно различать ритмические, мелодические, гармонические, фактурные структуры. Музыковедение давно пользуется такими понятиями, как мелодико-гармонический оборот, метроритмическая формула, фактурная ячейка и пр. Все это – структуры, включающие в себя ряд простых средств (ритм, лад, звуковысотность и пр.). Более того, даже простое музыкальное средство по своему устройству представляет собой структуру [11].

Понятно, что одной из задач при развитии музыкального слуха является освоение таких структур, которые, с одной стороны, в значительной мере облегчили бы психике процессы музыкально-слухового структурирования, с другой – совершенствовали бы навыки различения простых средств, являющихся строительным материалом иных многокомпонентных структур. Отобрать систему таких структур – одна из задач преподавателя-сопраниста. Слышание сложных музыкальных структур, осознание особенностей их структурирования и тех изменений, которые происходят в них при дальнейшем развертывании музыкального материала, а также различение в них простых средств – из всего этого и складывается осмысленное восприятие музыкально-звуковой материи, в этом и заключается важнейшая функция музыкального слуха. Формировать же такое слышание – задача музыкальной педагогики.

Однако ощущение осмысленности в звучании, базирующееся на различении элементов и их слуховом синтезе – это лишь начальный шаг в постижении смысла. Его можно сравнить с умением различать слова и фразы вербального текста, которое еще не обеспечивает постижение смысла сказанного в полной мере. А слух музыканта может быть тонко дифференцирующим, но не интонационным. Такой слух направлен на аналитическую форму музыки. Понятие «*аналитическая форма музыки*», предложенное В.В.Медушевским, отражает закономерности звуковысотной и временной организаций искусства звуков [12]. Как показывает многолетняя практика

автора статьи и проведенные обследования музыкального слуха, в среднем только 8–10 % обучающихся (2–3 человека из 25) осознают особенности музыкальной интонации (музыкального смысла). Остальные же ориентированы различать в звучании только высотные соотношения и отчасти – ритмические.

Понятно, что если человек четко различает звуковысотность, интервалику, аккордику, метроритм, ладотональный план произведения, но при этом «глух» к его эмоциональному компоненту и не узнает предметно-ситуативный элемент, отраженный в музыке (а это то, что связывает музыку с человеческой жизнью), мы не можем отказать ему в обладании музыкальным слухом. Заметим, именно развитие дифференцирующей способности слуха нередко ставят во главу угла педагоги-сольфеджисты, упуская из вида то, что смысл музыки как явления практически-духовной формы деятельности (М.С.Каган) заключается в трансляции человеческого отношения (к миру, к тому или иному объекту, ситуации, к Другому, наконец, к самому себе или к самому звучанию), переживаемого эмоционально (хотя не только так).

Обеспечить же освоение личностью ценного для человечества опыта отношений – сверхзадача педагогики. В сфере музыки такой опыт присваивается через интонирование (соинтонирование). В связи с этим уместно напомнить, что сам Б.В.Асафьев – автор интонационной теории – связывал музыкальную интонацию с Жизнью (экстрамузыкальным компонентом, как сказал бы современный музыковед) и психологичностью. Последнюю он понимал как особое состояние, порожденное прохождением «каждого звукового образа сквозь призму ощущения, пережитого, запечатленного в душевной жизни и осознанного» [13, с. 237–238]. Понятно, что душевная жизнь всегда включает в себя эмоциональную составляющую. Иными словами, музыкальная интонация переживается.

Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что нередко встречаются люди, глубоко переживающие музыку и тонко улавливающие предметно-ситуативный (экстрамузыкальный) компонент музыкального содержания, но демонстрирующие довольно слабое различение музыкальных средств. Это выявляется на занятиях сольфеджио при слуховом анализе, музыкальном диктанте. Получается, что человек, обладающий интонационным слухом, может демонстрировать весьма посредственный музыкальный слух в плане его дифференцирующей составляющей. Часто это обусловлено ограниченным тезаурусом освоенных и/или осознанных музыкально-звуковых структур. А потому в качестве одной из задач музыкальной педагогики должно выступать целенаправленное освоение и осознание таких структур.

В данной точке рассуждений со всей очевидностью обнаруживается трудность в проведении демаркационной линии между музыкальным слухом и музыкальным восприятием. Однозначно можно сказать, что музыкальный слух должен обеспечивать такое музыкальное восприятие, при котором слушатель присваивает состояние переживаемого отношения к предмету смысла. В качестве последнего может выступать как сам музыкальный опус, так и то или иное явление, отраженное в нем. Понятно, что музыкальный слух должен быть дифференцирующим, но при этом должен обладать такими свойствами, которые позволили бы слушателю проникнуть в музыкальный смысл – в «жизненный» и/или эмоциональный компоненты музыкального содержания (в сферу экстрамузыкального). В этом случае мы и можем говорить об интонационном слухе. А чтобы стать таковым, у индивида наряду

со слуховой сенсорикой должны активизироваться и иные сферы психики (в этом и заключается то самое «сочетание сил», о котором писал А.А.Ухтомский).

Справедливости ради заметим, что не все музыканты связывают с музыкальным смыслом экстрамузыкальный компонент музыкального содержания, истоки которого нередко находятся в ассоциациях, включающих представления о предметах и ситуациях действительности. Так, например, Г.Ганслик весьма негативно высказывался на этот счет и отрицал правомерность каких-либо внемузыкальных представлений при восприятии музыки, понимая ее содержание как становление чисто музыкальной формы [14].

Однако видеть в музыке лишь звучание – значит отказывать ей в способности воплощать и транслировать некую ценную для человека и человечества информацию. Ценность этой информации как раз и заключается в звучащем смысле, который, как всякий смысл, рождается на пересечении контекстов [15, с. 322–325]. А потому музыкальный смысл не может быть сведен только лишь к звучанию. Он заключается в эмоционально переживаемом отношении к предмету смысла, в качестве которого, как было указано выше, может выступать и само произведение, и тот или иной «фрагмент» мира (реального или виртуального), отраженный в музыке. И если для музыканта в качестве предмета смысла часто выступает сам музыкальный опус, ценность которого им осознается, то наивный слушатель в поисках музыкального смысла нередко ищет этот самый «фрагмент» мира. Ассоциации же предметно-ситуативного плана обеспечивают пересечение смысловых контекстов, а порой служат и источником эмоций.

Однако человек, продвинутый в музыкальном плане, может проникнуться эмоциями (а это также сфера экстрамузыкального), осознавая сугубо музыкальную сторону произведения. Это происходит благодаря включению опуса в широкий музыкально-художественный контекст. Не обнаруживая жизненного содержания, он может восторгаться находками композитора, мастерством исполнителя, возможностями инструмента и пр. при восприятии тех произведений, которые для наивного слушателя предстают как бессмысленный набор звуков.

Говоря об эмоции в сфере музыки, следует подчеркнуть ее особый статус. Если в сфере духовно-теоретической деятельности эмоция не существенна для смысла, который по сути превращается в значение, то практически-духовная (художественно-эстетическая) форма деятельности непременно включает эмоциональный компонент, выступающий здесь существенным моментом. Дело в том, что смыслы практически-духовной сферы деятельности транслируются в форме личностных смыслов. Личностный же смысл не существует вне эмоции. А.Н.Леонтьев считал эмоцию сигналом личностного смысла [16, с. 157]. Музыка является наиболее эмоциональным видом искусства. В силу своего устройства она не только с легкостью вызывает эмоциональное переживание, но и управляет им. Имеются основания говорить о трех механизмах эмоционального воздействия музыки – психофизиологическом, симптоматическом и предметно-ситуативном.

Психофизиологический механизм эмоционального воздействия музыки заключается в том, что возникающая эмоция обусловлена закономерностями работы головного мозга и слухового анализатора. Ряд эмоций в рамках данного механизма возникает непосредственно под влиянием звукового стимула. Таковы воздействия

диссонансов, некоторых тембров, очень громкой или очень тихой динамики и пр. В большинстве случаев важную роль здесь играет музыкальный опыт, в результате которого осваиваются самые разные по масштабам и сложности музыкальные структуры – элементы музыкальной речи, различные интонационные комплексы (интонации фанфары, валторны, вздоха, призыва, восторженности и пр.), структуры, связанные со сложными и простыми музыкальными средствами (фактурные формулы, гармонические обороты, ладомелодические ходы и пр., а также лады, метроритмы). Чем больше психикой слушателя освоено музыкальных средств и музыкально-речевых структур, тем легче проходит процесс музыкального восприятия. А это способствует рождению положительных эмоций.

И напротив, ограниченный круг музыкально-слуховых представлений, хранящихся в психике человека, затрудняет процессы распознавания музыкальных структур и музыкально-слухового структурирования, что вызывает напряжение и отрицательную эмоцию. Следовательно, освоение музыкальных структур оказывается весьма важным не только для процессов музыкально-слухового структурирования, но и для генезиса эмоций.

Симптоматичный механизм эмоционального воздействия заключается в том, что при восприятии музыки слушатель присваивает симптомы эмоций, отраженные в ней, и благодаря этому заражается эмоцией. Особое значение имеют экспрессивные симптомы эмоциональных реакций человека – выразительные движения (пантомимика), картина интонирования (прежде всего речевого), ритм и характер дыхания. Присвоение симптомов осуществляется на основе соинтонирования и, как правило, не осознается слушателем. Движения голосовых связок, артикуляционного аппарата порождают активность многих мышц человеческого тела, поскольку моторный аппарат человека представляет собой некое целое, и любое движение так или иначе отражается в голосовом аппарате (и наоборот), что было доказано еще Н.А.Бернштейном [17, с. 66–125]. При соинтонировании слух и голосовой аппарат самым тесным образом взаимодействуют. Слуховая рецепция приводит к сокращению связок и к активности артикуляционного аппарата [18]. Не случайно Б.М.Теплов считал музыкальный слух слухо-моторной способностью [19].

Музыкальный слух, наделенный свойством интонационности, позволяет услышать в музыкальном звучании речевые интонации вопроса, повествования, перечисления, восклицания и пр., а также соотнести структуры музыкальной речи с синтагмами, фразами, словами. Вместе с тем картина музыкального интонирования предстает перед психикой слушателя как модель движений человека, которые обладают не только определенным ритмом, но и такими характеристиками, как направленность, амплитуда, интенсивность, опорность и пр. Получается, что интонационный слух может «услышать» самые разные движения, что способствует заражению эмоцией. Однако связь движения и голоса, как показывает практика работы по развитию музыкального слуха, порой бывает весьма слабой. Это выражается, например, в том, что многие обучающиеся прекращают соинтонировать музыке, как только ее звучание оказывается в неудобной для них tessiture.

Предметно-ситуативный механизм эмоционального воздействия музыки заключается в том, что слушатель узнает в звучании отражение того или иного объекта, явления, ситуации, процесса действительности, очень часто представляющих со-

бой предмет смысла (или связанного с ним). Будучи эмоциогенным для человека в его повседневной жизни, предмет смысла, воплощенный в звучании, способен вызвать эмоциональный отклик и при восприятии музыки. Музыкальное искусство располагает многими методами транслировать слушателю информацию о предметно-ситуативном компоненте музыкального содержания. Прежде всего это словесная программа, как правило, предваряющая звучание и непосредственно указывающая на отражаемый предмет. Использует музыка и различные изобразительные приемы, позволяющие узнать некий «фрагмент» действительности на основе мимезиса – сходства звучания и отражаемой реалии.

Однако не меньшее значение имеют интонационно-лексические, жанровые и стилевые средства, также способные транслировать информацию предметно-ситуативного плана, но только в том случае, если слушатель распознает их в звучании и знаком с их семантикой. За этими средствами в ходе музыкально-исторического процесса закрепилось некое содержание, довольно обобщенное, если его рассматривать по отношению к отдельному средству, но обретающее определенность в рамках конкретного музыкального контекста. Такие средства подобны словам вербального языка. Не случайно и в музыке их нередко называют музыкальной лексикой (а также музыкальными интонациями, интонационными формулами). Некоторые из них являются стилевыми или жанровыми средствами. Именно интонационно-лексические, жанровые и стилевые средства необходимо освоить, чтобы постигать предметно-ситуативный компонент музыкального содержания.

Из вышеизложенного материала следует, что музыкальный слух как функциональный орган, «претендующий» на статус интонационного (т. е. направленный на постижение музыкального смысла) предполагает установку на соинтонирование и знания семантики музыкальных средств. Все это обеспечивается живой практикой восприятия музыки различных стилей и жанров. Деятельность, осуществляемая психикой в этом плане, по большей части не осознается слушателем, проходит на подсознательном уровне. Однако человек, обладающий таким слухом, не только эмоционально переживает музыку, но и способен рассуждать о ней, понимает ее в том или ином аспекте. Что же касается целенаправленного развития такого слуха, то оно требует разработки особых методов, в согласии с закономерностями музыкально-слухового структурирования и генезиса музыкального смысла.

Таким образом, музыкальный слух, наделенный статусом интонационного, представляет собой функциональный орган: при своем функционировании он связан со многими психическими функциями (эмоциями, моторикой, мышлением и др.). Имеющий физиологический базис в слуховом анализаторе, он предполагает наличие широкого круга слуховых представлений музыкально-звуковых структур различной сложности, относящихся к тем или иным жанрам, стилям, направлениям музыки. Такой музыкально-слуховой тезаурус облегчает слуховое различение структур при перцепции музыкального материала и процессы структурирования, а это способствует генезису положительных эмоций при восприятии музыки. В практическом плане организации работы по развитию музыкального слуха такое положение дел требует отбора музыкально-звуковых структур для целенаправленного их освоения со стороны обучающихся.

Кроме того, интонационный слух предполагает соинтонирование, позволяющее индивиду присвоить симптомы эмоциональных реакций и благодаря этому заразиться эмоцией. Соинтонирование следует понимать шире, чем подпевание звучанию. Поскольку суть его заключается в адекватной звучанию моторике и в сокращении мышц гортани, оно должно оказаться в фокусе внимания обучающегося – должно быть осмыслено как особые вокально-моторные и двигательные ощущения, коррелирующие со звуковысотностью и музыкальными ритмами. Одной из задач музыкальной педагогики в этом плане является задача выработать установку на соинтонирование и умение соинтонировать при восприятии любого музыкального материала (в том числе и неудобного для подпевания). Последнее предполагает совершенствование навыков вокального транспонирования в удобную для голоса tessitura.

Не менее важным для постижения музыкального смысла является овладение семантикой музыкальных средств, прежде всего семантикой музыкальной лексики. Это последнее позволяет осознавать экстрамузыкальный компонент музыкального содержания и способствует обеспечению деятельности сферы мышления при восприятии музыки. Понятно, что семантика должна осваиваться в живом общении с музыкой, в связи с чем напрашивается вывод о широкой опоре при развитии слуха на музыкально-художественный материал (не исключая однако и обращение к инструктивному). Освоение семантики музыкальных средств в живом музицировании (при опоре на музыкально-художественные тексты) будет способствовать возникновению ощущений самых разных модальностей, что существенно для постижения музыкального смысла, возникающего на пересечении различных контекстов.

Многие из названных процессов так или иначе (с разной долей активности) имеют место при музыкальном восприятии. Однако целенаправленное формирование и развитие музыкального слуха требует их активизации и в связи с этим специальных методов, разрабатывая которые необходимо руководствоваться закономерностями музыкально-слухового структурирования и механизмов эмоционального воздействия музыки.

Список использованных источников

1. Wallin Nils L., Merker Björn and Brown Steven. The Origins of Music. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 512 p.
2. Ухтомский А.А. Парабиоз и доминанта // Ухтомский А.А. Учение о доминанте. М. : Юрайт, 2017. С. 60–74.
3. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М. : Языки славянской культуры, 2015. 712 с.
4. Гарипова Н.М. Формирование интонационного восприятия музыки в эстетическом воспитании как системе (в условиях занятий элементарной теорией музыки и сольфеджио на факультете начальных классов педагогического института) : дис. ... канд. пед. наук. М., 1990. 199 с.
5. Виноградов В.В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М. : Учпедгиз, 1950. С. 183–256.
6. Златоустова Л.В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1962. 154 с.
7. Черемисина Н.В. Ритмико-интонационная структура предложения в русской художественной речи // Синтаксис и интонация. Уфа : БГУ, 1969. С. 96–248.

8. Черемисина Н.В. Структура синтагмы в русской художественной речи // Синтаксис и интонация. Уфа : БГУ, 1969. С. 3–95.
9. Чичагов В.К. О динамической структуре русского повествовательного предложения // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 22–39.
10. Арановский М.Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. М. : Композитор, 1998. 343 с.
11. Гарипова Н.М. О механизмах когнитивных процессов психики при восприятии музыки // Когнитивные исследования на современном этапе : материалы Всероссийской конференции по когнитивной науке. Казань : КФУ, 2017. С. 323–331.
12. Медушевский В.В. Интонационная форма музыки. М. : Композитор, 1993. 263 с.
13. Асафьев Б.В. О музыке Чайковского. Л. : Музыка, 1972. 375 с.
14. Ганслик Э. О музыкально-прекрасном. Опыт переосмысления музыкальной эстетики. М. : URSS, 2012. 188 с.
15. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. М. : Правда, 1990. С. 195–390.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М. : Позитивиздат, 1977. 304 с.
17. Бернштейн Н.А. О построении движений. М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1947. 254 с.
18. Гершуни Г.В. и др. Физиология сенсорных систем. Л. : Наука Ленинградское отделение, 1972. Ч. 2. Раздел 2. Слух. С. 130–516.
19. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. М.-Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1947. 335 с.

References

1. Wallin Nils L., Merker Björn and Brown Steven. The Origins of Music. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 512 p.
2. Uhtomskij A.A. Parabioz i dominanta // Uhtomskij A.A. Uchenie o dominante. M. : YUrajt, 2017. S. 60–74.
3. Smirnov A.V. Soznanie. Logika. YAzyk. Kul'tura. Smysl. M. : YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 712 s.
4. Garipova N.M. Formirovanie intonacionnogo vospriyatiya muzyki v ehsteticheskom vospitanii kak sisteme (v usloviyah zanyatij ehlementarnoj teoriej muzyki i sol'fedzhio na fakul'tete nachal'nyh klassov pedagogicheskogo instituta) : dis. ... kand. ped. nauk. M., 1990. 199 s.
5. Vinogradov V.V. Ponyatie sintagmy v sintaksise russkogo yazyka // Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka. M. : Uchpedgiz, 1950. S. 183–256.
6. Zlatoustova L.V. Foneticheskaya struktura slova v potoke rechi. Kazan' : Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1962. 154 s.
7. CHeremisina N.V. Ritmiko-intonacionnaya struktura predlozheniya v russkoj hudozhestvennoj rechi // Sintaksis i intonaciya. Ufa : BГУ, 1969. S. 96–248.
8. CHeremisina N.V. Stroenie sintagmy v russkoj hudozhestvennoj rechi // Sintaksis i intonaciya. Ufa : BГУ, 1969. S. 3–95.
9. CHichagov V.K. O dinamicheskoj strukture russkogo povestvovatel'nogo predlozheniya // Voprosy yazykoznanija. 1959. № 3. S. 22–39.
10. Aranovskij M.G. Muzykal'nyj tekst. Struktura i svojstva. M. : Kompozitor, 1998. 343 s.
11. Garipova N.M. O mekhanizmah kognitivnyh processov psihiki pri vospriyatii muzyki // Kognitivnye issledovaniya na sovremennom ehtape : materialy Vserossijskoj konferencii po kognitivnoj nauke. Kazan' : KFU, 2017. S. 323–331.
12. Medushevskij V.V. Intonacionnaya forma muzyki. M. : Kompozitor, 1993. 263 s.
13. Asaf'ev B.V. O muzyke CHajkovskogo. L. : Muzyka, 1972. 375 s.
14. Ganslik EH. O muzykal'no-prekrasnom. Opyt pereosmysleniya muzykal'noj ehstetiki. M. : URSS, 2012. 188 s.

15. Losev A.F. Muzyka kak predmet logiki // Iz rannih proizvedenij. M. : Pravda, 1990. S. 195–390.
16. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2-e izd. M. : Pozitizdat, 1977. 304 s.
17. Bernshtejn N.A. O postroenii dvizhenij. M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo medicinskoj literatury, 1947. 254 s.
18. Gershuni G.V. i dr. Fiziologiya sensoryh sistem. L. : Nauka Leningradskoe otdelenie, 1972. CH. 2. Razdel 2. Sluh. S. 130–516.
19. Teplov B.M. Psihologiya muzykal'nyh sposobnostej. M.-L. : Izd-vo APN RSFSR, 1947. 335 s.

УДК 343.97(470.57)

С.В.Егорышев

Преступность в Республике Башкортостан и ее деструктивное влияние на социальное развитие региона

Статья является продолжением публикации результатов исследования проблемы «Состояние и динамика криминальной девиации в Республике Башкортостан и ее минимизации на региональном уровне», поддержанной грантом РФФИ № 18-411-02-0007. Если в первой статье (Вестник ВЭГУ. 2018. № 4, с. 23–35) говорилось о тенденциях и особенностях преступности на уровне России, то в предлагаемой статье на основе статистического анализа рассматривается деструктивное влияние преступности на социальное развитие Республики Башкортостан.

Ключевые слова и фразы: регион; преступность; социальное развитие; последствия преступности; тенденции преступности в регионе; статистическое исследование.

S.V.Egoryshev

Crime in the Republic of Bashkortostan and its Destructive Influence on the Social Development of the Region

The article is a continuation of the publication of the results of the study “The state and dynamics of criminal deviation in the Republic of Bashkortostan and its minimization at the regional level”, supported by RFBR grant No. 18-411-02-0007. The first article (published in VEGU Bulletin. 2018. No. 4, pp. 23-35) considered the trends and peculiarities of crime in Russia. The proposed article examines the destructive impact of crime on the social development of the Republic of Bashkortostan based on statistical analysis.

Key words and phrases: region, crime, social development, consequences of crime, crime trends in the region, statistical research.

Егорышев Сергей Васильевич, проректор по научной работе Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН, доктор социологических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: egorishev@vegu.ru

© Егорышев С.В., 2018

В предлагаемой статье (насколько полно это позволит ее объем) будут рассмотрены три аспекта проблемы. Во-первых, предстоит дать характеристику состоянию и тенденциям преступности в регионе в сравнении с федеральным и окружным уровнями. Во-вторых, показать деструктивное влияние преступности на социальное развитие региона. И, в-третьих, обозначить взаимообусловленность с преступностью ряда других форм деструктивной девиации.

Опираясь в анализе на данные федеральной и региональной статистики за 2012–2017-е годы, следует привести слова отечественного криминолога Н.А.Неклюдова, подчеркивавшего ее значение в том, что всякое число или цифра имеет то характеристическое свойство, что оно в состоянии выражать собой не только количественность, но и качественность, не только сумму деяний, но и их характер. Следовательно, уголовная статистика есть одновременный отчет не только о степени безнравственной или преступной жизни, но и о ее характере и свойствах [1, с. 3].

Рассматривая состояние и динамику преступности в Республике Башкортостан, необходимо отметить, что эти ее характеристики в целом коррелируются с характеристиками преступности в Приволжском федеральном округе и в стране в данный период времени, что является отражением общих свойств преступности как деструктивного социального явления, социально-экономических условий, в которых это явление проявляется и которыми детерминируется, закономерностями и тенденциями, которые ее характеризуют на различных уровнях организации социума [2].

В то же время преступность имеет национальные, региональные, поселенческие и другие особенности, которые наглядно проявляются с использованием сопоставительного статистического материала (см. табл. 1).

Динамика состояния преступности в России и в регионах Приволжского федерального округа, отраженная в таблице 1, характеризуется (при наличии некоторых, даже заметных колебаний цифровых значений) тенденцией сокращения числа регистрируемых преступлений. Характерна эта тенденция и для Республики Башкортостан. Но если судить по абсолютным значениям, то по уровню преступности регион лидирует (за исключением 2013 г.) среди субъектов округа.

Таблица 1

Динамика состояния преступности в регионах Приволжского федерального округа (2012–2017 гг.) [3; 4; 5; 6; 7; 8]

Всего зарегистрировано преступлений и их динамика к предыдущему году	Годы					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	2302168 –4,1%	2206249 –4,2%	2166399 –1,8%	2388476 +9,0%	2160063 –9,6 %	2058478 –4,7%
Приволжский федеральный округ	466871 –4,8%	417329 –10,9%	401875 –3,7%	451206 +12,3%	405325 –10,2%	392114 –3,3%

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Республика Башкортостан	65418 -4,5%	52378 -19,9%	53111 +1,4%	70938 +33,6%	65343 -7,9%	60996 -6,7 %
Кировская область	21229 +4,7%	21772 +2,6%	22123 +1,6%	25833 +16,8%	21750 -15,8%	21143 -2,8 %
Нижегородская область	55206 -15,9%	47147 -14,6%	38560 -18,2%	41177 +6,8%	40238 -2,3%	42127 +4,7%
Оренбургская область	28613 -7,8%	27136 -5,2%	27613 +1,8%	30762 +11,4%	27230 -11,5%	27212 -0,1%
Пензенская область	13733 -8,3%	12958 -5,6%	13420 +3,6%	13818 +30%	12319 -10,8%	11819 -4,1%
Пермский край	64259 +10,0%	56661 -11,8%	51919 -8,4%	58231 +12,2%	50076 -14,0%	43995 -12,1%
Республика Татарстан	51584 -6,8%	46021 -10,8%	44781 -2,7%	52080 +16,3%	48150 -7,5%	46093 -4,3%
Республика Марий-Эл	9495 -12,4%	8248 -13,1%	7419 -10,1%	8360 +12,7%	7214 -13,7%	7352 +1,9%
Республика Мордовия	78,06 +0,5%	8410 +7,7%	8908 +5,9%	9190 +3,2%	8501 -7,5%	7962 -6,3%
Самарская область	60533 -3,1%	52105 -13,9%	50751 -2,6%	49364 -2,7%	44102 -10,7%	44029 -0,2%
Саратовская область	28730 -12,2%	28310 -1,5%	27182 -4,0%	29757 +9,5%	25026 -15,9%	28833 +15,2%
Удмуртская республика	27365 -2,1%	26998 -1,3%	26875 -0,5%	29548 +9,9%	26219 -11,3%	24173 -7,8%
Ульяновская область	16366 -1,2%	15029 -8,2%	15431 +2,7%	16460 +6,7%	15321 -6,9%	13586 -11,3%
Чувашская республика	16534 -8,1%	14156 -14,4%	13782 -2,6%	15688 +13,8%	13836 -11,8%	12794 -7,5%

Если обратиться к такому статистическому показателю, как «количество преступлений, приходящихся на 10 тыс. населения», то в 2012 году в республике (РБ) он составлял 161,5; в РФ – 161,9; в ПФО – 153,8; в 2016 году: в РБ – 160,5, в РФ – 143,1, в ПФО – 136,4; в 2017 году: в РБ – 149,8, в РФ – 136,3, в ПФО – 131,9 [3; 7; 8].

В 2017 году по значению данного показателя республика занимала 4-е место после Пермского края (166,8); Кировской области (162,0) и Удмуртской республики.

Если продолжить сравнение с ближайшими соседями-регионами, входящими в Уральский федеральный округ, то в Челябинской области этот показатель в 2017 году имел значение 195,1; в Курганской – 184,4 и в Свердловской области – 134,7 [8]. Данное обстоятельство подчеркивает актуальность проблемы преступности для республики, как в исследовательском, так и в прикладном значениях.

Рассмотрим состояние и динамику конкретных видов преступлений в Республике Башкортостан (см. табл. 2). Значения показателей, представленных в таблице 2, колеблются. Данные колебания, как это подчеркивалось нами [9, с. 26–27] и другими исследователями [10, с. 19], в определенной мере объясняются тем, что речь идет о зарегистрированных, а не о реально совершенных преступлениях.

Таблица 2

**Состояние и динамика некоторых видов преступлений
в Республике Башкортостан (2012–2017 гг.) [11; 12; 13; 14; 15; 16]**

Виды преступлений	Годы					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7
Всего зарегистрировано преступлений и их динамика к предыдущему году	65418 –4,5%	52378 –19,9%	53111 +1,4%	70938 +33,6%	65343 –7,9%	60996 –6,7%
Тяжкие и особо тяжкие	14434 –7,5%	10932 –24,3%	11474 +5,0%	12793 +11,5%	12120 –5,3%	11525 –4,9%
Убийство с покушениями	379 +0,5%	390 +2,9%	392 +0,5%	355 –9,4%	320 –9,9%	326 +1,9%
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	1105 –0,3%	1020 –7,7%	995 –2,5%	948 –4,7%	835 –11,9%	720 –13,8%
Изнасилования с покушениями	208 +70,5%	109 –47,6%	135 +23,9%	131 –3,0%	117 –10,7%	134 +14,5%
Грабежи	1889 –34,0%	1448 –23,3%	1219 –15,8%	1423 +16,7%	1408 –1,1%	1404 –0,3%
Разбои	290 –25,8%	304 +4,8%	243 –20,1%	301 +23,9%	293 –2,7%	271 –7,5%
Кражи	26007 –7,6%	20251 –22,1%	19688 –2,9%	28682 +45,8%	24664 –14,0%	21489 –12,9%
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств	5344 +0,5%	5918 +10,7%	6353 +7,4%	6560 +3,3%	6108 –6,9%	5765 –5,6%
Преступления, совершенные иностранными гражданами и гражданами СНГ	309 +7,7%	330 +6,8%	354 +7,3%	288 –18,6%	355 +23,3%	422 +67,0%
Преступления экономической направленности	7038 +2,6%	2095 –70,2%	2363 +12,8%	2179 –7,8%	2179 –	2212 +1,5%
Преступления, связанные с потребительским рынком	1354 –3,4%	336 –77,4%	393 +17,0%	408 +10,9%	132 –73,4%	64 –51,5%

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Вымогательство	154 -9,4%	104 -32,5%	84 -19,2%	131 +56,0%	153 +16,8%	155 +1,3%
Мошенничество	5774 +2,4%	2294 -60,3%	3399 +19,5%	7951 +133,9 %	5981 -24,8%	6541 +9,4%
Должностные преступления	1640 -1,4%	509 -69,0%	609 +19,6%	450 -26,1%	463 +2,9%	520 +12,3%
в том числе взяточничество	255 -37,3%	265 +3,9%	295 +11,3%	292 -1,0%	327 +12,0%	258 -21,1%
Коммерческий подкуп	104 +141,9 %	15 -85,6%	84 +460,0 %	64 -23,8%	148 +131,3 %	36 -75,7%
Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность	80 -11,1%	51 -36,3%	57 +11,8%	64 +12,3%	65 +1,0%	71 +9,2%
Преступления, совершенные несовершеннолетними	1354 -16,3%	1444 +6,9%	1224 -15,2%	1195 -2,4%	1273 +3,3%	953 -25,1%
Преступления рецидивного характера	15496 +20,6%	19663 -8,5%	12841 -5,2%	18344 -6,5%	11418 -1,6%	11325 -0,8%
Преступления, совершенные организованными группами и преступными сообществами	398 -75,3%	164 -58,8%	146 -11,0%	121 -17,2%	180 +48,8%	128 -28,9%
Преступления в состоянии опьянения	11231 +28,0%	13467 +19,9%	14205 +5,5%	15052 +6,0%	18501 +22,9%	16586 -10,4%
Преступления, совершенные в общественных местах, на улицах	16386 -3,0%	16365 -0,1%	18417 +12,5%	23413 +27,1%	24179 +3,3%	25286 +4,6%
Хулиганство	107 -22,5%	90 -15,9%	73 -18,9%	71 -2,7%	46 -35,2%	35 -23,9%
Преступления с применением огнестрельного оружия	15 +87,5%	15 0	14 -6,7%	82 +485,7 %	143 +74,4%	99 -30,8%
Террористического характера	0	4 +400%	24 +500%	13 -45,0%	32 +146,1 %	43 +34,3%
Экстремистской направленности	30 -	22 -26,6%	16 -27,2%	10 -37,5%	18 +80,0%	17 -5,5%

Характер устойчивой тенденции роста в республике сохраняют такие виды преступлений, как преступления экстремистской направленности и террористического характера. В количественном плане этих преступлений сравнительно немного, но рост их заметен, а значит и возрастает их социальная опасность.

Приобрели тенденцию роста преступления, совершаемые в общественных местах, совершенные в состоянии опьянения, связанные с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность, должностные преступления, мошенничество, вымогательство, то есть преступления экономической направленности. Обращает на себя внимание тенденция роста преступлений, совершенных иностранными гражданами и гражданами СНГ.

Эти статистические данные характеризуют важную (уровень, динамика, тенденции), но далеко не единственную сторону преступности.

Важнейшей стороной преступности является и ее цена [17], то есть тот вред, который преступность приносит обществу, замедляя, а в целом ряде случаев искажая, ход общественного развития страны и ее регионов. Во-первых, это людские потери. Например, в 2017 году в Республике Башкортостан количество потерпевших от преступлений составило 53172 субъекта, среди них 46664 – это физические лица (люди) и 6508 – юридические лица. Из числа лиц, ставших жертвами преступлений в 2017 году, погибло 783 человека, непосредственно было убито 224 чел., а 1169 чел. получили тяжкий вред здоровью [16; 18].

В том же году 2594 преступления были направлены против несовершеннолетних и 41605 – против социально незащищенных категорий граждан, а 27913 человек, в том числе 3610 женщин и 976 несовершеннолетних сами совершили преступления. Эти люди, отбывая наказания, стали потерей для общества, а отсидев срок, далеко не все из них станут жить общественно полезной жизнью. При этом наблюдается тенденция роста рецидивной преступности, то есть ее воспроизводства (см. табл. 3).

Таблица 3

Людские и материальные потери от преступлений в Республике Башкортостан (2013–2017 гг.) [12; 13; 14; 15; 16]

Виды потерь	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6
Число погибших в результате преступлений	1157	1146	992	803	783
в том числе число убитых	–	–	322	265	224
Количество лиц, которым был причинен тяжкий вред здоровью	1018	1093	1331	1295	1169

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6
Материальный ущерб (в тыс. руб.)	4605037	1342907	3625165	2638116	5222332
Выявлено лиц, совершивших преступления	28548	27584	27014	29482	27913
в том числе женщин	3842	4020	3729	3857	3610
несовершеннолетних	1352	1157	2929	1174	946
Ранее совершивших преступления	15603	15577	14589	16621	16804

Сопоставление статистических данных, отраженных в таблицах 2 и 3, показывает, что вслед за сокращением числа тяжких и особо тяжких преступлений, включая убийства с покушениями и причинение тяжкого вреда здоровью, закономерно прослеживается тенденция уменьшения числа жертв этих преступных деяний. Хотя достигнутые цифры не могут успокаивать. Убийства, кроме того, что поразному отражаются в статистических отчетах (в таблице 3 есть данные о числе погибших и числе убитых в результате преступлений), эти виды преступлений имеют латентные формы. Специалисты отмечают, что ежегодно в стране с известными колебаниями 30 тысяч человек погибают по криминальным причинам и 40 тысячам причиняется тяжкий вред здоровью.

На фоне фиксируемой тенденции снижения числа зарегистрированных убийств с покушениями, так же как и количества преступлений против личности в целом, уровень смертности от убийств в расчете на 100 тыс. жителей в России остается высоким. В 2014 году он равнялся 8,2, в то время как в Австралии, Австрии, Германии, Норвегии, Японии он был равен 1; в Венгрии, Дании, Италии, Канаде, Польше, Франции и Швейцарии около 2; в США – 6 [19, с. 56].

Цена преступности в регионе остается высокой, о чем свидетельствуют тенденции роста материального ущерба и рецидивной преступности. С другой стороны, в республике налицо тенденция сокращения среди лиц, совершивших преступления, учащихся (2012 г. – 1211 чел., 2014 г. – 1040 чел.; 2017 г. – 976 чел.), студентов (2012 г. – 112 чел.; 2014 г. – 87 чел. и 2017 г. – 80 чел.) и несовершеннолетних (2012 г. – 1327 чел.; 2014 г. – 1157 чел.; 2017 г. – 946 чел.). Не сформировался окончательно вектор тенденции преступлений, которые совершаются женщинами (2012 г. – 3789 чел.; 2014 г. – 4020 чел.; 2017 г. – 3610 чел.), лицами, не имеющими постоянного дохода (2012 г. – 20407 чел.; 2014 г. – 19150 чел.; 2017 г. – 19337 чел.) [11; 13; 16].

Что касается тех, кого на преступление толкнула безработица, которую криминологи называют «локомотивом преступности» [20], то в регионе можно говорить о тенденции уменьшения, причем заметного, этой категории лиц (2012 г. – 434 чел.; 2014 г. – 292 чел.; 2017 г. – 100 чел.) [11; 13; 16].

Рассматривая деструктивное влияние преступности на социальное развитие республики, приведем статистические данные, свидетельствующие о том, где это влияние наиболее заметно в зависимости от территориальных особенностей преступности (города, сельская местность).

Г.Тард, рассматривая влияние цивилизации на преступность, отмечал, что под этим влиянием преступность становится все меньше и меньше сельской и все больше и больше городской [21, с. 64]. Статистика дает этому подтверждение. Характеризуя преступность в городах, С.С.Овчинский подчеркивал, что города специфичны с точки зрения их криминологической характеристики. Причем эта специфика проявляется в зависимости от типов городов, их экономических, административных и культурных функций, особенностей их застройки, заселения и состава населения [22, с. 225]. В городах, в особенности в крупных административно-промышленных центрах, динамичнее и масштабнее проявляются негативные последствия урбанизации [22, с. 395].

В настоящей статье не ставится задача дать подробную характеристику преступности, имеющей место в городах и сельской местности Республики Башкортостан. Это предмет отдельных рассуждений. Но с целью иллюстрации того социального зла, который несет в себе преступность, представим некоторые характеристики ее последствий, проявляющихся в городах и сельской местности республики (см. табл. 4).

Таблица 4

Некоторые последствия от преступлений, совершенных в городах и сельской местности Республики Башкортостан (2013–2017 гг.) [12; 13; 14; 15; 16]

Тип последствия. Вид последствий	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6
Города и поселки городского типа. Зарегистрировано преступлений	34256	35233	49672	44948	42244
– материальный ущерб (в тыс. руб.) по оконченным уголовным делам	3176392	1097269	1001437	2459729	982298
– лиц, погибших в результате преступлений	518	508	471	398	351
– лиц, получивших тяжкий вред здоровью	493	557	739	679	598
В том числе республиканские и областные центры (г. Уфа). Зарегистрировано преступлений	14262	15456	21558	21361	21286
– материальный ущерб (в тыс. руб.) по оконченным уголовным делам	2530594	596624	700640	1392808	713310

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6
– лиц, погибших в результате преступлений	197	188	174	146	135
– лиц, получивших тяжкий вред здоровью	115	143	261	242	210
Сельская местность. Зарегистрировано преступлений	18122	17878	21266	20395	18752
– материальный ущерб (в тыс.руб.) по оконченным уголовным делам	1428645	245638	270667	178437	160120
– лиц, погибших в результате преступлений	639	638	521	405	432
– лиц, получивших тяжкий вред здоровью	525	536	592	616	569

Таблица 4 свидетельствует о том, что уровень преступности в городах и деструктивные от нее последствия закономерно больше, нежели в сельской местности. Вместе с тем если в городах и на селе материальный ущерб от преступлений имеет тенденцию к снижению (по оконченным уголовным делам – это не весь объем ущерба, здесь не указаны приостановленные дела), то людские потери (убитые и покаленные) на селе сопоставимы с городами, а в ряде случаев их число превышает городские показатели. Преступность везде одинаково жестока.

Приведенная краткая и обобщенная характеристика состояния и динамики преступности на федеральном, окружном и региональном уровнях дает все основания продолжать считать ее социально-патологическим явлением, как это во второй половине XIX века делал Ф.Лист. Эту патологию ученый видел, «во-первых, в абсолютном росте числа преступлений вообще и в частности – проступков против государства, религии, общественного порядка и личности; во-вторых, в росте рецидивов и, в-третьих, в значительном и учающемся соучастии в преступлениях малолетних» [23, с. 94]. Добавим сюда огромный человеческий (пострадавшие от преступлений, прежде всего несовершеннолетние, лица, совершающие преступления) и материальный ущерб, который влечет за собой современная преступность, оказывая тем самым тормозящее влияние на темпы развития общества на всех уровнях его организации.

Деструктивное влияние преступности на ход общественного развития определяется и проявляется тесной взаимообусловленностью различных форм социальной девиации (алкоголизм, наркомания, суициды, коррупция, проституция и др.), но подобная взаимообусловленность имеет специфику, которая проявляется, в частности, во влиянии тех или иных форм девиации на преступность. Эта специфика на примере взаимовлияния алкоголизма и преступности была отмечена еще видным представителем сформировавшейся в конце XIX–начале XX века социологической школы в уголовном праве Г.Ашаффенбургом.

«Разрушительное влияние алкоголя, – писал Г.Ашаффенбург, – принадлежит к разряду тех причин преступления, которые изучены наиболее основательно и полно.

Однако действие алкоголя как фактора преступления во всем его объеме может быть оценено только в том случае, когда последнее является непосредственным результатом его» [24, с. 62]. Как раз таким результатом являются преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения. Как уже отмечалось (см. табл. 2), в регионе наблюдается тенденция роста числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, характеризуется неустойчивостью: рост этих преступлений в 2012–2015 годах сменился некоторым снижением. Такой же неустойчивостью обладает динамика преступлений, совершенных лицами, находившимися под воздействием наркотических средств. В 2013 году в регионе было зарегистрировано 236 подобных преступлений, но в последующие годы стало фиксироваться некоторое снижение [12].

В то же время число лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, увеличивается: в 2012 г. их было выявлено соответственно 8912 чел. и 399 чел.; в 2013 г. – соответственно 11005 чел. и 859 чел.; в 2015 г. – соответственно 12189 чел. и 887 чел.; в 2016 г. – соответственно 15754 чел. и 1028 чел. и в 2017 г. – соответственно 15123 чел. и 1036 чел. [11; 12; 13; 14; 15; 16]. Таким образом, видно, что подобных преступлений регистрируется меньше, а число их участников выявляется все больше.

Если обратиться к статистике, отражающей состояние здравоохранения в Республике Башкортостан, то прослеживается тенденция сокращения числа пациентов, состоящих на учете с диагнозом алкоголизм (2012 г. – 48020 чел.; 2014 г. – 46774 чел.; 2017 г. – 40839 чел.) и наркомания (2012 г. – 5985 чел.; 2014 г. – 6052 чел.; 2017 г. – 4380 чел.) [25, с. 32].

В известной мере это снижение обусловливается успехами медицинской помощи таким лицам, но высок уровень естественного убытия этих людей в связи со смертью, и их больше, нежели выздоровевших. Например, в 2012 г. было снято с наблюдения 5094 чел. больных алкоголизмом и 476 – наркоманией. Из них в связи с выздоровлением – соответственно 2470 чел. и 137 чел., а в связи со смертью – соответственно 1345 чел. и 165 чел.

Более того, пусть снижающимися темпами, но ряды больных алкоголизмом и наркоманией пополняются (2012 г. – на, соответственно, 2848 чел. и 384 чел.; 2014 г. соответственно на 2529 чел. и 273 чел. и 2017 г. – соответственно на 2048 чел. и 228 чел.) [25, с. 31]. Вполне естественно, и это выше было отмечено, что далеко не все больные алкоголизмом и наркоманией совершают преступления и не все, совершившие преступления, находились в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения. Существующая здесь зависимость определяется целым рядом других корреляций.

Это, например, касается и самоубийств. Так, 2012 г. в республике было зарегистрировано 1701 самоубийство, в 2014 г. – 1365, а в 2016 г. – 1150 таких случаев [26, с. 34]. Но, естественно, не все они носят криминальный характер, то есть замаскированные под суицид убийства или квалификационные действия как доведение до самоубийства, которые трудно установить и расследовать. Так, например, в 2014 г. было установлено 6, а в 2015 году – 10 факторов доведения до самоубийства. В 2016–2017 гг. были установлены соответственно 1 и 2 подобных факта.

Исследование общих и специфических, свойственных для конкретного региона, тенденций и особенностей современной преступности позволяет не только с позиций соотношения общего и особенного получать новые знания, необходимые для определения стратегии и выработки тактики противодействия этому социальному злу со стороны правоохранительных органов, но и с позиций работы органов региональной и муниципальной власти, институтов гражданского общества, которым в каждодневной практике необходимо соотносить ее с возможностью ощутимого влияния на профилактику и предупреждения преступлений на конкретной территории, при наличии конкретных людских и материальных ресурсов.

Анализ региональных и муниципальных особенностей и тенденций проявления преступности и других взаимосвязанных форм деструктивных социальных отклонений важно закладывать в основу планов социально-экономического развития территорий, программ реализации тех или иных экономических и социальных проектов. Это, на наш взгляд, необходимо, во-первых, для концентрации усилий, направленных прямо или косвенно на противодействия и профилактику преступности, а, во-вторых, на снижение силы влияния условий и факторов, способствующих преступности. Иначе говоря, любое принимаемое решение или предпринимаемое действие должны предварительно оцениваться на предмет его криминогенной или антикриминогенной направленности.

В решении этой задачи у муниципалитетов, например г. Уфы, имеется позитивный опыт социальной диагностики. В Уфе, начиная с 2002 года, администрация городского округа заказывает социологическим службам на конкурсной основе проведение социологического мониторинга состояния и динамики наиболее злободневных проблем жизни города. Проводится в этой связи и мониторинг оценки общественного мнения уфимцев о состоянии криминогенной обстановке, уровне личной безопасности и эффективности работы органов внутренних дел. Ежегодно от социологов поступает интересный практико-ориентированный материал, но он характеризует, пусть даже в динамике, только преступность. А важно исследовать и другие формы девиации и двухстороннюю их взаимосвязь с преступностью. Следует привлечь к таким исследованиям криминологов, которые смогли бы на базе мониторинговых исследований определять криминогенные последствия действия социальных условий и факторов, присутствующих или же складывающихся на конкретной территории. Решая экономические и социальные задачи важно учитывать, а потом и оценивать эффект их влияния на состояние и структуру преступности.

*Статья содержит результаты исследований, проведенных в рамках гранта
РФФИ-РБ № 18-411-02-0007 / 18 p-a*

Список использованных источников

1. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды / сост. и вступ. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2009. 197 с.
2. Лунеев В.В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2004. № 10. С. 26–41.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 года / «Главный информационно-аналитический центр МВД РФ». М., 2012. С. 4–50.

4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2013 года / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики. М., 2014. С. 3–52.
5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года / Генеральная прокуратура РФ. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики. М., 2015. С. 3–52.
6. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года / Генеральная прокуратура РФ. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики. М., 2016. С. 3–52.
7. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года / Генеральная прокуратура РФ. Главное организационно-аналитический центр МВД РФ. М., 2017. С. 3–53.
8. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года / Генеральная прокуратура РФ. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. М., 2018. С. 3–52.
9. Егорышев С.В. Тенденции и особенности преступности как деструктивной формы социальной девиации в современной России // Вестник ВЭГУ. 2018. № 4 (96). С. 23–35.
10. Артюшина О.В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 12–22.
11. Сборник аналитических таблиц о состоянии преступности в Республике Башкортостан за январь–декабрь 2012 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2013. 7 с.
12. Итоги деятельности МВД по РБ за январь–декабрь 2013 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2014. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti> (дата обращения: 10.07.2018).
13. Итоги деятельности МВД по РБ за январь–декабрь 2014 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2015. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti> (дата обращения: 10.07.2018).
14. Итоги деятельности МВД по РБ за январь–декабрь 2015 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2016. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti> (дата обращения: 10.07.2018).
15. Итоги деятельности МВД по РБ за январь–декабрь 2016 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2017. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti> (дата обращения: 10.07.2018).
16. Итоги деятельности МВД по РБ за январь–декабрь 2017 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2018. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti> (дата обращения: 10.07.2018).
17. Цена преступности (методология ее определения) : монография / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2014. 2016 с.
18. Демографические показатели муниципальных образований Республики Башкортостан : статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2018. 183 с.
19. Гишинский Я.И. Социальное насилие : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2013. 185 с.
20. Бытко С.Ю. Безработица – локомотив преступности в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 41–45.
21. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М. : ИНФРА-М, 2004. 391 с.
22. Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. М. : ИНФРА-М, 2007. 408 с.
23. Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предис. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2009. 110 с.
24. Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов. М. : ИНФРА-М, 2013. 241 с.

25. Здравоохранение в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2018. 123 с.

26. О самоубийствах в Республике Башкортостан: аналитическая записка. Уфа : Башкортостанстат, 2017. 46 с.

References

1. Neklyudov N.A. Ugolovno-statisticheskie ehtyudy / sost. i vstup. st. V.S. Ovchinskogo, A.V. Fedorova. M., 2009. 197 s.
2. Luneev V.V. Kriminal'naya globalizaciya // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 10. S. 26–41.
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2012 goda / «Glavnyj informacionno-analiticheskij centr MVD RF». M., 2012. S. 4–50.
4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2013 goda / General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. Glavnoe organizacionno-analiticheskoe upravlenie. Upravlenie pravovoj statistiki. M., 2014. S. 3–52.
5. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2014 goda / General'naya prokuratura RF. Glavnoe organizacionno-analiticheskoe upravlenie. Upravlenie pravovoj statistiki. M., 2015. S. 3–52.
6. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2015 goda / General'naya prokuratura RF. Glavnoe organizacionno-analiticheskoe upravlenie. Upravlenie pravovoj statistiki. M., 2016. S. 3–52.
7. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2016 goda / General'naya prokuratura RF. Glavnoe organizacionno-analiticheskij centr MVD RF. M., 2017. S. 3–53.
8. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2017 goda / General'naya prokuratura RF. Glavnoe upravlenie pravovoj statistiki i informacionnyh tekhnologij. M., 2018. –S. 3–52.
9. Egoryshev S.V. Tendencii i osobennosti prestupnosti kak des'ruktivnoj formy social'noj deviacii v sovremennoj Rossii // Vestnik VEHGU. 2018. № 4 (96). S. 23–35.
10. Artyushina O.V. Kriminologicheskaya harakteristika nasil'stvennoj prestupnosti v sovremennoj Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 2 (20). S. 12–22.
11. Sbornik analiticheskikh tablic o sostoyanii prestupnosti v Respublike Bashkortostan za yanvar'–dekabr' 2012 goda / Informacionnyj centr MVD po RB. Ufa, 2013. 7 s.
12. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar'–dekabr' 2013 goda / Informacionnyj centr MVD po RB. Ufa, 2014. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 10.07.2018).
13. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar'–dekabr' 2014 goda / Informacionnyj centr MVD po RB. Ufa, 2015. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 10.07.2018).
14. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar'–dekabr' 2015 goda / Informacionnyj centr MVD po RB. Ufa, 2016. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 10.07.2018).
15. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar'–dekabr' 2016 goda / Informacionnyj centr MVD po RB. Ufa, 2017. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 10.07.2018).
16. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar'–dekabr' 2017 goda / Informacionnyj centr MVD po RB. Ufa, 2018 . URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 10.07.2018).
17. Cena prestupnosti (metodologiya ee opredeleniya) : monografiya / pod red. N.A. Lopashchenko. M. : YUritinform, 2014. 2016 s.
18. Demograficheskie pokazateli municipal'nyh obrazovanij Respubliki Bashkortostan : statisticheskij sbornik. Ufa : Bashkortostanstat, 2018. 183 s.
19. Gilinskij YA.I. Social'noe nasilie : monografiya. SPb. : Alef-Press, 2013. 185 s.
20. Bytko S.YU. Bezrabotica – lokomotiv prestupnosti v Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2 (24). S. 41–45.

21. Tard G. Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy. M. : INFRA-M, 2004. 391 s.
22. Ovchinskij S.S. Prestupnoe nasilie. Prestupnost' v gorodah. M. : INFRA-M, 2007. 408 s.
23. List F. Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie / sost. i predis. V.S. Ovchinskogo. M. : INFRA-M, 2009. 110 s.
24. Ashaffenburg G. Prestuplenie i bor'ba s nim: Ugolovnaya psihologiya dlya vrachej, yuristov i sociologov. M. : INFRA-M, 2013. 241 s.
25. Zdravooхранение v Respublike Bashkortostan: statisticheskij sbornik. Ufa : Bashkortostanstat, 2018. 123 s.
26. O samoubijstvah v Respublike Bashkortostan: analiticheskaya zapiska. Ufa : Bashkortostanstat, 2017. 46 s.

УДК 316.4:93/94

Ш.Р.Зайнетдинов

**Несистемные социальные элементы в процессах
качественных трансформаций российского общества
(по материалам переписей населения 1923, 1926, 1937, 1939 годов)**

В статье проанализированы изменение места и роли несистемных социальных элементов в процессах качественных трансформаций российского общества советского этапа истории, происходивших на протяжении 1920–1930-х гг. К числу несистемных отнесены социально-профессиональные группы, интересы которых не соответствовали фундаментальным принципам утвердившейся в стране тех лет модели общественного развития. Рассмотрены причины выпадения данных категорий из общего контекста развития страны, а также основные итоги произошедших сдвигов, их влияние на перспективы дальнейшего продвижения государства по пути цивилизационного прогресса.

Ключевые слова и фразы: революция; модернизация; прогресс; бюрократия; предприниматели; лица свободных профессий; священнослужители; безработные; деклассированные.

Sh.R.Zainetdinov

**Non-System Social Elements in the Processes of
Qualitative Transformations of the Russian Society
(According to the Population Census in 1923, 1926, 1937, 1939)**

The article analyzes the change in the place and role of non-system social elements in the processes of qualitative transformations of the Russian society of the Soviet stage of history that took

Зайнетдинов Шамиль Рашитович, профессор кафедры государственного права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: Shamyl2002@rambler.ru

© Зайнетдинов Ш.Р., 2018

place during the 1920s – 1930s. Socio-occupational groups are classified as non-system whose interests did not conform to the fundamental principles of the social development model established in the country of those years. The reasons for the fallout of these categories from the general context of the country's development, as well as the main results of the shifts that took place, their influence on the prospects for further progress of the state along the path of civilization progress are considered.

Key words and phrases: revolution, modernization, progress, bureaucracy, entrepreneurs, people of liberal professions, clergymen, unemployed, declassed.

Важнейшим фактором, определявшим характер развития российского общества на рубеже XIX–XX веков, стала необходимость качественного ускорения темпов экономического, политического и социокультурного развития страны, достижения более высокой стадии цивилизационной зрелости – индустриального общества. Необходимость форсированного развития в значительной мере обуславливалась постоянно увеличивавшимся и достигшим уровня стадийного отставания России от наиболее передовых государств Западной Европы и Северной Америки. Это обстоятельство, в свою очередь, заключало в себе реальную угрозу дальнейшему существованию государства в качестве самостоятельного социокультурного и геополитического образования.

Потребность в глубоких, качественных преобразованиях выступила основной причиной резкого обострения противоречий между силами традиционализма и модернизаторства, обусловивших острейший социально-политический кризис в стране, разрешением которого явился революционный катаклизм 1917 г. и последовавшая вслед за этим долгая и кровопролитная Гражданская война.

Важнейшим результатом подобных перемен явилось упразднение прежней, традиционной и становление новой модели общественного развития, представлявшей собой в конечном итоге выражение интересов наиболее, отсталых, маргинальных по своей сути, слоев российского общества. В силу названного обстоятельства новая модель развития имела ряд отличительных особенностей, наиболее существенной из которых выступала концентрация всех рычагов власти в руках одного социально-профессионального слоя – партийно-государственной бюрократии. Это предоставляло данному слою исключительные возможности в одностороннем порядке определять стратегию общественного развития, принижая значение или игнорируя полностью интересы других групп населения. Данное обстоятельство, в свою очередь, делало неизбежным определение в качестве решающего фактора жизнеспособности новой системы, насилия во всех его формах, включая открытый террор.

Новая модель общественного развития обусловила и новые, в достаточной мере специфические, принципы взаимодействия социальных групп и слоев российского общества. В частности, слой правящей бюрократии получил исключительную способность определять как самую возможность, так и способы проявления социальной активности остальных групп населения, а, в конечном итоге, каждого индивида в отдельности.

Задача исторической важности – превращение России в передовую индустриальную державу – являлась центральной для правящего слоя, поскольку именно ее решение, в конечном итоге, обуславливало существование данного слоя в качестве самой привилегированной социальной категории российского общества. Достижение названной цели заняло промежуток времени примерно в два десятилетия.

В течение этого периода можно выделить несколько относительно самостоятельных этапов, наиболее существенными характеристиками которых выступали методы реализации поставленной задачи – «военный коммунизм», НЭП, период форсированной индустриализации и модернизации. При этом неизменной осталось сохранение абсолютной монополии на все рычаги власти, а, следовательно, и статуса наиболее привилегированного слоя общества.

Главной отличительной чертой периода «военного коммунизма» явилась попытка внедрения новых принципов общественного устройства, прежде всего, тотальное огосударствление всех сторон жизни, откровенно игнорируя интересы и потребности самых широких слоев населения, используя в качестве наиболее действенной меры тотальный террор. Подобная политика привела к открытому противопоставлению интересов слоя управленцев и наиболее зрелых, обладающих значительным творческим потенциалом социальных групп, что, в частности, явилось одной из главных причин Гражданской войны, унесшей тысячи человеческих жизней и приведшей страну к экономическому и социальному коллапсу.

Следовательно, дальнейшее проведение политики «военного коммунизма» заключало в себе реальную угрозу нового социального взрыва, способного ликвидировать утвердившуюся систему общественных отношений, а, значит, лишить слой правящей бюрократии монополии на власть, а также статуса и привилегий.

Указанные обстоятельства вынудили пришедшую к власти партию большевиков заметно сменить акценты в деятельности по управлению обществом и государством. В частности, допускались легальное функционирование частной собственности, товарно-денежных отношений, некоторых других факторов развития, идущих вразрез с идеологической догматикой большевиков, но соответствующих достигнутой стадии цивилизационного прогресса, а также отвечавших интересам и чаяниям широких масс трудящихся, в первую очередь крестьянства. Были также резко уменьшены масштабы террора. Вновь вводимая система мер получила название новой экономической политики (НЭП).

Введение НЭПа внесло и заметные изменения в процессы взаимодействия различных групп и слоев российского общества. В частности, ослабла зависимость основной массы трудящегося населения от действий правящего слоя, отдельные социальные группы получили возможность самостоятельно определять и добиваться реализации своих интересов и устремлений. В первую очередь это касалось важнейшей сферы жизни общества – экономики.

Вместе с тем меры, реализуемые в рамках НЭПа, не могли изменить основной существенной черты новой системы общественных отношений – стремления к установлению тотального диктата государства над обществом, а в конечном итоге, над каждым индивидом. В этой связи на протяжении всего периода проведения НЭПа происходило, иногда в латентных, но иногда и в явных формах, противоборство между правящей партийно-государственной бюрократией и поддерживавших ее групп населения, с одной стороны, и социально-профессиональными категориями, олицетворявших стремление к самостоятельности, прежде всего в экономической сфере – с другой.

К подобного рода несистемным, т. е. противопоставившим себя основополагающим принципам новой формы общественного устройства социальным категори-

ям, следует отнести: занятых в сфере частного предпринимательства, крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, в т. ч. и не связанного с рынком, некооперированных кустарей, лиц свободных профессий, живущих процентами с капитала, сдачи в наем жилища и некоторых других.

Кроме того, утверждение тотального диктата государства над обществом предполагало в качестве одной из важнейших мер внедрение единых и обязательных для всех членов общества стандартов мышления и поведения. Это с неизбежностью приводило к жесткому противоборству партийной большевистской догматики – марксизма-ленинизма – с другими идейными течениями, в частности, с любыми формами религиозных воззрений, имевшими на протяжении 1920–1930-х гг. достаточно прочные корни в сознании самых широких слоев российского общества. Следовательно, к категории несистемных элементов следует отнести и священнослужителей всех конфессий.

Далее, осуществление модернизационного скачка, как важнейшей цели, четко осознаваемой слоем партийно-государственной бюрократии, предполагало максимальную мобилизацию всех сил и средств, привлечение трудоспособного населения к участию в общественном производстве. В этой связи одной из важнейших мер, направленных на развитие производительных сил общества в исследуемый период, была ликвидация безработицы. Эта мера диктовалась и идейно-политическими соображениями.

Согласно партийной большевистской догматике, одним из фундаментальных свойств создававшегося общественного строя должна была стать полная социальная нивелировка всех его членов, что, в свою очередь, предполагало ликвидацию сколько-нибудь заметного имущественного неравенства. Кроме того, ликвидация резервной армии труда означала и ликвидацию еще одного социального слоя, находящегося вне тотального контроля органов власти и управления. Таким образом, к категории несистемных социальных элементов российского общества в 1920–1930-е гг. следует отнести и слой безработных.

В составе населения России в изучаемый период были и такие группы, как деклассированные, а также отбывающие наказание в местах лишения свободы. Эти социальные категории, открыто противопоставившие свои частные интересы, свой род занятий и образ жизни обществу, представляют собой несистемные элементы в условиях любой общественной системы, а значит и существовавшей в России в 1920–1930-е гг.

Состояние источниковой базы позволяет получить достаточно полное и объективное представление о тенденциях в социальной структуре на самых начальных этапах становления новой модели развития только в отношении городской части российского общества. Такую возможность предоставляют материалы Всесоюзной городской переписи 1923 г.

Для общества переходного периода, каковым являлась Россия на протяжении всего периода 1920-х гг., необходимость исследования количественных и качественных сдвигов в составе городского населения в решающей мере определяется тем, что в городах наиболее активно протекали процессы модернизации и коренного обновления всех аспектов жизни.

Согласно материалам городской переписи 1923 г., численность и удельный вес в составе самодеятельного населения городов социальных категорий, определяемых нами как несистемные, выражалась в следующих значениях: занятые в сфере частного предпринимательства – 37,8 тыс. чел. (0,4 %); лица свободных профессий – 77,7 тыс. чел. (0,9 %); служители культа 27,2 тыс. чел (0,3 %); некооперированные кустари – 917 тыс. чел. (10,1 %); живущие доходами за прошлый труд и недвижимого имущества (рантье) – 107,9 тыс. чел (1,2 %); безработные – 894,4 тыс. чел. (9,9 %); деклассированные – 35,1 тыс. чел. (0,4 %); отбывающие наказание в местах лишения свободы – 119,6 тыс. чел. (1,3 %) [1, с. 30–35].

Таким образом, при введении НЭПа 24,5 % всего городского самодеятельного населения России составляли несистемные элементы. Это свидетельствовало о том, что в начале 1920-х гг. в составе населения страны имелись достаточно многочисленные социальные группы, интересы которых не соответствовали интересам правящей бюрократии, в первую очередь, ее стремлению установить тотальный контроль над всеми сторонами общественной жизни, в конечном итоге, по отношению к каждому индивиду в отдельности.

Вместе с тем названные несистемные социальные элементы вносили далеко неравнозначный вклад в продвижение российского общества по пути цивилизационного прогресса. Данное обстоятельство обусловило резкие различия не только в положении каждой из них в сложившейся системе социальных координат, но и в отношениях с правящим слоем партийно-государственной бюрократии, превратившейся на новом этапе истории из социально-функционального в системообразующий фактор развития страны.

Из общей массы несистемных социальных элементов наиболее значительный вклад в прогресс общества вносили занятые в сфере частного предпринимательства, лица свободных профессий, а также служители культа. Заметную роль в рассматриваемый период в развитии производительных сил, повышении уровня и качества жизни населения играли и некооперированные кустари. Это объективно определяло необходимость существования и легального функционирования всех названных элементов.

Наличие подобных социально-профессиональных категорий в составе населения России было крайне нежелательным с позиций правящей бюрократии в силу нескольких обстоятельств. Прежде всего, это ослабляло социальную базу нового строя. Кроме того, сам факт существования и легального функционирования социальных групп, являющихся самостоятельными в экономическом отношении, либо открыто противопоставляющими свои идейно-политические и духовно-нравственные позиции идеологическим воззрениям большевиков, объективно свидетельствовал о возможностях реализации в России иной, плюралистической в своей основе, модели общественного развития. Существование и легальное функционирование рассматриваемых элементов было обусловлено в решающей мере одним обстоятельством – экономическим и социальным коллапсом, в котором страна оказалась в результате Гражданской войны и авантюристической политики «военного коммунизма».

Как уже отмечалось, несистемные социальные элементы по целому ряду позиций, в том числе и по характеру их взаимоотношений с правящей бюрократией, представляли собой весьма не однородную массу.

Наиболее многочисленные и наиболее активные в социальном отношении группы (занятые частным предпринимательством, лица свободных профессий, служители культа, а также некооперированные кустари) можно условно обозначить, как «несистемно-антагонистические». К этой же категории следует отнести и лиц, живущих доходами за прошлый труд, а также с недвижимого имущества. Названный слой, в силу своей практически полной экономической независимости, в большой степени оставался вне зоны тотального контроля и регламентации со стороны правящей бюрократии. В силу этого слой рантье также рассматривался как нежелательный и подлежащий искоренению. Совокупная доля названных социально-профессиональных категорий в составе самодеятельного населения городов России в 1923 г. равнялась 12,9 % [1, с. 35].

Из оставшихся несистемных социальных элементов наиболее многочисленным и способным оказывать влияние на развитие российского общества, прежде всего его производительных сил, был слой безработных. Согласно городской переписи 1923 г., численность названной категории была равна 894,4 тыс. чел., удельный вес в общей массе городского самодеятельного населения составлял 9,9 % [1, с. 35].

Место и роль данной группы в социальной структуре, в целом в развитии российского общества определялись сочетанием ряда факторов. Важнейшим из них выступало то, что рассматриваемая группа не принимала непосредственного участия в системе общественного производства, а, следовательно, представляла собой одно из самых периферийных и в полной мере маргинальных образований, в значительной степени тяготеющих к социальному дну общества.

Но одновременно именно в силу своей маргинальности, а значит и полной неспособности определить собственные групповые интересы, выработать адекватные меры для их реализации, слой безработных объективно являлся одной из составляющих социальной базы новой системы общественных отношений. В этой связи группу безработных в ее отношениях с правящей бюрократией можно условно определить как «несистемно-союзническую».

В составе городского населения России имелись также такие категории, как деклассированные, а также преступники, отбывающие наказание в местах лишения свободы. Данные группы, открыто противопоставляющие себя всему обществу, в условиях любой общественной системы, рассматриваются и обществом, и властью как враждебные, подлежащие изоляции, и, по возможности, искоренению. В этой связи отношения слоя управленцев и названных групп можно условно определить как «несистемно-антагонистические».

Вместе с тем данный антагонизм со стороны правящей бюрократии был выражен не столь явно и проявлялся в не столь открытых формах, как по отношению к экономически независимым или идеологически враждебным категориям – предпринимателям, лицам свободных профессий, служителям культа и т. д. Это обуславливалось, прежде всего тем, что криминальные и деклассированные элементы, в силу своей аморфности, а также неспособности выдвинуть сколько-нибудь серьезные, имеющие подлинную общественную значимость цели и задачи, не могли представлять реальную угрозу слою управленцев в достижении их главной цели – сохранения монополии на все рычаги власти.

Меры, реализуемые в рамках НЭПа и, прежде всего, плюрализм форм собственности, свобода частного предпринимательства и некоторые другие вызвали оживление производительных сил, повышение уровня и качества жизни основной массы населения страны, что, в конечном итоге, позволило привести российское общество от состояния гражданской войны к состоянию гражданского мира.

О влиянии НЭПа на изменения в социальной структуре, в том числе и на изменения места и роли несистемных социальных элементов в развитии страны можно получить достаточно полное представление при сравнении материалов городской переписи 1923 г. и переписи населения 1926 г.

Складывается следующая картина: численность всего самостоятельного городского населения выросла с 9043,8 чел. до 9414,2 чел. (или на 4,1 %) [1, с. 2; 2, с. 118, 211]. Медленное вовлечение горожан в общественное производство говорило о том, что развитие производительных сил в городах, как главных центрах качественного преобразования общества, шло вялыми темпами. Это, в свою очередь, выступало достаточно убедительным свидетельством того, что введение НЭПа не создавало необходимых условий для решения основополагающей задачи – совершения в кратчайшие исторические сроки модернизационного скачка и превращения страны в мощную индустриальную державу. Данное обстоятельство становилось одной из главных причин сохранения перманентной социальной напряженности, что, в частности, находило выражение и в усилении противоречий внутри слоя правящей бюрократии.

В подобных обстоятельствах с особой остротой вставал вопрос о расширении и консолидации социальной базы нового строя. Это, в свою очередь, выдвигало задачу определения места и роли несистемных социальных элементов в развитии страны, выработки стратегии во взаимодействии с ними со стороны работников органов власти и управления.

Тенденции изменения численности и удельного веса несистемных элементов достаточно полно отражают противоречия в развитии российского общества в первой половине 1920-х гг. Как показывают материалы статистики, в период 1923–1926 гг. изменение абсолютной и относительной численности рассматриваемых групп происходило весьма неравномерно. Так, среди социально-профессиональных категорий, внёсших позитивный вклад в социально-экономический и культурный прогресс общества, наиболее высокие темпы роста были у предпринимателей, а также служителей культа. В первом случае абсолютная численность возросла с 37,8 тыс. чел. до 90,8 тыс. чел. (или примерно в 2,4 раза), удельный вес в составе всего самостоятельного населения города повысился с 0,4 % до 1 %, во втором, соответственно, с 27,2 тыс. чел. до 37,1 тыс. чел. (или примерно в 1,4 раза), но удельный вес оставался неизменным – 0,3 % [1, с. 2; 2, с. 118, 211].

Незначительно увеличилась численность неорганизованных кустарей – с 917 тыс. чел. до 955,4 тыс. чел. (или на 4,2 %), ввиду чего удельный вес в составе городского самостоятельного населения оставался неизменным – 10,1 %. Также невысокими были темпы роста слоя, живущих доходами с капитала и недвижимого имущества. Абсолютная численность данной группы возросла с 107,9 тыс. чел. до 116 тыс. чел. – на 7,5 %, удельный вес в составе самостоятельного населения городов остался на одном и том же уровне – 1,2 %. Число лиц свободных профессий заметно

снизилось – с 77,7 тыс. чел. до 26,7 тыс. чел. – в 2,9 раза, удельный вес упал с 0,9 % до 0,5 % [1, с. 2; 2, с. 118, 211].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в середине 1920-х гг. российское общество переживало достаточно сложный и драматичный период своего развития. Так, в период 1923–1926 гг. среди групп самодельного городского населения, игравших положительную роль в экономике и социокультурной жизни всего общества, но являвшихся в условиях «советской» модели развития несистемными социальными элементами, наиболее высокими темпами росла численность предпринимателей, а также священников. В целом данную тенденцию следует рассматривать как позитивную, свидетельствующую о все более отчетливом проявлении восстановительных процессов, в первую очередь в экономике, а также в социальной и духовной жизни страны.

Однако предприниматели и служители культа олицетворяли собой принципиальную возможность установления в стране иной, альтернативной утвердившейся тоталитарной, коммунистической, модели общественного развития. Данное обстоятельство с неизбежностью вело к постоянному усилению противоречий между рассмотренными социально-профессиональными категориями, с одной стороны, и установившей тоталитарную диктатуру в стране партийно-государственной бюрократией – с другой.

Далее, низкие темпы роста, равные 104,2 %, были и у некооперированных кустарей. Названная группа самодельного населения в конкретных условиях первой половины 1920-х годов вносила существенный вклад в удовлетворение спроса населения на товары и услуги. Вследствие этого медленный рост числа и доли части слоя, занятого в кустарно-ремесленных промыслах выступал достаточно убедительным свидетельством тому, что развитие производительных сил, преодоление разрушительных последствий Гражданской войны и политики «военного коммунизма» в сфере городской экономики шли в целом весьма вялыми темпами. Вместе с тем здесь нашла отражение и другая тенденция – стремление к установлению полного государственного контроля над экономикой, в частности, посредством кооперации мелких товаропроизводителей. В конкретных условиях России первой половины 1920-х гг. это способствовало развитию производительных сил общества.

Уменьшение числа и доли лиц свободных профессий, значительную часть которых составляли работники образования, культуры, здравоохранения, явилось результатом развития данных отраслей, но уже как неотъемлемой части государственного, «социалистического» сектора народного хозяйства. В целом указанную тенденцию следует рассматривать как положительную. Вместе с тем она говорит о том, что ход восстановительных процессов сопровождался дальнейшим огосударствлением всех аспектов жизни общества.

Невысокие темпы роста и остававшийся неизменным удельный вес лиц, живших процентами с капитала и сдачи в наем недвижимого имущества свидетельствовали о том, что данный вид социальной активности, позволяющий определенной части населения находиться вне зоны тотального контроля и регламентации со стороны органов власти и управления, также не получал дальнейшего развития.

В целом рассмотренные тенденции изменения численности и удельного веса отдельных несистемных социальных групп служили еще одним убедительным аргу-

ментом в пользу того, что одной из самых характерных черт в развитии российского общества в первой половине 1920-х гг. выступала перманентная социальная напряженность. Основной ее причиной стали достаточно вялые темпы развития производительных сил, обусловленное этим медленное повышение уровня и качества жизни основной массы населения, а также отсутствие заметного прогресса в решении задачи исторической важности – коренного обновления всех сторон жизни, достижения очередной ступени цивилизационного прогресса – индустриального общества.

В составе городского населения России в первой половине 1920-х гг., как отмечалось, имелись и такие несистемные элементы, как безработные, деклассированные, а также отбывающие наказание в местах лишения свободы. Согласно материалам переписей населения 1923 и 1926 гг. численность безработных в городах России выросла с 894,4 тыс. чел. до 894,9 тыс. чел – на 0,1 %, в связи с чем удельный вес в составе городского самодеятельного населения снизился весьма незначительно – с 9,9 % до 9,5 % [1, с. 30–35; 2, с. 2, 118, 211]. Наличие достаточно многочисленного и проявлявшего тенденцию к увеличению абсолютной численности слоя лиц, не имевших возможности применить свои способности в системе общественного производства, является еще одним свидетельством того, что НЭП не создавал необходимых условий для достижения форсированных темпов развития производительных сил, качественного обновления в кратчайшие исторические сроки всех сторон жизни общества.

Число деклассированных элементов за тот же период возросло с 35,1 тыс. чел. до 47,7 тыс. чел., т. е. на 35,6 %, удельный вес вырос с 0,4 % до 0,5 % [1, с. 30–35; 2, с. 2, 118, 211]. Приведенные данные говорят о том, что вялые темпы развития производительных сил, не дававшие возможности привлекать все трудоспособное население к производительному труду, обуславливали рост социального дна общества, что неизбежно вело к росту криминогенности, а, следовательно, и к возрастанию социальной напряженности в стране.

Наконец, численность такой социальной категории, как заключенные, увеличилась с 119,6 тыс. чел. до 204,3 тыс. чел. – на 70,8 %, удельный вес среди всего занятого городского населения страны поднялся с 1,3 % до 2,2 % [1, с. 30–35; 2, с. 2, 118, 211]. Из этого следует, что отбывающие наказание в местах лишения свободы в период 1923–1926 гг. были самой быстро растущей группой населения страны. Рассматриваемое явление возникло как следствие целого ряда обстоятельств.

Прежде всего, рост числа преступных элементов возник как результат медленного преодоления голода и разрухи, возникших в годы Гражданской войны и «военного коммунизма». Однако столь высокие темпы роста находящихся в местах заключения говорят также и о том, что на протяжении первой половины 1920-х гг. репрессивные меры, хотя и применявшиеся не в столь крупных масштабах, как в предшествующий период, оставались тем не менее важнейшим средством поддержания общественной стабильности.

В целом тенденции социальных сдвигов и обусловленные этим противоречия, характерные для города в первой половине 1920-х гг., присущи и российскому обществу в целом. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют данные переписи населения 1926 г. В частности, при рассмотрении величины удельного веса несис-

темных социальных элементов в составе самодеятельного населения общества в целом, а также города и села в отдельности можно получить следующую картину.

Доля лиц, занятых в сфере частного предпринимательства, была равна, соответственно, по стране 2,4 %, в городе – 1 %, в селе – 2,9 % [2, с. 2, 118, 211]. Следовательно, доля предпринимательских элементов в городе, равная 1 %, почти в три раза меньше соответствующего показателя в сельской местности – 2,9 %.

Подобное положение явилось следствием, главным образом, политики правящей бюрократии, направленной на сохранение и упрочение собственного монопольного положения по отношению к рычагам власти. В качестве одной из важнейших мер предполагалось упрочение тотального контроля со стороны органов власти над важнейшими секторами экономики, прежде всего индустрии, основные объекты которой располагались в городах. В результате частный капитал мог функционировать лишь на относительно второстепенных участках городской экономики – сфере обращения, торговле, бытовом обслуживании, а также мелкой, главным образом, кустарно-ремесленной промышленности.

В сельской местности ограничения на функционирование частного капитала действовали не столь жестко, что давало несколько больший простор развитию частной инициативы, а, следовательно, и росту числа и доли предпринимательских элементов.

Удельный вес лиц, живущих доходами с капитала и недвижимого имущества в составе занятого в общественном производстве населения, равнялось: по стране – 0,6 %, в городе – 1,2 %, в селе – 0,2 % [2, с. 2, 118, 211]. Приведенные данные показывают, что доля рассматриваемой социальной категории крайне незначительна, однако здесь имеются заметные расхождения между городской и сельской частями рассматриваемых групп. Это также свидетельствует о заметных расхождениях в экономическом и социокультурном развитии города и села, в первую очередь, о явно выраженной неравномерности хода модернизационных процессов.

Удельный вес работников свободных профессий в составе самодеятельного населения российского общества в целом в 1926 г. был равен 1,1 %, при этом в городе данный показатель равнялся 0,5 %, на селе – 0,1 % [2, с. 2, 118, 211]. Подобное соотношение следует рассматривать как нормальное, поскольку в состав названной категории входят (в большинстве своем) занятые умственным трудом – врачи, учителя, воспитатели и т. д. Причем значительную часть изучаемого социально-профессионального слоя составляют представители творческих профессий – артисты, музыканты, художники и т. д.

Доля такой группы, как некооперированные кустари, согласно материалам переписи населения 1926 г., была равна в составе всего населения – 4,4 %, в городе – 10,1 %, на селе – 2,3 % [2, с. 2, 118, 211]. Приведенные данные свидетельствуют, что в середине 1920-х гг. кустарно-ремесленные промыслы продолжали играть достаточно заметную роль в производстве товаров и услуг.

Однако разница в удельном весе городской и сельской части рассматриваемого слоя достаточно красноречиво говорит о том, что в середине 1920-х гг. наблюдался явно выраженный разрыв в уровне развития экономики, а также социальной сферы города и села. Это обстоятельство еще раз свидетельствует, что в рассматриваемый период одним из доминантных факторов жизни российского общества вы-

ступали явно выраженные различия в экономическом и социокультурном развитии города и села. Названное обстоятельство, в свою очередь, с неизбежностью вело к углублению противоречий между городским и сельским населением, что в итоге становилось причиной все большего усиления общей нестабильности в обществе.

Характерной особенностью социально-экономического развития российского общества в середине 1920-х гг. была неполная занятость трудоспособного населения. Согласно переписи населения 1926 г., удельный вес безработных в общем по стране был равен 2,8 %, в городе – 9,5 %, в сельской местности – 0,5 % [2, с. 2, 3]. На основе приведенных данных можно сделать вывод, что в условиях НЭПа развитие производительных сил и в городе, и в деревне происходило весьма вялыми темпами, вследствие чего достаточно большое число трудоспособного населения не могло найти себе применения.

Кроме того, отмеченная весьма существенная разница в удельном весе безработных города и села означает, что значительная масса трудоизбыточного населения деревни мигрировала в города, но вследствие отмеченных факторов в немалой своей части не получала возможности принимать полноценного участия в развитии общественного производства и, таким образом, пополняла массу безработных. Это вело к усилению социальной напряженности в городе, а также способствовало еще большему углублению противоречий между городским и сельским населением.

В рассматриваемый период в составе населения России имелась и такая категория, как деклассированные. Их совокупный удельный вес в целом по стране составлял 0,4 %, в городе – 0,5 %, деревне – 0,4 % [2, с. 2, 3]. Наличие данной категории, а также примерное равное соотношение доли ее городской и сельской части свидетельствует, что восстановительные процессы в экономике и социальной сфере, как в городе, так и в деревне, шли медленными темпами.

Наконец, в составе населения страны была и такая группа, как отбывающие наказание в местах лишения свободы. Удельный вес данной группы в составе самостоятельного населения составлял, соответственно, по стране 0,6 %; в городе – 2,2 %; на селе – 0,08 % [2, с. 2, 3]. Столь заметная разница между долей заключенных в городе и на селе явилась следствием не только того обстоятельства, что основная масса учреждений пенитенциарной системы расположены в городах.

Не меньшее значение имел и тот факт, что НЭП в значительной степени способствовал сохранению патриархальных, общинных устоев российской деревни, одной из главных составляющих которых была четкая и неукоснительная регламентация повседневной жизни людей. Данное обстоятельство, с одной стороны, служило весьма мощным фактором, препятствующим совершению правонарушений жителями села. Но одновременно оно же свидетельствовало, что модернизационные процессы, достаточно активно проходящие в городах, лишь в самой незначительной степени затронули социокультурное развитие деревни.

В целом рассмотрение процессов количественных и качественных сдвигов в составе несистемных социальных элементов, изменения их места и роли в социокультурном развитии российского общества показывает, что в середине 20-х гг. XX века страна переживала весьма сложный, во многом противоречивый, этап своей истории. При этом одним из наиболее тревожных обстоятельств выступали явно выраженные различия в темпах модернизации экономики и социокультурной жизни города и деревни.

Приведенные данные достаточно отчетливо показывают, что к середине 1920-х годов НЭП, как форма развития производительных сил российского общества, глубинного преобразования всех сторон жизни практически полностью исчерпал свой созидательный потенциал. Важнейшим итогом развития страны в условиях НЭПа стало постепенное восстановление экономики и социальной жизни, ликвидация голода и разрухи, что сыграло решающую роль в переходе общества от состояния гражданской войны к гражданскому миру. Вместе с тем данная политика не позволяла проводить качественные, системные преобразования российского общества форсировано, а, следовательно, в конкретных условиях российской действительности рассматриваемого периода ее нельзя было использовать в качестве стратегии долговременного развития.

В свете всего сказанного важнейшей задачей, стоявшей перед руководством страны в конце 1920-х гг., выступала выработка принципиально новой политики, дававшей возможность совершить модернизационный скачок, сохраняя в неприкосновенности, а по возможности и укрепляя, фундаментальные основы возникшей модели развития. Такого рода фундаментальными основами являлись абсолютная монополия слоя партийно-государственной бюрократии на все рычаги власти, а также коммунально-уравнительные принципы организации общественной жизни, свойственные крестьянской общине, приверженность которым отчетливо демонстрировало абсолютное большинство населения страны.

Указанные факторы обусловили то, что решение задачи качественного, системного преобразования страны, достижения ею в кратчайшие исторические сроки более высокого уровня цивилизационной зрелости – индустриального общества – сделало невозможным применение апробированных мировым опытом методов, основанных на действии товарно-денежных отношений, предоставлении всем группам населения возможности определять и добиваться реализации собственных интересов и т. д. Напротив, новая стратегия развития неизбежно должна использовать в качестве важнейшего, а, во многих случаях и единственного возможного средства – использование самого широкого спектра мер насильственного характера, включая террор.

Новым этапом в развитии российского общества, перехода к форсированной модернизации, системного преобразования всех аспектов общественного развития можно считать конец 1920-х гг. – принятие на XVI Всесоюзной конференции ВКП(б), состоявшейся в 1929 г., первого пятилетнего плана социально-экономического развития страны.

Важнейшей отличительной особенностью данного, как и последующих пятилетних планов, явилось резкое нарушение пропорций развития народного хозяйства, вызванного приданием абсолютного приоритета индустриальному сектору и в первую очередь тяжелой промышленности [3, с. 449–455]. Это с неизбежностью привело к замедлению темпов роста гражданских отраслей, нацеленных, главным образом, на производство предметов потребления – легкой, пищевой и т. д. В наиболее тяжелом положении оказались сельское хозяйство и российская деревня, превратившаяся по существу в источник материальных и людских ресурсов для растущей индустрии городов.

Реализация новой стратегии качественного преобразования российского общества оказали чрезвычайно сильное влияние на все аспекты развития страны, в

том числе и на сдвиги в социальной структуре, социокультурной сферы в целом. Достаточно наглядное представление об этом можно получить по материалам переписей населения 1926 и 1939 гг.

Как уже было отмечено, основным методом решения задачи форсированной модернизации страны на протяжении периода конца 1920–1930-х гг. стал абсолютный упор на все формы насилия, утверждение тоталитарных форм управления обществом и государством. В этой связи становилось неизбежным по возможности полное упразднение из общественной жизни несистемных социальных элементов. В наибольшей степени сказанное касалось тех групп населения, которые олицетворяли собой альтернативные варианты развития страны – предпринимателей, лиц свободных профессий, служителей культа и т. д.

Как следует из итогов Всесоюзной переписи населения 1939 г., в СССР полностью исчезли такие социальные категории, как безработные, деклассированные, занятые частным предпринимательством, лица свободных профессий, живущие доходами с капитала и недвижимого имущества, служители культа [4, с. 93]. Сведения о лицах, отбывающих наказания в местах лишения свободы, содержатся в спецпереписи, долгие годы являвшейся секретной [4, с. 229–245].

Исчезновение в итогах переписи сведений о группах безработных и деклассированных можно рассматривать как закономерное следствие утверждения в России мобилизационного типа экономики, а также тоталитарных методов управления обществом и государством, при которых право на труд превращается в обязанность всего трудоспособного населения, за уклонение от которой следовала ответственность по закону.

Не столь однозначна и прямолинейна была историческая судьба служителей культа, людей, занятых частным предпринимательством, а также лиц свободных профессий.

Провозглашение в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. свободы совести, то есть права человека исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, делало возможным легальное существование такой социально-профессиональной категории, как священнослужители. Отсутствие данных об их количественном и качественном составе в материалах переписи населения 1939 г. следует рассматривать как проявление такого родового признака тоталитарной системы, как стремление навязать всем членам общества единые стандарты мышления и поведения, отрицание в принципе возможности идеологического плюрализма. Вследствие этого группа служителей культа, хотя и получила право на легальное осуществление своих профессиональных обязанностей, но по своему реальному статусу оказывалась одной из самых дискриминируемых социальных групп в стране.

Утверждение мобилизационного типа экономики, а также тоталитарных методов управления предполагало в качестве одного из первоочередных действий введение тотального контроля государства в сфере экономики. Это, в свою очередь, не допускало легального функционирования занятых частным предпринимательством, лиц свободных профессий, а также живущих доходами с капитала и недвижимого имущества. Данным обстоятельством объясняется отсутствие в итогах переписи населения 1939 г. сведений о названных группах.

Вместе с тем частная собственность, как и частное предпринимательство, являются родовыми чертами индустриального общества. В условиях утвердившейся в России модели общественного развития названные факторы не исчезли совсем, а лишь приобрели форму инобытия – перешли в «теневую» сферу. «Теневые» отношения пронизывали все сферы общественной жизни, в первую очередь экономику, что вело к усилению криминогенности общественной жизни.

Однако и в конце 1930-х гг. в социальной структуре российского общества не только сохранялись, но и учитывались официальной статистикой такие несистемные элементы, как некооперированные кустари и крестьяне-единоличники. Численность первой из названных групп была равна 0,5 млн чел., ее удельный вес в составе самодеятельного населения страны равнялся 0,7 %, второй группы, соответственно, 1,7 млн чел. и 2,1 % [4, с. 94].

Убедительным доказательством того, что остальные из рассмотренных несистемных социальных элементов и в конце 1930-х гг., т. е. в период окончательного утверждения в России новой модели развития сохранялись и имели возможность функционировать, выступают материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., долгое время остававшиеся недоступными для широкого круга исследователей. В этих материалах содержатся сведения о численности тех социально-профессиональных категорий, которые по соображениям политического и идеологического характера не учитывались в качестве самостоятельных образований в позднейших переписях. Так, численность лиц свободных профессий равнялась 1,7 тыс. чел., удельный вес в общей массе самодеятельного населения страны составлял 0,02 %, далее, соответственно, служителей культа – 1,5 млн чел. (1,9 %); живущих доходами от сдачи домов и других помещений – 4,3 тыс. чел (0,01 %); живущих на доходы от продажи имущества – 1,8 тыс. чел (0,002 %) [5, с. 73, 74].

Как уже отмечалось, в состав несистемных социальных элементов входили и отбывающие наказание в местах лишения свободы. Численность этой группы в межпереписной период 1926–1939 гг. возросла на 13,3 %, а удельный вес среди занятых в общественном производстве увеличился с 0,6 % до 3,8 % [6, с. 388]. Следовательно, именно заключенные стали самой быстро растущей социальной категорией российского общества. Это служит еще одним убедительным подтверждением того, что решающим фактором, обусловившим стремительный рывок в цивилизационном развитии России во второй половине 1920–1930-х гг., стало применение всех мер насильственного характера, включая террор. Причем основным объектом репрессий со стороны тоталитарного государства явились не только представители несистемно-антагонистических групп, но практически все лица, обладающие наиболее значительным личностным потенциалом творческих, созидательных возможностей.

На основе проделанного анализа можно сделать следующий вывод. На протяжении 1920–1930-х гг. российское общество проделало сложную и неоднозначную по своим итогам эволюцию. Важнейшим результатом произошедших изменений стало качественное преобразование страны, превращение России в кратчайшие исторические сроки из страны, отставание которой по многим важнейшим критериям цивилизационного прогресса от наиболее передовых государств на протяжении первой четверти XX в. приобретало стадийный характер, в одну из самых мощных индустриальных держав мира.

В силу особенностей исторического развития российского общества, объективных условий, в которых находилась страна в начале XX в., влияния субъективного фактора, а также ситуативных обстоятельств указанный выше модернизационный скачок происходил в рамках модели общественного развития, возникшей в результате социального катаклизма 1917 г.

Данная модель стала по сути своей выражением интересов наиболее отсталых, маргинальных слоев города и деревни. Одной из главных отличительных черт рассматриваемой модели выступало последовательное разделение функций управления и исполнения и превращения функции управления в исключительную прерогативу одного социального слоя – партийно-государственной бюрократии. Это предоставляло ей возможность определять свой частный, групповой интерес как имеющий подлинно широкое общенародное значение, принижая или игнорируя полностью интересы других групп населения.

Утверждение подобного рода системы встретило резкое противодействие со стороны наиболее зрелых в социальном отношении групп и слоев, способных самостоятельно определять и добиваться реализации собственных интересов. К такого рода группам относились, главным образом, лица, занятые частным предпринимательством, работники умственного труда, включая священнослужителей всех конфессий, из групп, занятых физическим трудом – значительная часть кадрового ядра рабочего класса, зажиточное и часть среднего крестьянства.

Основным фактором, обусловившим противостояние названных выше социально-профессиональных групп и слоя правящей бюрократии, стало то, что наиболее зрелые, обладающие значительным потенциалом творческих, созидательных возможностей социальные категории олицетворяли принципиально иную, плюралистическую модель развития. В этой связи рассматриваемые группы на новом этапе истории российского общества превращались в несистемные элементы, а возникавшие между ними и слоем управленцев компромиссы носили временный и неустойчивый характер.

Достижение важнейшей исторической задачи – превращение России в мощную индустриальную державу – в силу сочетания объективных, субъективных, а также ситуативных обстоятельств могло быть достигнуто только при условии утверждения полного, абсолютного контроля со стороны аппарата власти над всеми сферами жизни российского общества. Это обстоятельство, в свою очередь, делало неизбежным максимально широкое использование мер насильственного характера, включая террор, превращение насилия из самостоятельного в самодовлеющий фактор общественного прогресса.

Подобного рода действия со стороны аппарата власти вели к углублению раскола в обществе. При этом антагонистически-несистемными, с позиций слоя партийно-государственной бюрократии, становились не только представители тех социально-профессиональных групп, которые олицетворяли иные варианты общественного прогресса, но и практически все лица, обладающие достаточно крупным личностным потенциалом творческих, созидательных возможностей.

Однако новая модель развития оказалась не в состоянии упразднить действие имманентных свойств достигнутой стадии цивилизационной зрелости, хотя и пере-

вела проявление некоторых из них в состоянии «инобытия» или передвинула на самую периферию общественного развития.

Все сказанное означало, что по мере роста цивилизационной зрелости России, имманентные свойства индустриального общества, а, следовательно, олицетворявшие их социальные категории, а также отдельные индивиды, начинали играть все более весомую роль в движении страны по пути цивилизационного прогресса. В свою очередь механизм, обеспечивавший привилегированный статус слоя партийно-государственной бюрократии, прежде всего тотальная регламентация и контроль над всеми формами социальной активности, определение насилия в качестве решающего фактора жизнестойкости «советской» системы, становился основным тормозом на пути всестороннего прогресса российского общества.

Список использованных источников

1. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Часть II. Население городов союза ССР по занятиям. Вып. 3. Крым, Азиатская часть РСФСР, Белорусская ССР. М. : Издание Планхогиза, 1923. 234 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XXXIV. Союз Советских Социалистических Республик. Занятия. М. : Издание Планхогиза, 1930. 225 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М. : Наука, 1992. 256 с.
5. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 г. М. : Наука, 1996. 152 с.
6. Зайнетдинов Ш.Р. Социальная структура в процессах модернизации российского общества (рубеж XIX–XX вв. – конец 1930-х гг.) : монография. Уфа : Гилем, 2000. 420 с.

References

1. Itogi Vsesoyuznoj gorodskoj perepisi 1923 g. CHast' II. Naselenie gorodov soyuza SSR po zanyatiyam. Vyp. 3. Krym, Aziatskaya chast' RSFSR, Belorusskaya SSSR. M. : Izdanie Planhogiza, 1923. 234 s.
2. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Tom XXXIV. Soyuz Sovetskih Socialisticheskikh Respublik. Zanyatiya. M. : Izdanie Planhogiza, 1930. 225 s.
3. KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. M. : Politizdat, 1984. T. 4. 575 s.
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g. Osnovnye itogi. M. : Nauka, 1992. 256 s.
5. ZHiromskaya V.B., Kiselev I.N., Polyakov YU.A. Polveka pod grifom «sekretno». Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. M. : Nauka, 1996. 152 s.
6. Zajnetdinov SH.R. Social'naya struktura v processah modernizacii rossijskogo obshchestva (rubezh XIX–XX vv. – konec 1930-h gg.) : monografiya. Ufa : Gilem, 2000. 420 s.

УДК 342.9

А.Р.Лаврентьев, А.Н.Фролов, В.С.Елисеева

О концепции административно-правового ограничения прав граждан

В статье в жанре развернутой рецензии на монографию В.А.Мельникова «Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел» (Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2013. 424 с.) предложены варианты реализации авторской концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации в современном законодательстве, правоприменительной практике и мониторинге правоприменения. В то же время сформулирован ряд соображений, призывающих к дискуссии по некоторым элементам концепции административно-правового ограничения прав граждан, изложенной в названной монографии.

Ключевые слова и фразы: права граждан; ограничение прав граждан; административное принуждение; административные правонарушения; административная ответственность; механизм административно-правового ограничения прав граждан; мониторинг правоприменения, органы внутренних дел.

A.R.Lavrentyev, A.N.Frolov, V.S.Eliseeva

On the Concept of Administrative and Legal Restriction on Citizens' Rights

The article in the genre of a detailed review of the monograph by V.A. Melnikov "Administrative and legal restriction of citizens' rights and the mechanism for its implementation by the internal affairs bodies" (Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 424 p.) proposes the variants of the realization of the authors' conception of administrative and legal restriction of citizens' rights in the Russian Federation in modern lawmaking, law enforcement practice and law enforcement monitoring. At the same time, a number of considerations calling for discussion on some issues of the concept of administrative-legal restriction of citizens' rights set forth in the monograph were formulated.

Key words and phrases: citizens' rights, restriction of citizens' rights, administrative coercion, administrative offenses, administrative responsibility, mechanism of administrative and legal restriction of citizens' rights, law enforcement monitoring, internal affairs bodies.

Лаврентьев Александр Рудольфович, профессор кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, г. Нижний Новгород; конт. инф.: rap_pf_gospravo@mail.ru

Фролов Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород; конт. инф.: Lexa121578@yandex.ru

Елисеева Вера Сергеевна, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород; конт. инф.: VSEliseeva@yandex.ru

© Лаврентьев А.Р., Фролов А.Н., Елисеева В.С., 2018

Значимым событием для специалистов, занимающихся административно-правовой проблематикой, явилось издание в 2013 году в Волгоградской академии МВД России монографии В.А.Мельникова «Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел» [1] (далее – Монография). Срок, который кому-то покажется слишком значительным для рецензирования Монографии на столь актуальную тему, а кто-то разумно посчитает, что времени для попытки переоценки авторской концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации, изложенной в Монографии, по меркам истории человечества прошло недостаточно. Мы полагаем, что в условиях не прекращающейся ревизии всех элементов института государственного принуждения и особенно административного принуждения, перманентных реформ (иногда – имитации реформ [2]) в области правоохранительной деятельности, динамично изменяющегося административного законодательства вообще и законодательства об административных правонарушениях в частности, пять лет – вполне достаточно для проверки идей, высказанных В.А.Мельниковым. Более того, мы уверены, что именно сейчас, в период обсуждения стратегии развития страны на 2018–2024 годы наиболее ценные элементы авторской концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации могут и должны быть учтены в законотворчестве, в правоприменении и в мониторинге правоприменения.

Монография стала логичным завершением результатов многолетних исследований В.А.Мельникова, изложенных в его научных публикациях (нескольких монографиях, в т. ч. в изданной более 15 лет назад [3], 15 учебниках и учебных пособиях, более чем 40 статьях, в т.ч. опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России), выступлениях на конференциях с докладами и научными сообщениями по проблематике исследования. Обращают на себя внимание два обстоятельства: широкая география публикаций (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Воронеж, Краснодар, Майкоп, Нижний Новгород, Саранск, Саратов, Омск) и относительно длительный период апробации (публикации начинаются с 1993 года, что свидетельствует о тщательности, а не скоропалительности исследования).

Эти исследования позволили автору в 2015 году блестяще защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.14 – административное право; административный процесс. Поэтому рецензирование Монографии – это не запоздалая форма неофициального оппонирования по диссертации¹, а желание развить дискуссию по наиболее значимым положениям

¹ Кафедра государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» дала положительный отзыв на автореферат диссертации Мельникова Валерия Анатольевича на тему: «Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел», представленный на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.14 – административное право; административный процесс (Краснодар, 2015), отметив, что «диссертация Мельникова В.А. представляет собой, на наш взгляд, самостоятельно выполненную, обладающую внутренним единством, законченную научно-квалификационную работу, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, решение научной проблемы, имеющей важное значение для отечественной науки административного права».

концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации, которая лаконично изложена в Монографии в приложении 6 (с. 413–420) и обоснована на предшествующих страницах. Заметим, что в Монографии ряд суждений автора¹ выражены в более критичной манере, порой неожиданно резко, чем в тексте диссертации и автореферате диссертации, стиль изложения которых потребовал «сглаживания» наиболее острых (иначе называемых «наиболее дискуссионных») вопросов.

В Монографии автор впервые комплексно рассмотрел административно-правовое ограничение прав граждан как своеобразный механизм, обладающий соответствующими признаками и индивидуальной структурной организацией (способов, средств, форм), и проиллюстрировал его специфику на примере деятельности органов внутренних дел. Структура Монографии соответствует целям и задачам исследования и в логической последовательности раскрывает его замысел:

– вначале выяснена административно-правовая природа ограничения прав граждан (с. 8–57) и обосновано содержание механизма административно-правового ограничения прав граждан (с. 58–113);

– затем в соответствии с авторской концепцией раскрыты нормативный (с. 114–158) и правоприменительный (с. 159–243) способы административно-правового ограничения прав граждан;

– и, наконец, описан механизм административно-правового *ограничения прав граждан* органами внутренних дел, то есть дана его функциональная характеристика (с. 244–310). Ряд выдвинутых В.А.Мельниковым гипотез, развитых в доктринальном ключе, стали основой для обоснования предложений и рекомендаций по совершенствованию нормативного регулирования административно-правового ограничения прав граждан и деятельности органов внутренних дел в целом, что весьма важно в свете проводимой масштабной реформы правоохранительного блока органов исполнительной власти.

В Монографию включен раздел, названный автором весьма «скромно» – Библиографический список (с. 319–346), но, по нашему мнению, это вполне самостоятельная часть исследования и результат специфического метода изучения проблем административно-правового *ограничения прав граждан* – выверенная и подробно структурированная Библиография. В нее включено 342 источника, в т. ч. более 100 нормативных и иных официальных документов, почти 250 научных и учебных изданий, почти по 50 специализированных научных статей и диссертаций (авторефератов диссертаций). Мы понимаем, что «жесткие» требования технического оформления текста диссертационного исследования лишили автора маневра, но анализ данной части работы позволяет сделать вывод, что речь идет об опыте доктринального осмысления источников административно-правового ограничения прав граждан.

¹ Важно отметить также, что на момент подготовки Монографии В.А.Мельников замещал должность профессора кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России и смелость некоторых высказываемых на страницах Монографии суждений свидетельствует о вполне творческой атмосфере, сложившейся в одном из передовых в научном плане вузе системы МВД России.

Обращает на себя внимание мощная информационная составляющая диссертации. Об этом свидетельствуют шесть информативных приложений к Монографии, в которых содержатся:

1) авторские комментарии к статьям главы 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] (далее – КоАП РФ), регламентирующим порядок применения отдельных мер административно-процессуального обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (с. 347–383);

2) авторский комментарий к ст. 14 Федерального закона «О полиции» [5], закрепившей только общие требования к одной из наиболее неоднозначных в правоприменительной практике мер административного принуждения – задержанию (с. 384–403);

3) важные сведения об административной практике органов внутренних дел России за 2010–2012-е годы (с. 404–405);

4) сведения о количестве административных правонарушений в области безопасности дорожного движения за 2010–2012-е годы (с. 406–407);

5) результаты авторского опроса сотрудников органов внутренних дел по теме исследования (с. 408–412);

6) «венец» исследования – авторская концепция административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации (с. 413–420).

Соглашаясь с правом В.А.Мельникова на обоснование оригинальной и, безусловно, заслуживающей поддержки концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации, не можем не отметить ряд дискуссионных моментов.

1. Выстраивая авторскую концепцию административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации на примере деятельности органов внутренних дел, В.А.Мельников более чем другие – прагматик, но в предложении при помощи только правоустановительного и правоприменительного способов должного состояния общественных отношений – он большой романтик. Помимо правоприменения, основными формами реализации права (даже в подробно регламентированной нормами административного права) выступали и, надеемся, будут выступать непосредственные формы реализации права: использование, исполнение и соблюдение. Именно они лежат в основе инициативного участия граждан в сфере правоохраны. Непременным условием законности при непосредственной реализации норм административного права должно быть знание норм права, информирование об их содержании. И в современном праве априори действует правило – презумпция знания гражданами законов (в широком смысле термина «закон», охватывающего и все обилие законов и подзаконного и локального регулирования). Уверены, что современный российский законодательный вал документов, «соропальность» разработки и принятия актов, перманентное изменение даже базовых законов, отсутствие надлежащей системы опубликования (обнародования) нормативных актов, неоправданно короткие (нередко – без необходимого переходного периода и практически всегда – без проработки даже концепций подзаконных актов) сроки вступления в силу новых норм права, неразвитость элементов правового просвещения населения и общее снижение уровня правовой грамотности населения не способствуют поддержанию должного уровня законности. Сложилась, скорее,

обратная ситуация – презумпция незнания законов. Только романтики, к которым в этой связи мы относим В.А.Мельникова, в настоящее время могут говорить о достижении (приближении) к неким идеалам законности в поведении граждан (групп граждан).

2. Почему автор в названии Монографии (концепции) и ее содержании говорит в основном о «правах граждан», в то время как в главе 2 Конституции Российской Федерации [6] закреплено более ста не только *прав*, но и *свобод человека и гражданина*? Представляется, что если в части терминов «человек и гражданин», «иностранный гражданин», «лицо без гражданства» должно обоснование позиции автора убедительно представлено, то термин «свободы», который с пиететом разрабатывается в философии права, теории права, конституционном праве и других отраслях права, административисты несколько «недолюбливают». Однако в последнее время именно вопросы ограничения «свобод граждан» находятся на пике популярности в бытовых и профессиональных дискуссиях¹, в законотворчестве² и в правоприменении³.

3. Правоограничение, на наш взгляд, выступает одним из приемов правового регулирования наряду с названными в Монографии запретами, предписаниями и дозволениями (пункт 3.1.1. концепции, с. 415 Монографии) что, на наш взгляд, характерно именно для административно-правового регулирования. Достаточно привести в пример набор «изъятий» из объема прав и свобод «обычных» граждан в отношении лиц, замещающих государственные должности, муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы. В «сужении объема статусных прав граждан» (подпункт «а» пункта 3.1.3. концепции, с. 416 Монографии) В.А.Мельников фактически сформулировал тезис о наличии такого приема правового регулирования, как правоограничение, но не отразил его в соответствующем разделе своей концепции.

4. Представляется методологически оправданным разделение административно-правового ограничения прав граждан (групп граждан) на четыре уровня: федеральный, субъектов Российской Федерации, местный (муниципальный) и локальный (пункт 3.1.2. концепции, с. 415–416 Монографии). Вместе с тем, учитывая век-

¹ Со времени выхода «в свет» Монографии только в специализированной научной библиотеке Library.ru по поисковому запросу «Ограничение свобод» (в названиях, в период 2013–2018 годы) найдено свыше 800 публикаций (https://elibrary.ru/query_results.asp. Дата обращения: 31.12.2018).

² Со времени выхода «в свет» Монографии только в Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» изменения были внесены 7 федеральными законами, в Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» – 8 федеральными законами.

³ См., например: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»; от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»; от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и др.

тор развития общественных отношений, их интеграции, предложенная классификационная модель должна быть дополнена пятым уровнем – международным. Не нуждается в дополнительной аргументации данный тезис в связи с введением санкционного режима в отношении как российских граждан (особенно обидно за спортсменов, их дисквалификацию и отстранение от соревнований под надуманными предлогами), так и попытками установить «зеркальные» контрмеры [7] в Российской Федерации.

5. В авторской концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации применена «четырёхзвенная» классификация мер административного принуждения в зависимости от природы и целей их применения (пункт 3.2.4. концепции, с. 418 Монографии) и не включены праввосстановительные меры, иначе называемые «мерами защиты». Полагаем, что система мер государственного и соответственно административного принуждения должна охватывать собой не только вопросы привлечения виновных лиц к ответственности, но и меры, направленные на минимизацию и (или) ликвидацию последствий правонарушения. Этот тезис имеет надежное доктринальное обоснование [8, с. 7, 36–44] и отражен в действующем законодательстве¹ (см. табл.1).

Таблица 1

Соотношение мер административного принуждения и мер противодействия коррупции

Виды мер административного принуждения	Виды мер противодействия коррупции (ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [9])
административно-предупредительные (административно-профилактические)	по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции)
административного пресечения	по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией)
административно-процессуального обеспечения	
административной ответственности	
праввосстановительные (административной защиты)	по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений

¹ См. об этом, например: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

6. Автор утверждает, что «индивидуальные акты управления могут выражаться в устном, письменном виде, в виде конклюдентных действий и (*в качестве самостоятельной четвертой формы выражения – примечание наше. А.Л., А.Ф., В.Е.*) непосредственное физическое воздействие (применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия)» (пункт 3.2.5. концепции, с. 419 Монографии). Не подвергая сомнению авторскую классификацию индивидуальных форм выражения актов управления, полагаем, что некоторые из них могут различным образом сочетаться (например, вынесенное в письменной форме постановление о назначении административного наказания может быть доведено до лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, в устной форме; применению специальных мер пресечения должно предшествовать предупреждение о намерении их применить, за исключением случаев, когда такое предупреждение неуместно и т. п.), а, следовательно, авторская классификация индивидуальных актов управления требует уточнения и дополнения.

7. В авторской концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации, как нам показалось, В.А.Мельников не акцентировал свое внимание на противоречии, которое сложилось в сфере административно-правового регулирования общественных отношений вообще и статуса граждан (групп граждан) в частности. Постоянные изменения, вносимые в КоАП РФ (за последние пять лет – более чем 300 федеральными законами: в 2013 году – 84; в 2014 году – 72; в 2015 году – 55; в 2016 году – 58; в 2017 году – 43), в подавляющем большинстве случаев носят репрессивный характер (увеличивается размер наказания, усиливаются санкции, вводятся новые составы административных правонарушений, упрощается порядок привлечения к ответственности, снижается возраст привлечения к административной ответственности и т. п.), при этом меры, направленные на стимулирование правомерного поведения, в противовес административному принуждению, как будто неизвестны в российской доктрине, законодательстве и в правоприменении.

8. В Монографии В.А.Мельников, вероятно, интуитивно применил отдельные приемы технологии мониторинга правоприменения, правовые основы которой нормативно введены Указом Президента РФ [10] и Постановлением Правительства РФ [11]. Основной целью мониторинга правоприменения названо совершенствование правовой системы Российской Федерации и практики применения нормативного материала. К настоящему времени на федеральном уровне реализовано семь планов мониторинга правоприменения (см. табл. 2), реализуется план на 2018 год, обнародовано шесть докладов по результатам мониторинга правоприменения с 2011 г. по 2016 г. (см. табл. 3). Правда, необходимо отметить, что мониторинг правоприменения не единственный нормативно закрепленный механизм совершенствования правовой системы и оценки качества законодательства. Кроме него применяются оценка регулирующего воздействия [12], оценка фактического воздействия [13], а также: антикоррупционный мониторинг, мониторинг реализации стратегического плана, общественный мониторинг, мониторинг профилактики в сфере правонарушений и т. п. [14; 15]

Таблица 2

**Планы мониторинга правоприменения в Российской Федерации
(2011–2018 годы)**

Год	Отрасли, включенные в план мониторинга	Законы, включенные в план мониторинга	Субъекты осуществления мониторинга	
			Федеральные органы власти и организации	Органы власти субъектов РФ
2011	11	16	23	5
2012	29	34	26	8
2013	18	22	25	15
2014	14	19	43	10
2015	15	29	39	11
2016	10	33	35	9
2017	10	38	48	8
2018	10	19	39	5
Всего	117	210	278	71

Таблица 3

**Доклады о результатах мониторинга правоприменения
в Российской Федерации (2011–2016 годы)**

Доклад о результатах мониторинга	Основная часть		Приложения		Кол-во исполненных решений Конституционного Суда России
	Кол-во страниц	Кол-во разделов (с введением)	Кол-во страниц	Кол-во приложений	
за 2011 год	87	15	334	19	73
за 2012 год	49	33	Нет сведений ¹		
за 2013 год	53	22	297	13	39
за 2014 год	59	17	393	12	39
за 2015 год	60	19	496	14	27
за 2016 год	47	15	618	12	11
Всего	355	121	2.138	70	189

¹ Доклад о результатах мониторинга правоприменения за 2012 год официально опубликован не был; на сайтах Президента России, Правительства Российской Федерации размещен без приложений; на сайте Минюста России не размещен.

Таблица 4

Действующий КоАП РФ и проект КоАП РФ: согласование структуры Особенной части

Действующий (по состоянию на 1 января 2017 г.) КоАП РФ				Проект КоАП РФ		
глава Особенной части		количество		глава Особенной части		количество
номер	название	статей ¹	составов	номер	название	статей
1	2	3	4	5	6	7
5	Административные правонарушения, посягающие на права граждан	67	165	7	Административные правонарушения, посягающие на основные права и свободы граждан	12
				8	Административные правонарушения, посягающие на избирательные права граждан и право на участие в референдуме	34
				9	Административные правонарушения, посягающие на трудовые права граждан, права в области социального обеспечения и права социальной защиты граждан, а также права инвалидов	34
				10	Административные правонарушения, посягающие на семью и защиту прав несовершеннолетних	15

¹ С учетом вновь введенных статей и статей, утративших силу.

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
				11	Административные правонарушения, посягающие на установленный порядок деятельности некоммерческих организаций и политических партий	9
всего				5	всего	104
6	Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность	34	125	12	Административные правонарушения, посягающие на здоровье человека и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения	25
7	Административные правонарушения в области охраны собственности	47	112	14	Административные правонарушения, посягающие на объекты исторического и культурного наследия	12
				15	Административные правонарушения, посягающие на отношения собственности и иных вещных прав	17
				16	Административные правонарушения в сфере жилищно-коммунального хозяйства, содержания и обслуживания жилых домов	9
всего				3	всего	38
8	Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования	48	153	17	Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования	63
9	Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике	22	58	18	Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике	17

10	Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель	15	27	19	Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель	14
11	Административные правонарушения на транспорте	37	131	20	Административные правонарушения на транспорте	42
12	Административные правонарушения в области дорожного движения	42	157	21	Административные правонарушения в области дорожного движения	41
13	Административные правонарушения в области связи и информации	35	70	22	Административные правонарушения в области связи и информации	33
14	Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций	71	256	23	Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций	27
				24	Административные правонарушения в области технического регулирования	10
				25	Административные правонарушения в области торговли, а также административные правонарушения, посягающие на права потребителей	8
				26	Административные правонарушения в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также табака, табачной продукции, табачных изделий или курительных принадлежностей	12
				27	Административные правонарушения, посягающие на конкуренцию	20

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
				28	Административные правонарушения, посягающие на установленный порядок осуществления закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, а также государственного оборонного заказа	16
всего				6	всего	93
15	Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг	64	215	29	Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, а также страховых взносов	31
				30	Административные правонарушения в области финансового рынка	43
всего				2	всего	74
16	Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)	24	65	31	Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)	24
17	Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти	19	44	32	Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти	20
18	Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации	20	84	35	Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации	10

				36	Административные правонарушения в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации	11
всего				2	всего	21
19	Административные правонарушения против порядка управления	61	242	33	Административные правонарушения против порядка управления	39
				34	Административные правонарушения в области государственного контроля (надзора) и муниципального контроля	40
всего				2	всего	79
20	Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность	34	110	13	Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную нравственность	8
				37	Административные правонарушения, посягающие на общественную безопасность	30
всего				2	всего	38
21	Административные правонарушения в области воинского учета	7	14	38	Административные правонарушения в области воинской обязанности, военно-транспортной обязанности и гражданской обороны	13
17	итого	647	2.028	32	итого	739

Подводя итог анализа Монографии В.А.Мельникова, следует признать, что за прошедшие пять лет с момента опубликования она не утратила своей актуальности. Ее положения обладают доктринальной, прикладной и дидактической востребованностью. Ряд положений, изложенных в Монографии, носят поисковый характер и требуют дополнительного осмысления и могут быть использованы молодыми исследователями, а ее автор может приложить усилия по участию в доработке, в том числе с позиции концепции административно-правового ограничения прав граждан в Российской Федерации, находящихся в настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе России, двух проектов федеральных законов, которые, как предполагают разработчики, должны существенно изменить подходы в административно-правовом регулировании буквально всех сфер общественных отношений:

1) проект Федерального закона № 332053-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», внесенный Правительством Российской Федерации (разработан Минэкономразвития России) – принят в первом чтении 21.02.2018 г.;

2) проект Федерального закона № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [16], внесенного депутатами Государственной Думы России VI созыва В.А.Васильевым, В.Н.Плигиным, С.А.Поповым, Д.Ф.Вяткиным, В.А.Понежевским, который представляет собой существенно перестроенный текст действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (см. табл. 4) с учетом положений проекта Федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)».

Список использованных источников

1. Мельников В.А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел : монография / под ред. В.В. Денисенко. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2013. 424 с.

2. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня: аналитический доклад / под науч. ред. М.Э. Дмитриева. СПб. : Центр стратегических разработок : РАНХиГС, 2016. С. 208.

3. Мельников В.А. Право лица, привлекаемого к административной ответственности, на защиту по новому законодательству Российской Федерации об административных правонарушениях : монография. Волгоград : Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2002. 111 с.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

7. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.

8. Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2016. 68 с.

9. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
10. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
11. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 // Российская газета. 2011. 24 августа.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов: федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 447-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 67.
13. О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2015 г. № 83 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 965.
14. Елисеева В.С., Красильникова Н.А., Лаврентьев А.Р. Теория и практика мониторинга правоприменения : научно-практическое пособие. Дзержинск : ДФ РАНХиГС : Изд-во «Конкорд», 2015. 131 с.
15. Елисеева В.С., Красильникова Н.А., Лаврентьев А.Р. Законодательное Собрание Нижегородской области и мониторинг правоприменения. Ученые записки. Т. 15. Н.Новгород : НИУ РАНХиГС, 2017. С. 414–434.
16. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект от 18.12.2015 г. № 957581-6 [Электронный ресурс]. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/ad-dwork/scans.nsf/ID/361FFC984B318CA543257F1F004A10C2/\\$FILE/957581-6_18122015_957581-6.pdf?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/ad-dwork/scans.nsf/ID/361FFC984B318CA543257F1F004A10C2/$FILE/957581-6_18122015_957581-6.pdf?OpenElement) (дата обращения: 15.06.2018).

References

1. Mel'nikov V.A. Administrativno-pravovoe ogranichenie prav grazhdan i mekhanizm ego realizacii organami vnutrennih del : monografiya / pod red. V.V. Denisenko. Volgograd : Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2013. 424 s.
2. Analiz faktorov realizacii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verhnego urovnya: analiticheskij doklad / pod nauch. red. M.EH. Dmitrieva. SPb. : Centr strategicheskikh razrabotok : RANHiGS, 2016.
3. Mel'nikov V.A. Pravo lica, privilekaemogo k administrativnoj otvetstvennosti, na zashchitu po novomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah : monografiya. Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo instituta ehkonomiki, sociologii i prava, 2002. 111 s.
4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah : federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1.
5. O policii : federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 7. St. 900.
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 31. St. 4398.
7. O merah vozdejstviya na lic, prichastnyh k narusheniyam osnovopolagayushchih prav i svobod cheloveka, prav i svobod grazhdan Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2012 g. № 272-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 53 (ch. 1). St. 7597.
8. Makarejko N.V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v mekhanizme obespecheniya ehkonomicheskoj bezopasnosti: teoreticheskie i prikladnye problemy : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. N.Novgorod, 2016. 68 s.
9. O protivodejstvii korrupcii: federal'nyj zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 52 (ch. 1). St. 6228.

10. O monitoringe pravoprimeneniya v Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 20 maya 2011 g. № 657 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 21. St. 2930.

11. Ob utverzhdenii metodiki osushchestvleniya monitoringa pravoprimeneniya v Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19 avgusta 2011 g. № 694 // Rossijskaya gazeta. 2011. 24 avgusta.

12. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam ocenki reguliruyushchego vozdejstviya proektov normativnyh pravovyh aktov i ehkspertizy normativnyh pravovyh aktov: federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2015 g. № 447-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 1 (ch. I). St. 67.

13. O provedenii ocenki fakticheskogo vozdejstviya normativnyh pravovyh aktov, a takzhe o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 yanvarya 2015 g. № 83 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 6. St. 965.

14. Eliseeva V.S., Krasil'nikova N.A., Lavrent'ev A.R. Teoriya i praktika monitoringa pravoprimeneniya : nauchno-prakticheskoe posobie. Dzerzhinsk : DF RANHiGS : Izd-vo «Konkord», 2015. 131 s.

15. Eliseeva V.S., Krasil'nikova N.A., Lavrent'ev A.R. Zakonodatel'noe Sobranie Nizhegorodskoj oblasti i monitoring pravoprimeneniya. Uchenye zapiski. T. 15. N.Novgorod : NIU RANHiGS, 2017. S. 414–434.

16. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: zakonoproekt ot 18.12.2015 g. № 957581-6 [EHlektronnyj resurs]. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/361FFC984B318CA543257F1F004A10C2/\\$FILE/957581-6_18122015_957581-6.pdf?](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/361FFC984B318CA543257F1F004A10C2/$FILE/957581-6_18122015_957581-6.pdf?OpenElement) OpenElement (data obrashcheniya: 15.06.2018).

УДК 316.334.52(470.56)

Т.Н.Ларина, С.В.Спасенкова

**Методологические и организационные основы
статистико-социологического исследования социального развития
сельских территорий в изменяющихся экономических условиях
(на примере Оренбургской области)**

В статье раскрываются методологические и организационные положения статистико-социологического исследования социального развития сельских территорий Оренбургской области в изменяющихся современных экономических условиях. Представлена и охарактеризована авторская концепция статистико-социологического исследования данной проблемы, включающая в себя три основных этапа. Даются описание и характеристика каждого из этих этапов.

Ключевые слова и фразы: социальное развитие; сельские территории; социальная инфраструктура; управление социально-экономическим развитием; регион; статистико-социологическое исследование.

T.N.Larina, S.V.Spasenkova

Ларина Татьяна Николаевна, заведующая кафедрой статистики и экономического анализа Оренбургского государственного аграрного университета, доктор экономических наук, доцент, г. Оренбург; конт. инф.: lartn.oren@mail.ru

Спасенкова Светлана Владимировна, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Оренбургского государственного аграрного университета, кандидат социологических наук, доцент, г. Оренбург; конт. инф.: orensipas@mail.ru

© Ларина Т.Н., Спасенкова С.В., 2018

Methodological and Organizational Foundations of Statistical and Sociological Research of Social Development of Rural Areas in Changing Economic Conditions (Using the Experience of Orenburg Region)

The article deals with the methodological and organizational provisions of the statistical and sociological study of the social development of rural areas of Orenburg region in the changing modern economic conditions. It presents and characterizes the authors' concept of statistical and sociological research of this problem including three main stages. The description and characteristics of each of these stages are given.

Key words and phrases: social development, rural territories, social infrastructure, management of socio-economic development, region, statistical and sociological research.

Решение государственной задачи по укреплению агропроизводственного потенциала России в условиях международных санкций обуславливает необходимость поиска новых подходов к управлению развитием сельских территорий, обеспечивающих улучшение условий жизнедеятельности их населения. Принятие управленческих решений сегодня, как никогда, должно опираться на достоверную информационную базу, включающую данные официального статистического учета, а также результаты социологического изучения общественного мнения о различных аспектах жизни сельского населения, включая оценку удовлетворенности ее условиями. Это позволит обеспечить принятие обоснованных управленческих решений по развитию отечественного сельского хозяйства и социальной инфраструктуры села.

Исследование социального развития сельских территорий в постоянно изменяющихся экономических условиях, на наш взгляд, должно быть основано на комплексном подходе, отражающем взаимосвязанную систему показателей социологической и статистической оценки состояния конкретных сельских территорий.

В отечественной и зарубежной научной литературе, посвященной изучению закономерностей развития сельских территорий, представлены работы авторов, которые раскрывают организационно-экономические механизмы управления сельскими административно-территориальными образованиями или регионом в целом. Среди авторов по данному научному направлению можно выделить М.С.Баутина [1], А.П.Зинченко [2], В.В.Пациорковского [3] и др. Часть публикаций содержит результаты статистического изучения социально-демографических процессов в сельской местности, а в ряде работ реализован социологический подход к получению оценки уровня и качества жизни в сельских поселениях [4; 5 и др.].

В то же время современное изменение экономических условий, появление перед органами власти и местного самоуправления новых вызовов требуют адаптации к этим изменениям и разработки новых методических подходов к изучению проблемы, уточнения содержания понятийного аппарата, формирования достоверной информационной базы, адекватной запросам лиц, принимающих управленческие решения.

Применительно к исследованию социального развития сельских территорий официальная статистика разрабатывает и использует методологические положения статистического наблюдения за демографическими процессами, развитием здравоохранения, образования, жилищными условиями населения и другими социальными

процессами. Изучение качества жизни населения сельских территорий в рамках официальной статистики возможно благодаря имеющейся в ней группировке населения по месту жительства, т. е. разделению населения на городское и сельское. Наличие такой информации позволяет изучить закономерности социального и демографического развития сельских территорий, а также выполнить сравнительные оценки с аналогичными показателями по городским поселениям.

Вместе с тем развитие сельских территорий и изменение показателей качества жизни сельского населения, на наш взгляд, необходимо изучать не только в динамике, но и в разрезе регионов и на субрегиональном (муниципальном, местном) уровне. В Российской Федерации весьма разнообразны условия и возможности развития сельских территорий в пределах многих ее субъектов. Поэтому изучение пространственных закономерностей социального развития в масштабах страны позволит получить четкое понимание следующих стратегических задач: выбор территорий, на которых развитие аграрного производства наиболее эффективно, уточнение районов производственной специализации АПК; определение территорий, обладающих потенциалом для развития альтернативных сельскому хозяйству видов экономической деятельности (например, зон рекреации, зон сервисно-бытовых, гостиничных услуг для транзитного транспорта и др.); выделение не экономически, а политически значимых сельских территорий, где необходимо поддерживать определенный уровень жизни населения с целью сохранения контроля над территорией (например, приграничные малонаселенные районы) [6, с. 217].

В этой связи очевидно, что без оценки потенциала конкретных территорий невозможно разработать стратегию их развития. Однако существующая информационная база государственной статистики не позволяет в полной мере удовлетворить интерес исследователей к проблеме развития сельских поселений. Переход на международные стандарты и классификаторы в российской статистике требует новых подходов к определению современных тенденций и особенностей развития сельских административно-территориальных единиц, а также создание дополнительной информационной базы. Мы согласны с мнением, что оценка состояния и перспектив развития села должна быть дана не только с позиции ресурсной составляющей, но и с учетом более глубоких социальных характеристик сельского населения, сельских сообществ, качества жизни на сельских территориях [5, с. 37].

В этой связи роль статистико-социологического мониторинга и анализа на его основе качества жизни сельского населения и социального развития сельских территорий значительно возрастает. Применение инструментария статистической и социологической наук в рамках данного исследования вполне обосновано. Отметим, что исторически статистика и социология развивались в тесном взаимодействии как общественные науки. Статистический метод, базирующийся на массовых наблюдениях, позволяет установить закономерно повторяющееся явление. Социологический метод обеспечивает выяснение причин сложившихся закономерностей. На более широкие аналитические возможности статистико-социологического подхода в изучении социально-экономических процессов указывают отечественные авторы [7; 8 и др.].

Статистико-социологическое исследование социального развития сельских территорий, как нам представляется, должно охватывать следующие основные направления:

- статистический анализ прошлого и настоящего состояния социально-демографических процессов в сельской местности на основе временных рядов;
- исследование взаимосвязей между социальными и экономическими явлениями на региональном и муниципальном уровне, в том числе в сельских поселениях;
- статистическое моделирование социальных явлений, которое подразумевает построение статических и временных моделей;
- оценка уровня удовлетворенности условиями жизни на основе изучения мнения сельского населения;
- формирование обобщающих показателей качества жизни населения сельских территорий.

Вышеперечисленные направления исследования особенно актуальны для регионов, в демографической структуре которых сельское население занимает значительную часть. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в шести регионах России доля сельского населения составляет половину от общей численности их населения, а в десяти регионах доля сельского населения достигает 40–50 %. В их числе Оренбургская область (40 % от общей численности). Особенностью административно-территориального деления Оренбургской области является то, что в регионе образовано 29 муниципальных районов, которые не включают в себя городские поселения. Отдельно выделено 13 городских округов. Для 29 муниципальных районов границы сельской территории и административных границ соответствующего муниципального района совпадают, районный центр, в котором находится администрация муниципального района, расположен в сельском поселении. Этот факт позволяет сформировать выборочную совокупность и статистически оценить уровень социального развития сельских территорий Оренбуржья. Кроме того, Оренбургская область – приграничный регион, и сельские жители выполняют такую общегосударственную функцию, как социальный контроль над приграничной территорией.

Однако, как уже было сказано выше, исследование социального развития сельских территорий в современных изменяющихся экономических условиях должно отражать не только статистическую оценку состояния конкретных сельских территорий, но и данные, полученные на основе субъективных оценок населения сельских территорий. Возможности социологического анализа позволяют получить субъективные оценки респондентов и тем самым определить актуальные проблемы сельских территорий в оперативном режиме. Исходя из этого, прикладная часть исследования может быть выполнена с использованием метода письменного опроса сельского населения (анкетирования).

Модель подобного статистическо-социологического исследования, на наш взгляд, должна включать в себя три этапа: 1) методологический; 2) эмпирическое статистико-социологическое исследование; 3) анализ и обобщение полученных данных (см. рис.).

Рассмотрим подробнее содержание этапов исследования.

Первый этап (методологический) включает постановку цели, задач, определение сущности основных понятий, формирование системы показателей и т. п. На данном этапе обосновываются принципы работы в рамках проекта, средства, методы исследования, определяется период наблюдения [9]. Все это позволяет сформировать целостную систему статистико-социологического исследования с четко определенными характеристиками, логической структурой, процессом ее осуществления.

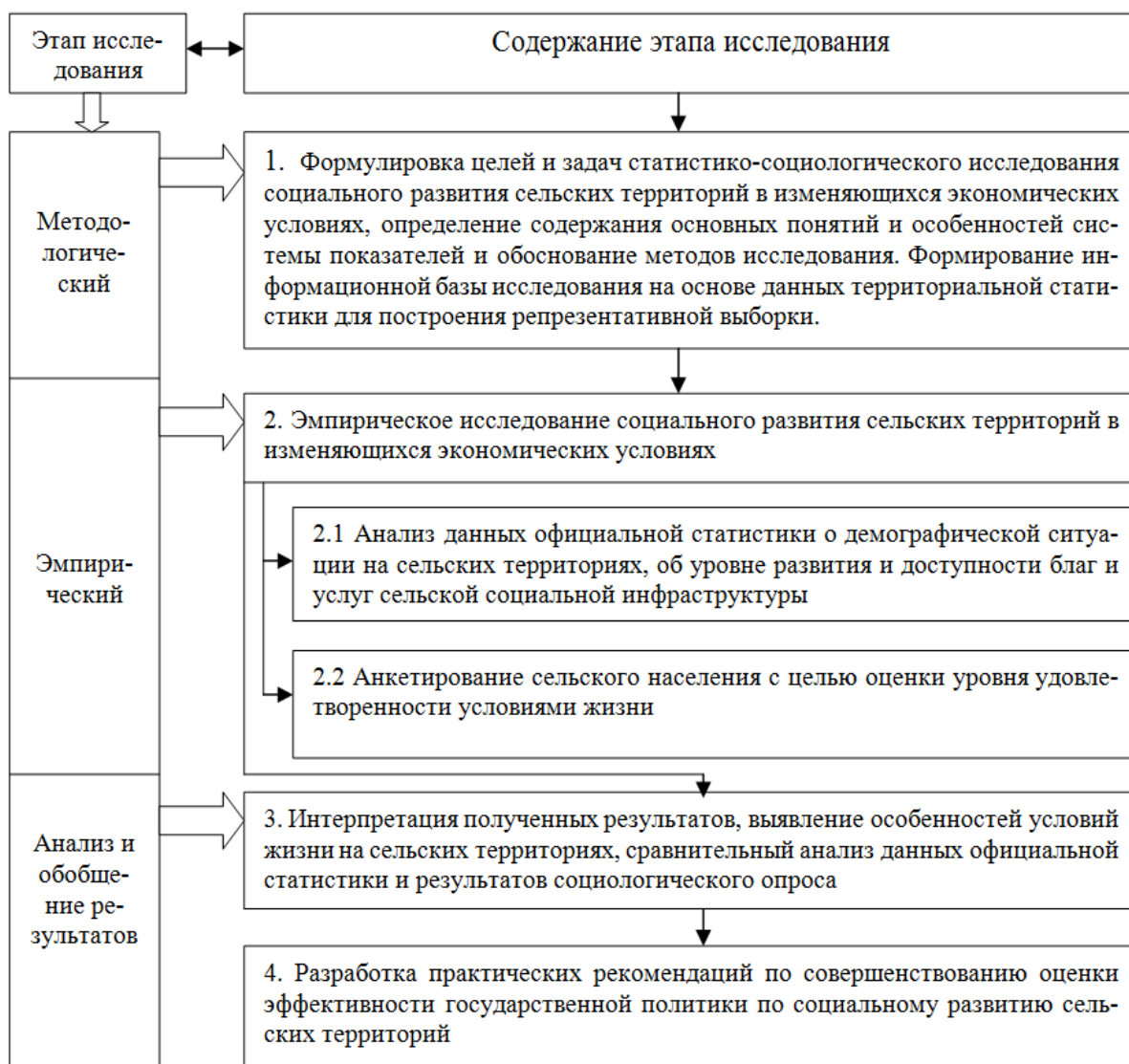

Рис. Логическая схема исследования

Так, цель статистико-социологического исследования социального развития сельских территорий состоит в получении объективных результатов, практическая ценность которых заключается в совершенствовании информационно-аналитического обеспечения управленческих решений направленных на устойчивое социальное развитие сельских территорий в изменяющихся экономических условиях.

На втором этапе исследования нами выделено два подэтапа. Во-первых, выполняется анализ динамики, структуры показателей развития социальной инфраструктуры села по данным территориального органа Росстата. Социальная инфраструктура – совокупность видов экономической деятельности, обеспечивающих личные потребности сельского населения (здравоохранение и предоставление социальных услуг, образование, предоставление коммунальных и персональных услуг, транспорт, связь и т. п.), функционирующие с целью создания условий для повышения уровня и качества жизни населения [10, с. 51]. Под условиями жизни в рамках

данного исследования понимается количественное соотношение потребностей человека и степень их удовлетворения социальными, антропогенными и природными факторами [11, с. 89].

Анализ динамики основных показателей состояния сельской социальной инфраструктуры Оренбургской области позволил выявить ключевые проблемы. Так, в Оренбургской области за период 2010–2016 гг. сельский жилищный фонд увеличился на 9,7 %. В среднем на 1000 сельских жителей в 2016 г. было введено 429 кв. м жилья общей площади, что на 35,7 % больше, чем в 2010 г. В последние годы значительно выросли показатели благоустройства сельского жилищного фонда газом (в разрезе муниципальных районов показатель достиг 98–100 %). Благоустройство жилья водопроводом в среднем составляет 74 %, канализацией – 61 %, отоплением – 99 %. В среднем на 1000 чел. населения в сельской местности приходится 24,6 врача, 86,1 единиц среднего медицинского персонала, 50,3 больничные койки. Показатели обеспеченности населения медицинскими кадрами, больничными койками значительно ниже, чем в городах Оренбургской области.

В период 2014–2016 гг. в сельской местности не было введено ни одной больничной организации. Резкое сокращение числа больничных организаций является результатом «оптимизации» здравоохранения на селе. Процессы оптимизации затронули также деятельность учреждений культуры. В период с 2010 по 2016 гг. число учреждений культурно-досугового типа в сельской местности сократилось с 1115 до 1002, число общедоступных библиотек – с 884 до 651.

Показатели развития связи и транспорта в сельской местности региона имеют положительную динамику. В частности, за период 2010–2016 гг. число телефонных станций увеличилось с 687 до 697, протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием – на 4847 км. Но при этом снизился процент дорог с твердым покрытием в общей протяженности автодорог общего пользования [12]. Оценивая развитие сельской социальной инфраструктуры Оренбургской области в целом, можно сделать вывод, что в большей степени улучшились показатели инженерной инфраструктуры (благоустройство жилья, доступность услуг связи).

Также на втором этапе исследования проводится анкетирование сельского населения с целью получения дополнительной информации об уровне удовлетворенности населения, проживающего на сельских территориях Оренбургской области, качеством работы учреждений социальной инфраструктуры и самооценке сельского населения условиями повседневной жизни. Рассмотрим основные организационные вопросы формирования выборочной совокупности для проведения социологического опроса.

Опрос планируется осуществить на основе анкетирования населения, проживающего в сельских поселениях. Сельское поселение как разновидность муниципальных образований в России, представляет собой один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления [13]. Сельское поселение входит в состав муниципального района. К сельским поселениям относятся поселения, классифицируемые соответствующим образом Общероссийским классификатором территорий муниципальных образований (ОКТМО).

Предлагается реализовать двухступенчатую выборку. На первой ступени выбираются сельские муниципальные районы. Принцип отбора муниципального района – географическое расположение на разном расстоянии от областного центра. Так, респондентами выступают жители как близлежащих к областному центру поселений (в радиусе 25 км) (например, с. Нежинка Оренбургского района) и поселений, удаленных на расстояние 50–150 км (например, с. Беляевка Беляевского района), а также удаленных от областного центра на 350 и более км (например, пос. Адамовка Адамовского района).

Численность выборки – 126 чел., что составляет 0,01 % от общей численности сельского населения Оренбургской области. На второй ступени респонденты в обследуемом возрасте (от 18 лет и старше) определяются случайно.

В процессе формирования выборки применяются следующие принципы, свойственные социологическим исследованиям [14, с.189]:

- 1) получение данных сплошного учета исключено;
- 2) выборочный метод на основе математико-статистического подхода при социологическом обследовании реализовать затруднительно, так как отсутствует основа выборки (в том виде, в каком этот подход выполняется в системе Росстата);
- 3) природа исследуемых в социологии закономерностей допускает менее жесткие требования к точности материалов несплошного наблюдения, чем в статистическом обследовании;
- 4) в социологии преобладают оценочные характеристики, которые зачастую не имеют количественной меры, и эта неопределенность усиливается за счет субъективизма индивидуальных мнений-оценок. Следовательно, нет жесткого требования добиваться высокоточных схем формирования выборки для минимизации ошибок репрезентативности.

Опрос населения проводится по стандартизированному бланку анкеты с готовыми вопросами и вариантами ответов. В анкете 16 вопросов, 12 из которых закрытые. Открытые вопросы дают возможность свободного самовыражения на заданную тему, что имеет свои преимущества (сведения существенно полнее, ярче) и недостатки (трудность обработки данных). Закрытые вопросы позволяют однозначно интерпретировать ответ, сопоставлять данные в равных условиях. Комбинация разных вопросов в исследовании повышает обоснованность и полноту информации. Применение проективных вопросов позволяет выявить направленность интересов и мотивов деятельности. В отличие от прямых вопросов они позволяют получить более или менее искренние ответы [15].

Анкета содержит следующие основные учетные признаки, по которым собирается информация:

- а) оценка уровня развития социальной инфраструктуры села: удовлетворенность качеством школьного обучения, качеством работы учреждений культуры, уровнем организации физкультуры и спорта, уровнем медицинского обслуживания, перечисление объектов инфраструктуры (освещенность улиц, наличие дорог с твердым покрытием и др.);
- б) самооценка уровня удовлетворенности условиями жизни: намерения респондента относительно сохранения (смены) места жительства, о причинах потенциальной смены места жительства;

в) сведения о респонденте: пол, возраст, род занятий, уровень образования, место жительства (районный центр или не районный центр), отрасль экономики, должность (для работающих граждан).

Поскольку анкетирование проводится в сугубо научно-исследовательских целях, персональные данные респондентов, по которым их можно было бы идентифицировать, не должны фиксироваться. Анкеты должны быть полностью обезличены. Данное положение соответствует нормам Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ст. 3 части 1, 9). Обобщение собранных данных позволит получить сведения о самооценке опрошенного сельского населения условий жизни и субъективную оценку уровня развития сельской социальной инфраструктуры как в целом по выборке, так и в разрезе пола, возраста, места жительства (районный центр, не районный центр, удаленность от областного центра).

Третий, заключительный, этап статистико-социологического исследования – обработка и интерпретация полученных результатов, выявление особенностей социального развития сельских территорий региона в изменяющихся экономических условиях. Сведения, полученные в ходе анкетирования, позволят дополнить «картину», представленную официальной статистикой, собираемой территориальным органом Росстата. Практическая ценность результатов исследования состоит в возможности оценки эффективности социально-экономической политики, реализуемой в интересах сельского населения региона.

Таким образом, проведение статистико-социологического исследования позволит дать объективную оценку уровня социального развития сельских территорий региона. Анализ данных массовых наблюдений официальной статистики предоставит количественную оценку распределения благ и услуг социальной инфраструктуры между территориями или социально-демографическими группами. Социологический опрос сельского населения дополнит оценку социальной системы сельских территорий, выявит причины сложившихся закономерностей. Полученные результаты целесообразно использовать в прогнозировании и разработке стратегических направлений социально-экономического развития сельских территорий региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Оценка социального развития сельских территорий Оренбургской области в изменяющихся экономических условиях» (проект № 18-410-560001/18)

Список использованных источников

1. Устойчивое развитие сельских территорий: вопросы стратегии и тактики / Д.Н. Ивашов, Н.П. Андреева, М.С. Баутин и др. ; под общ. ред. М.С. Баутина. М. : Росинформагротех, 2004. 310 с.
2. Зинченко А.П. О развитии информационно-методологического обеспечения экономико-статистического анализа аграрного сектора экономики // Вопросы статистики. 2016. № 1. С. 9–12.
3. Пациорковский В.В. Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социс. 2007. №1. С. 55–60.
4. Бондаренко Л.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. №3. С. 76–82.
5. Корбут Л.С., Лаврухина Е.А., Платонова Л.С. Статистическое наблюдение за развитием сельских территорий: проблемы, методология, рекомендации : монография. М. : Энциклопедия российских деревень, 2011. 227 с.

6. Заводчиков Н.Д., Ларина Т.Н. Сельская территория как социально-экономическая подсистема, формирующая качество жизни населения // Институциональное развитие: экономика, управление, социальная сфера образование : материалы IV Междун. науч.-практ. конф. Омск, 2014. С. 216–221.
7. Кажанов О.А. Статистико-социологический метод в российских электоральных исследованиях начала XX века (на примере думских избирательных кампаний 1906–1912 годов) // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 127–143.
8. Крельберг Ю.М. Положение индивида в обществе: экономико-социологический подход // Прикладная эконометрика. 2007. № 1 (5). С. 75–100.
9. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М. : СИНТЭГ, 2007. 668 с.
10. Ларина Т.Н. Статистическое обеспечение управления качеством жизни населения сельских территорий : монография. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2012. 224 с.
11. Вайнер Э.Н., Кастюнин С.А. Краткий энциклопедический словарь: Адаптивная физическая культура. М. : Флинта, 2012. 144 с.
12. Социальное положение и уровень жизни населения Оренбургской области : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2017. 453 с.
13. Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.09.2018).
14. Васильева Э.К., Юзбашев М.М. Выборочный метод в социально-экономической статистике : учеб. пособие. М. : Финансы и статистика : ИНФРА-М, 2010. 256 с.
15. Спасенкова С.В. Методологические особенности социологического исследования современных этносоциальных процессов в регионе // Правовые механизмы формирования и функционирования гражданского общества в России : материалы VIII Междун. науч.-практ. конф. Оренбург, 2017. С. 390–392.

References

1. Ustojchivoe razvitie sel'skih territorij: voprosy strategii i taktiki / D.N. Ivashov, N.P. Andreeva, M.S. Bautin i dr. ; pod obshch. red. M.S. Bautina. M. : Rosinformagrotekh, 2004. 310 s.
2. Zinchenko A.P. O razvitii informacionno-metodologicheskogo obespecheniya ehkonomiko-statisticheskogo analiza agrarnogo sektora ehkonomiki // Voprosy statistiki. 2016. № 1. S. 9–12.
3. Paciorkovskij V.V. Sel'skaya Rossiya: problemy i perspektivy // Socis. 2007. №1. S. 55–60.
4. Bondarenko L.V. Razvitie sel'skih territorij Rossii: ocenki, mneniya, ozhidaniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. №3. S. 76–82.
5. Korbut L.S., Lavruhina E.A., Platonova L.S. Statisticheskoe nablyudenie za razvitiem sel'skih territorij: problemy, metodologiya, rekomendacii : monografiya. M. : EHnciklopediya rossijskih dereven', 2011. 227 s.
6. Zavodchikov N.D., Larina T.N. Sel'skaya territoriya kak social'no-ehkonomicheskaya pod-sistema, formiruyushchaya kachestvo zhizni naseleniya // Institucional'noe razvitie: ehkonomika, upravlenie, social'naya sfera obrazovanie : materialy IV Mezhdun. nauch.-prakt. konf. Omsk, 2014. S. 216–221.
7. Kazhanov O.A. Statistiko-sociologicheskij metod v rossijskih ehlektoral'nyh issledovaniyah nachala HKH veka (na primere dumskih izbiratel'nyh kampanij 1906–1912 godov) // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 2. S. 127–143.
8. Krel'berg YU.M. Polozhenie individa v obshchestve: ehkonomiko-sociologicheskij podhod // Prikladnaya ehkonometrika. 2007. № 1 (5). S. 75–100.
9. Novikov A.M., Novikov D.A. Metodologiya. M. : SINTEHG, 2007. 668 s.
10. Larina T.N. Statisticheskoe obespechenie upravleniya kachestvom zhizni naseleniya sel'skih territorij : monografiya. Orenburg : Izd. centr OGAU, 2012. 224 s.

11. Vajner E.H.N., Kastyunin S.A. Kratkij ehnciklopedicheskij slovar': Adaptivnaya fizi-cheskaya kul'tura. M. : Flinta, 2012. 144 s.
12. Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Orenburgskoj oblasti : stat. sb. / Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Orenburgskoj oblasti. Orenburg, 2017. 453 s.
13. Ob obshchih principah mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 6 oktyabrya 2003 g. №131-FZ [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 02.09.2018).
14. Vasil'eva E.H.K., YUzbashev M.M. Vyborochnyj metod v social'no-ehkonomicheskoy statistike : ucheb. posobie. M. : Finansy i statistika : INFRA-M, 2010. 256 s.
15. Spasenkova S.V. Metodologicheskie osobennosti sociologicheskogo issledovaniya so-vremennyh ehtnosocial'nyh processov v regione // Pravovye mekhanizmy formirovaniya i funkcionirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii : materialy VIII Mezhdun. nauch.-prakt. konf. Orenburg, 2017. S. 390–392.

УДК 340.13

Ф.Ф.Литвинович

Преемственность в праве и правоотношениях: вопросы методологии права

В статье преемственная связь в праве и преемственность в правоотношениях рассматриваются как составляющие метода права. Обосновывается, что преемственность связи позволяет выявить юридически значимые элементы фактических жизненных отношений и после индуктивного обобщения собранного материала, т. е. конкретных проявлений правовой действительности, выявляются те, которые могут иметь общественное значение, законодательно закрепляются, формализовано отражая нормы права в нормах законодательных актов. Делается вывод о том, что преемственная связь в праве выступает необходимым элементом методологии права, познания сущности права, изучения условий развития права в позитивном, историческом и политическом направлениях.

Ключевые слова и фразы: преемственность в праве; методология права; индуктивное обобщение; правоотношение; категория преемственности в праве.

F.F.Litvinovich

Continuity in Law and Legal Relations: Questions of Methodology of Law

The article considers the successive relationship in law and continuity in legal relations as components of the method of law. It is substantiated that successive connection allows to identify legally significant elements of actual life relations and, after inductively summarizing the collected ma-

Литвинович Франц Францевич, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), кандидат юридических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: lff55@yandex.ru

© Литвинович Ф.Ф., 2018

terial, i.e. specific manifestations of legal reality, those that may have social significance are identified, legislatively fixed, formally reflecting the rule of law in the norms of legislative acts. It is concluded that the successive relationship in law is an essential element of the methodology of law, knowledge of the essence of law, the study of the conditions for the development of law in a positive, historical and political areas.

Key words and phrases: continuity in law; law methodology; inductive generalization; legal relationship; category of continuity in law.

Разработка методов и принципов познания права, несомненно, является актуальной задачей науки теории права. Успешное разрешение этой задачи позволило бы выявить общие принципы формирования абстракций правовой науки и на этой методологической основе сформулировать специфические правила диалектического формирования правовых абстракций, выявить специфические закономерности и объективные связи в праве, присущие ему как единой целостной системе.

Соглашаясь с выводами В.А.Шабалина, который критикует авторов, сводящих методологию права только к анализу методов научного познания, предлагаем рассматривать ее как единую науку о методах, способах познания закономерностей права и, что не менее важное, использования в практической деятельности [1, с.14–18].

Между тем методология, как и всякая иная наука, нуждается в постоянном совершенствовании, обновлении, развитии [1, с. 17–18]. Методология права содержит определенную совокупность знаний о методах изучения права, которая носит конкретно-исторический характер и находится в постоянном развитии, совершенствовании, дополняет несовершенные и неполные представления о методах познания права новыми, более точными и более полными знаниями [2, с. 362].

И в этой связи несколько по-иному представляется место категории преемственной связи в методологии права. Понимая преемственную связь как непрерывный процесс обращения к опыту, принимая во внимание, что принципиально не может быть «абсолютно точного» снятия юридических характеристик общественных отношений, мы приходим к выводу о непрерывности, бесконечности и нелинейности процесса восхождения от конкретного к абстрактному в праве и, одновременно, о необходимости соотнесения выстроенной системы индуктивных обобщений (юридических категорий, правовых норм, юридических конструкций и институтов) – с конкретно-историческими условиями их формирования, существования и проявления, с целью постижения законов развития права (метод восхождения от абстрактного к конкретному).

По нашему мнению, в системе методов познания права преемственная связь выступает как составная часть индуктивного метода, способа неоднократного «снятия» общественно значимых юридических характеристик, складывающихся в конкретных исторических условиях общественных отношений, их непрерывного анализа и синтеза на основе абстрактных обобщений в юридические понятия.

Сущность права как правового целого формируется в юридических абстракциях, а преемственности в праве, как неотъемлемой части индуктивного метода, в «механизме» образования этих абстракций принадлежит важнейшая роль. Вначале отдельные части единого правового целого выступают предметом специального изучения, такой первичной частью единого правового целого является правоотношение, а точнее, его юридически значимые свойства и характеристики. Далее осуществляется синтез общих юридических признаков, свойств и черт этого общест-

венного отношения, которые сложились на протяжении достаточно длительного периода времени путем их многократного и единообразного повторения, которые преимущественно повторялись в бесконечном процессе человеческой деятельности. Проявление преемственности в элементах правоотношений (субъектах, объектах и содержании) выступает эмпирической базой для последующего анализа и синтеза их юридических признаков, имеющих общественное значение, в юридические абстракции методом восхождения от конкретного к абстрактному. В сформулированной юридической абстракции определенным образом синтезируются отдельные составляющие единого правового целого, тем самым юридическая абстракция воссоздает внутреннюю целостность права, без которой оно бы распалось на несвязанные друг с другом фрагменты.

Подобно тому, как всякое единое правовое целое не сводится к простой сумме его частей (норм права, институтов права и т. д.), так и синтезируемая юридическая абстракция не является итогом простого объединения общих черт, свойств и признаков «снятых» с типовых многократно повторяющихся правоотношений, в противном случае синтезированная юридическая абстракция была бы бессодержательной и пустой, лишь формальным отражением внешнего восприятия. «Можно, например, в различных исторических правовых системах обнаружить множество общих черт свойств, признаков. Но такого рода познание различных правовых систем исторических типов остается на уровне представлений, не вскрывает сущности, закономерности их развития, ибо общее в правовых системах отнюдь не всегда идентифицируется с их существенными особенностями» [3, с. 96].

Сущность права как правового целого, сформированная в юридических абстракциях методом линейной временной преемственной связи – бессодержательна, не вскрывает внутренние связи, единства и общности составных частей и не позволяет обеспечить возможность обнаружения объективных закономерностей, «управляющих» правовым развитием.

Историко-философский процесс по Гегелю придерживался несколько упрощенной линейной схемы преемственной связи, которую в свое время подверг справедливой критике Л.Фейербах. «Формой гегелевской интуиции, как и его метода, служит исключительно время, причем здесь пространство с его терпимостью не допускается вовсе, система Гегеля знает только подчинение и преемственность, не ведая ни координации, ни сосуществования. Правда, последней ступенью развития всегда оказывается целостность, которая вбирает другие ступени в себя, но так как она сама есть определенное явление во времени и поэтому носит характер чего-то обособленного, то она не может включить в себя других образований без того, чтобы не высосать из них мозг самостоятельной жизни. Здесь особому историческому явлению приписывается в качестве предиката полнота, безусловность, так что ступени развития в качестве самостоятельных явлений имеют лишь исторический смысл, продолжают же они жить только как тени, как моменты, как гомеопатические крупички в ступени абсолюта» [4, с. 54].

Здесь же Фейербах отмечает, что в действительности «значение ступеней развития... не только историческое» [4, с. 55].

Не отбрасывая генетическую связь ступеней развития, он истолковывает ее гораздо шире, чем Гегель, учитывая аспекты пространства, координации, сосуществования. Последующая ступень развития вырастает из предыдущих и поэтому вбирает их

в себя, «снимает». Но так как она сама «есть определенное явление во времени» и поэтому носит «характер чего-то обособленного», то она вбирает в себя предыдущие ступени не полностью, а частично. Последние при этом не исчезают, не теряют своей самоценности, они не только входят в последующую ступень, но и сосуществуют с ней. Временное отношение ступеней развития дополняется пространственным.

Последующая ступень в свою очередь оказывается предыдущей. Вместе с ней в ходе дальнейшего развития «снимается» и часть того содержания, которое осталось не «снятым» во всех предыдущих ступенях. Пространственное сосуществование сменяется новым временным включением. В таком контексте понятие преемственности в праве как категориального оборота закона отрицания отрицания находит действительную диалектическую конкретизацию. Понятие нового, синтеза получает свое логическое представительство в индивиде (субъекте) преемственности как наследнике и преемнике всякого процесса саморазвития и в то же время носителе потенциалов бесконечности этого процесса.

Следуя логике рассуждений Л.Фейербаха, можно уточнить, что преемственная связь в праве как таковая может реализовываться лишь в отношении настоящего к прошлому не абсолютного, а относительного «снятия», предполагающего бесконечное возвращение субъекта деятельности к прошлому в свете новых задач, которые ставит перед ним современность. Преемственная связь реализует себя не в одноактном отрицании прошлого, сохраняя какие-либо его черты и свойства, а в многоактном отрицании и «снятии», где только и может обнаружиться соотношение непреходящего и преходящего в развитии, соотношение времени и вечности, когда вечное всякий раз проявляется как конкретно-всеобщее (Фейербах), а не абсолютно-всеобщее (Гегель), вбирающее в себя те непреходящие формы и ценности человеческого бытия, без которых оно невозможно.

Таким образом, преемственность в праве, характеризуя имманентную способность развивающейся правовой системы к самосохранению своей внутренней основы, проявляясь во временном отношении ступеней развития права, дополняется пространственными (территориальными) ступенями развития и может реализовываться лишь в отношении настоящего к прошлому не абсолютного, а относительного «снятия», предполагающего бесконечное (неоднократное) возвращение субъекта деятельности к прошлому. Следовательно, преемственность в праве, как объективно существующая связь между ступенями развития права, необходимо рассматривать как связь многомерную, существующую одновременно в нескольких плоскостях бытия и, что не оспаривается исследователями права – во времени и в пространстве. «Вместе с этим осознание права зависит и от субъекта. Как таковое оно наделяется чертами, выражающими духовное состояние человека (нравственные принципы, мировоззренческая позиция человека, идеалы, уровень образования и т. п.) и его реальное положение в структуре общественных связей. Подобная зависимость объясняет многообразие и различие в сознательном отношении людей к правовой действительности. Однако в этом много- и разнообразии имеются и некие общие начала, которые свойственны любым формам проявления этой действительности. Подобные начала проистекают из того, что освоение людьми права представляет собой процесс, в котором самым непосредственным образом задействовано сознание человека» [3, с. 127].

Логическое познание права от анализа к синтезу, от явления к сущности, от конкретного к абстрактному начинается с опытно-чувственного восприятия субъек-

та преемственности, которое опирается в том числе и на его собственный опыт познавательной деятельности. Опыт познавательной деятельности субъекта преемственности – еще одна «плоскость» проявления многомерности преемственной связи, опытно-чувственное восприятие субъекта преемственности всегда опирается на предшествующую ступень процесса познания права, без творческой, но всегда индивидуально-субъективной опоры, на которую невозможно представить плодотворную мыслительную деятельность.

Классическим примером проявления преемственности в праве выступает рецепция римского частного права в правовые системы стран континентальной Европы, в том числе и России. Рецепция (лат. *receptio*) означает заимствование или воспроизведение какой-либо национальной правовой системой принципов, институтов, основных черт другой национальной системы права, одно из проявлений преемственности в праве. Такое одномерное понимание рецепции упускает пространственное, территориальное заимствование элементов правовой системы у соседнего государства на основе пространственного сосуществования и полностью игнорирует осознание заимствуемого и воспроизводимого права субъектом преемственности с учетом собственного опыта.

Как уже отмечалось, логическое познание права берет свое начало с опытно-чувственного восприятия субъекта преемственности, который опирается и на собственный опыт познавательной деятельности от анализа к синтезу, от явления к сущности, от конкретного к абстрактному, реализуя во всей многомерности преемственную связь как способ познания права. Рецепцию права, по нашему мнению, следует рассматривать в том числе и как составную часть многомерной преемственной связи в праве, выступающей одним из способов познания правовой действительности.

Как справедливо отмечает Е.А.Суханов: «На институтах римского частного права воспитывались и будут воспитываться многие поколения российских юристов. Безупречная логика и стройность юридических конструкций, их практическая направленность и совершенствование по мере развития соответствующих жизненных отношений являют собой образец юридической культуры, который еще очень долгое время будет использоваться при подготовке юристов в российских университетах» [5, с.16–17]. Вместе с этим следует обратить внимание на методологическую составляющую, несомненно присутствующую в феномене преемственности римского частного права.

Не подвергая ни малейшему сомнению глубокое влияние институтов римского частного права на юридические конструкции и институты современных правовых систем, мы, тем не менее, неизбежно обнаружим и пределы этого влияния, связанные с глубокими отличиями в развитии современного общества и уровня развития римского государства. Римское право развивалось как система исков по судебной защите прав. Если в современных государствах права и обязанности лица выводились из абстрактной нормы закона и только наличие этой нормы (по общему правилу) давало право на судебную защиту, то в римском праве «характерна иная формула: «я имею право, так как мне предоставлен иск» [6, с. 9]. Претор (и иные магистраты) определяли в порядке осуществления своей высшей административной власти, какие притязания получают защиту со стороны государства, в каких случаях дается иск, не справляясь с тем, имеется ли норма закона или обычая, обосновывающая данное притязание.

И вместе с этим нужна была постоянная разработка вопроса о том, какие отдельные правила эдикта прежнего претора уже устарели или являются нецелесообразными и какие новые правила нужно внести в эдикт, издаваемый новым претором [6, с. 8]. Таким образом, «римского юриста интересовало данное конкретное дело, но на основании анализа множества конкретных дел выявлялись принципы права» [6, с. 8].

«Если обнаруживался пробел в праве, то римский юрист не боялся сформулировать новое начало... и без отмены последнего... И жизнь начинала течь по новому руслу, хотя старое русло не засыпалось...» [6, с. 9–10]. Таков римский юридический метод творения права собственными силами, метод неоднократного обращения к юридическому отражению складывающихся общественных жизненных отношений, «снятию» этих отражений, по ряду причин – не всегда полных, точных и четких, индуктивному их обобщению и системному структурированию на их основе юридических понятий и категорий. Соотнесение структурированных понятий и категорий с конкретными историческими условиями их применения позволяет в дальнейшем объективно существующую между ними преемственную связь использовать как один из способов постижения законов развития права (составную часть метода восхождения от абстрактного к конкретному).

Преемственная связь, как необходимая составная часть индуктивного метода, позволяет органически соединить исследование генетических связей и зависимостей компонентов правовой системы и ее исторического развития. Преемственная связь в праве обеспечивает органическое единство исторического и логического, исключает разрыв между историей и теорией права. «По мере обогащения знаний о конкретно-историческом развитии права элементарное первичное представление становится все более сложным, наполненным все более многочисленными связями и отношениями, характеризующими его сущность. Отсюда следует, что единство исторического и логического методов следует понимать не в виде их простого сложения или суммы, а как их связь, взаимодействие и проникновение» [3, с. 87]. Прогноз развития права невозможен без знания его прошлого и настоящего, а познание прошлого, настоящего и будущего права станет успешнее, если будет опираться на единство исторического и логического методов и объективно существующую преемственную связь между ними.

Таким образом, преемственность в праве, являясь одним из свойств права [7, с. 32–33], обеспечивающих его способность к самосохранению как системы, как свойство, обеспечивающее относительную стабильность и устойчивость и, в то же время, сообщающее в качестве внутренней детерминанты импульс для изменения системы права, тем самым, объединяя в себе способность к самосохранению и самоизменению развивающейся системы права в целом [8, с. 27–29].

Не вторгаясь в дискуссию относительно различных классификаций методов науки правоведения, предложенных уважаемыми учеными [9], попытаемся определить роль и место преемственности в праве в иерархии методов познания права.

Так, среди общелогических методов познания, выступающих инструментарием общей теории права, анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и обобщение, несомненно, занимают особое место, а преемственная связь в праве проявляется вначале в форме неоднократного повторения в элементах правоотношений (субъектах, объектах и содержании), что само по себе выступает эмпириче-

ской базой для последующего анализа и синтеза их юридических признаков, имеющих общественное значение, формализуется в юридические абстракции методом восхождения от конкретного к абстрактному. Сформулированные юридической абстракцией определенным образом синтезируются в отдельные составляющие единого правового целого. Преемственность в праве, как неоднократное обращение к сложившейся форме конкретных правоотношений, выступает своего рода проявлением, составной частью соответствующих общелогических методов, без учета которой вышеуказанные методы познания права будут не эффективны, а их воздействие на право в целом будет страдать субъективизмом и непоследовательностью.

Диалектический метод научного познания права проявляет роль и место преемственности в праве в противоречивом развитии системы права, эволюция которой невозможна без непрерывного процесса «снятий» сложившихся конкретных юридических форм правоотношений и правовых институтов, их логического и сравнительного анализа, абстрагирования, формализации и применения в новых исторических условиях.

Таким образом, преемственность в праве выступает составной частью, проявлением воздействия общенаучных и общелогических методов на непрерывно развивающуюся систему права. Познание права, как и его развитие, без научно обоснованного, методологически выверенного учета преемственности в праве будет страдать субъективизмом, подвержено различного рода случайным проявлениям, не принимающим во внимание объективной закономерности, а именно непрерывного воздействия и проявления преемственной связи в праве на развитие всех его институтов.

Список использованных источников

1. Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972. 482 с.
2. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1. Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юридический дом «Юстицинформ», 2001. 542 с.
3. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, предмет философии права. 2-е изд. М. : Аванта+, 2001. 496 с.
4. Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1967. Т. 1. 368 с.
5. Суханов Е.А., Кофанов Л.Л. Влияние римского права на новый Гражданский кодекс РФ // Древнее право. 1999. № 1. С.16–17.
6. Римское частное право : учебник / под ред. проф. И.Б.Новицкого и проф. И.С.Перетерского. М. : Юриспруденция, 1999. 394 с.
7. Самигуллин В.К. Гуманистическое право. Уфа, 2018. 224 с.
8. Литвинович Ф.Ф. Преемственность в праве. Вопросы теории. Уфа : Восточный университет, 2003. 84 с.
9. Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 1. Теория государства. М. : Зерцало, 1998. 468 с.

References

1. SHabalin V.A. Metodologicheskie voprosy pravovedeniya. Saratov, 1972. 482 s.
2. Syryh V.M. Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava : v 2 t. T. 1. EHlementnyj sostav. 2-e izd., ispr. i dop. M. : YUridicheskij dom «YUsticininform», 2001. 542 s.
3. Kerimov D.A. Metodologiya prava. Predmet, funkicii, predmet filosofii prava. 2-e izd. M. : Avanta+, 2001. 496 s.
4. Fejerbah L. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. M., 1967. T. 1. 368 s.

5. Suhanov E.A., Kofanov L.L. Vliyanie rimskogo prava na novyj Grazhdanskij kodeks RF // Drevnee pravo. 1999. № 1. S.16–17.
6. Rimskoe chastnoe pravo : uchebnik / pod red. prof. I.B.Novickogo i prof. I.S.Pereterskogo. M. : YUrisprudenciya, 1999. 394 s.
7. Samigullin V.K. Gumanisticheskoe pravo. Ufa, 2018. 224 s.
8. Litvinovich F.F. Preemstvennost' v prave. Voprosy teorii. Ufa : Vostochnyj universitet, 2003. 84 s.
9. Obschchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs : v 2 t. / pod red. M.N. Marchenko. T. 1. Teoriya gosudarstva. M., 1998. 468 s.

УДК 343.6(470)

Т.Н.Нуркаева

Специальные составы преступлений и их место в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье делается вывод, что в настоящее время специальные составы преступлений, направленные на охрану жизни, здоровья, чести и достоинства отдельной категории лиц в зависимости от их ведомственной принадлежности, находятся в разных разделах и главах Особенной части УК РФ. Автор предлагает пересмотреть место нахождения данных составов преступлений в системе Особенной части УК РФ с учетом концептуального положения о приоритетной охране прав и свобод человека, закрепленного в ст. 2 УК РФ.

Ключевые слова и фразы: уголовный закон; специальные составы преступлений; охрана жизни, здоровья, чести и достоинства государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа; концептуальное положение о приоритетной охране прав и свобод человека.

T.N.Nurkaeva

Special Offenses and their Place in the System of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation

The article concludes that, at present, special elements of crimes aimed at protecting the life, health, honor and dignity of a particular category of people, depending on their departmental affiliation, are in different sections and chapters of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The author proposes to revise the location of these elements of crimes in the system of the Special Part of the Criminal Code, taking into account the conceptual provision on the priority protection of human rights and freedoms, enshrined in Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words and phrases: criminal law; special offenses; protection of life, health, honor and dignity of a state or public figure, a person administering justice or preliminary investigation, a law enforcement officer; conceptual provision on the priority protection of human rights and freedoms.

Нуркаева Татьяна Николаевна, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: NurkaevaTN@yandex.ru

© Нуркаева Т.Н., 2018

Уголовный закон сегодня изобилует специальными составами преступлений. За последние годы в Особенную часть УК РФ введено немало специальных составов преступлений (например, в сфере мошенничества, террористической деятельности). Закономерно возникает вопрос: насколько это оправдано? С одной стороны, понятно стремление государства взять под жесткий контроль эти опасные социальные явления. Можно предположить, что вновь введенные составы преступлений, к примеру, в сфере террористической деятельности, должны выступать сдерживающим фактором, препятствующим совершению преступлений террористической направленности, то есть выполнять превентивную роль. С другой стороны, изучение этих норм свидетельствует, что они весьма несовершенны, а сами законы, содержащие эти нормы, принимаются порой поспешно, непродуманно.

К примеру, в уголовном законе немало составов преступлений сконструированы по типу усеченных, то есть момент их окончания связан со стадией приготовления к преступлению. Однако какими бы общественно опасными ни были действия на стадии приготовления, они не могут наказываться строже, чем окончательное совершение преступления, к которому лицо предварительно готовилось. Сегодня же мы наблюдаем отступление законодателя от этого принципиального подхода.

Так, прохождение обучения в целях совершения захвата заложников (а это есть не что иное, как стадия приготовления к совершению преступления) наказывается вплоть до пожизненного лишения свободы (ст. 205³ УК РФ), в то время как реальное совершение захвата заложников, сопровождаемого применением насилия, опасного для жизни или здоровья, предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет (ч. 2 ст. 206 УК РФ).

Кроме того, в литературе справедливо подмечено, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 205³ УК РФ, является только лицо, проходившее обучение в целях осуществления террористической деятельности. Явным пробелом в законе следует считать отсутствие указания на ответственность лиц, осуществляющих обучение будущих террористов, то есть инструкторов, под непосредственным руководством которых будущие террористы получают соответствующие знания и умения [1, с. 222]. Не соответствует это и ст. 7 Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» от 16 мая 2005 г. (ратифицирована Федеральным законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ, с изм. от 22 октября 2015 г.), которая предлагает странам-участницам криминализировать действия по подготовке террористов, то есть установить уголовную ответственность лиц, обеспечивающих и осуществляющих обучение будущих террористов.

Эти и другие моменты свидетельствуют о необходимости доработки рассматриваемой нормы и приведение ее в соответствие с фундаментальными положениями теории уголовного права.

Особое внимание хотелось бы уделить специальным составам посягательства на жизнь и здоровье государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа.

Конституция России 1993 г. провозгласила высшей ценностью человека, его права и свободы, возложив на государство обязанность по охране и защите этих прав и свобод. Перечень основных прав и свобод человека дается в главе 2 Консти-

туции России. Охрана и защита этих прав и свобод осуществляется различными правовыми средствами. Уголовный закон следует рассматривать лишь как один из правовых способов защиты конституционных прав и свобод человека, являющийся способом наиболее жесткого государственного реагирования на факты совершения преступления и осуществляющийся с помощью мер уголовно-правового воздействия как принудительного, так и поощрительного (стимулирующего) характера.

В развитие этого важного конституционного положения УК РФ 1996 г. изменил подходы к оценке охраняемых ценностей, поставив на первое место среди задач уголовного закона – охрану прав и свобод человека и гражданина (ч.1 ст. 2 УК РФ). Тем самым провозглашено концептуальное положение о приоритетной охране прав и свобод человека и гражданина. В первую очередь, речь идет о защите интересов, прав и свобод законопослушных граждан, потерпевших от преступлений, среди которых наиболее важное место занимает жизнь человека.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. предусматривает ряд составов умышленных преступлений, основным или дополнительным непосредственным объектом которых является жизнь человека. Кроме убийств, предусмотренных в разделе «Преступления против личности» статьями 105–108 УК РФ, к их числу относятся специальные составы преступлений, предусмотренные статьями других разделов и глав УК РФ: 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля); 295 (Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование); 317 (Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа).

Это так называемые двуобъектные составы преступлений. Дополнительным непосредственным объектом в этих составах является жизнь государственного или общественного деятеля либо сотрудника правоохранительных органов, либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. Основным непосредственным объектом, определяющим место каждой из этих норм в системе Особенной части Уголовного кодекса, соответственно, являются основы конституционного строя и безопасности государства, интересы правосудия, порядок управления. Именно основной объект посягательства определяет сегодня место каждой из этих норм в системе Особенной части Уголовного кодекса.

Между тем такая позиция законодателя представляется нам не бесспорной. Думается, что это отголоски прежнего подхода к оценке системы ценностей, охраняемых уголовным законом. Очевидно, что интересы органов власти и управления (если это, конечно, не касается безопасности государства в целом) не могут быть выше по своей значимости жизни лица, принадлежащего по роду своей деятельности к той или иной системе органов власти и управления. Жизнь данного лица и должна рассматриваться в качестве основного объекта, определяющего место этой нормы в системе Особенной части УК РФ [2, с. 52–53].

Сходная мысль ранее была высказана А.Н.Красиковым. По его мнению, когда «страдают в двуобъектных преступлениях права и свободы человека, признанные Конституцией РФ высшей ценностью, то вряд ли корректно называть их дополнительным объектом» [3, с. 25].

Прежний УК РСФСР 1960 г. содержал достаточно большое число специальных составов преступлений, направленных на охрану жизни и здоровья отдельных категорий лиц в зависимости от их ведомственной принадлежности. Это такие со-

ставы, как: сопротивление представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка (ст. 191); сопротивление работнику милиции или народному дружиннику (ст. 191¹); посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника (ст. 191²); воспрепятствование служебной деятельности прокурора, следователя или лица, производящего дознание (ст. 191³) и др. В этой связи ранее в литературе высказывались предложения сократить необоснованно раздутое количество подобных составов преступлений и свести их к одной-двум специальным нормам, предусматривающим ответственность за посягательство на представителя власти вообще [4, с. 341].

Развивая эту мысль, предлагаем полностью отказаться от тех специальных составов преступлений, дополнительным непосредственным объектом которых выступает жизнь. Эти ценности следует законодательно определить в качестве основных непосредственных объектов посягательств в рамках раздела VII УК РФ (Преступления против личности), что вполне соответствует концептуальному положению о приоритетной охране человека, его прав и свобод, закреплённому в ст. 2 УК РФ.

К примеру, ст. 105 УК (Убийство) целесообразно дополнить частью третьей, предусматривающей ответственность за убийство, совершенное при особо квалифицирующих обстоятельствах: «Убийство либо покушение на убийство государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, – наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. В данном случае под уголовно-правовую охрану ставится жизнь лиц, осуществляющих не любую служебную деятельность (что охватывается п. «б» ч. 2 ст. 105 УК), а лиц, выполняющих служебную деятельность особого рода, стоящих на страже интересов правосудия, общественного порядка и безопасности государства в целом. Соответственно, составы преступлений, предусмотренных статьями 277, 295, 317 из Уголовного закона рекомендуется исключить.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то, к примеру, по УК Франции 1992 г. убийство судьи, присяжного заседателя, адвоката, нотариуса, должностного лица системы правосудия или любого другого лица, обладающего государственной властью, или лица, выполняющего обязанности по государственной службе, при исполнении или в связи с исполнением ими таких функций или обязанностей, если это положение потерпевшего очевидно или известно исполнителю, отнесено к убийству при отягчающих обстоятельствах и наказывается пожизненным заключением (ст. 221-4) [5].

Аналогичный подход имеет место в УК Республики Болгарии 1968 г. (в ред. 26.04.2011). В соответствии с ч. 2 ст. 116 главы второй (Преступления против лица) УК этой страны «за убийство судьи, прокурора, следователя или лица из состава Министерства внутренних дел при исполнении или в связи с исполнением ими служебных обязанностей или функций предусматривается наказание в виде лишения свободы от двадцати до тридцати лет, пожизненное заключение или пожизненное заключение без замены» [6].

Не менее важной ценностью, охраняемой уголовным законом, является здоровье человека. Уголовный закон содержит немало составов преступлений, специ-

ально направленных на охрану здоровья человека. Это в первую очередь нормы, предусмотренные главой 16 (Преступления против жизни и здоровья). Но в УК РФ имеются и специальные составы умышленных преступлений, непосредственным дополнительным объектом которых выступает здоровье определенной категории лиц. К таковым можно отнести ст. 296 (Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования), ст. 318 (Применение насилия в отношении представителя власти) УК РФ.

Основным непосредственным объектом, определяющим место каждой из этих норм в системе Особенной части УК РФ, являются интересы правосудия и порядок управления, соответственно, здоровье представителя власти либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, выступает дополнительным непосредственным объектом указанных составов преступлений. Однако следуя указанному выше концептуальному положению, все должно быть как раз наоборот.

Некоторые вопросы возникают относительно законодательной регламентации ст. 296 УК РФ. Дело в том, что в ч.ч. 1 и 2 данной статьи речь идет об угрозе убийством либо причинением вреда здоровью в зависимости от того, кто является потерпевшим. Если указанные действия совершаются в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких, то они охватывается ч. 1 ст. 296 УК РФ, если же эти действия совершаются в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, то применяется ч. 2 ст. 296 УК РФ.

Соответственно, ч.ч. 3 и 4 рассматриваемой статьи содержат квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки деяний, указанных в ч.ч. 1 и 2. В качестве таковых выступает насилие, не опасное для жизни и здоровья (ч. 3 ст. 296 УК), и насилие, опасное для жизни или здоровья (ч. 4 ст. 296 УК).

Однако с таким подходом законодателя согласиться трудно. Угроза есть одна из форм выражения психического насилия; она представляет собой объективированное во вне намерение лица причинить вред другому человеку, утратить его [7, с. 243].

Если угроза сопровождается применением реального насилия к потерпевшему, то точнее было бы говорить не об обстоятельстве, повышающем общественную опасность угрозы, а о том, что угроза перерастает в самостоятельное преступление, которое выражается в реальном применении физического насилия. Собственно говоря, законодатель уже в самом названии ст. 296 (Угроза или насильственные действия...) разграничивает эти понятия. Поэтому считаем целесообразным предусмотреть ответственность за эти деяния в самостоятельных статьях уголовного закона. В частности, ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в отношении государственного или общественного деятеля, сотрудника правоохранительных органов либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, предлагаем предусмотреть в рамках ст. 119 (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) УК РФ, дополнив ее ч. 3 следующего содержания: «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в отношении государственного или общественного деятеля, сотрудника правоохранительного органа, а также судьи, прокурора, следователя, лица, произ-

водящего дознание, иных участников уголовного процесса или их близких в связи с производством предварительного расследования или рассмотрением дел или материалов в суде, исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц, – наказывается... (преступление небольшой тяжести)».

Применение насилия в отношении указанных лиц реально повышает степень общественной опасности содеянного и в зависимости от характера этих действий и наступивших последствий может быть предусмотрено в ст. ст. 111–112, 115 УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства.

К примеру, ст. 111 УК РФ целесообразно дополнить ч. 2¹ следующего содержания: «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью государственному или общественному деятелю, сотруднику правоохранительного органа, а также судье, прокурору, следователю, лицу, производящему дознание, иным участникам уголовного процесса или их близким в связи с производством предварительного расследования или рассмотрением дел или материалов в суде, исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, – наказывается... (тяжкое преступление)». Аналогичные изменения целесообразно внести и в ст. ст. 112; 115 УК РФ.

В этом случае составы преступлений, предусмотренных статьями 296 и 318, из Уголовного кодекса следует исключить.

К другим ценностям, охраняемым уголовным законом, относятся честь и достоинство человека. До недавнего времени (а именно до Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) уголовный закон предусматривал ряд составов преступлений, непосредственным объектом которых выступали честь, достоинство и репутация человека. К их числу относились общие составы: клевета (ст. 129) и оскорбление (ст. 130), а также специальные составы: неуважение к суду (ст. 297); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298); оскорбление представителя власти (ст. 319); оскорбление военнослужащего (ст. 336). Однако вышеназванным Федеральным законом уголовная ответственность за клевету (ст. 129) и оскорбление (ст. 130) была исключена. Этим же законом была исключена уголовная ответственность и за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298). Правда такая ситуация просуществовала недолго. Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ в уголовный закон вновь введены составы клеветы (ст. 128¹) и клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298¹).

Полагаем, что такую ситуацию нельзя признать нормальной. Она свидетельствует о бессистемном, непродуманном шараханье законодателя из одной крайности в другую, порождает у граждан правовой нигилизм.

Кроме того, открытым остается вопрос: почему уголовная ответственность за клевету восстановлена, а за оскорбление – нет? Нельзя согласиться с законодателем и в другом вопросе. Почему законодатель счел возможным сохранить уголовную ответственность за специальные составы: оскорбление судьи и других участников

судебного разбирательства (ст. 297), оскорбление представителя власти (ст. 319), оскорбление военнослужащего (ст. 336), а за оскорбление простого гражданина уголовная ответственность исключена? Тем самым, на наш взгляд, грубейшим образом нарушаются принципы уголовного права, прежде всего, принцип равенства и принцип справедливости. Нарушаются и международные стандарты в области прав человека, ибо в соответствии с ними все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве. Сейчас же получается, что если человек представляет интересы органов власти или управления, то его честь и достоинство защищены уголовным законом, а если нет, то таких людей можно оскорблять безнаказанно сколько угодно. Считаем такое положение недопустимым.

Несоизмеримыми являются и санкции: сегодня согласно ст. 5.61 КоАП РФ оскорбление наказывается штрафом от 1 тыс. до 3 тыс. рублей, в то время как по ст. 130 УК РФ за оскорбление предусматривалось наказание в виде исправительных работ до 6-ти месяцев или штрафа до 40 тыс. рублей. В связи с этим полагаем, что состав оскорбления должен найти свое прежнее место в системе преступлений против личности.

Однако вопрос состоит не только в этом. Получается, что законодатель исключил общий состав оскорбления, а специальные составы преступлений против чести и достоинства оставил, причем «разбросал» их по разным разделам и главам Особенной части УК в соответствии с основными непосредственными объектами посягательства, которыми принято считать интересы в сферах правосудия, порядка управления, военной службы.

Думается, что сегодня, когда российское законодательство, в том числе и уголовное, ориентировано на защиту интересов личности, ее прав и свобод, подход законодателя к охране этих ценностей должен быть иным. Как правильно отмечается в литературе, «ущерб авторитету либо нормальной деятельности органов внутренних дел может быть причинен только опосредованно – путем отрицательного воздействия на честь и достоинство их сотрудников в связи с выполнением ими своих должностных обязанностей. Следовательно, прежде всего, вред причиняется личным интересам сотрудника как представителя органов власти, а уже во вторую очередь, правильной деятельности самих органов либо их авторитету» [8, с. 13].

С учетом сказанного, все специальные составы преступлений против чести и достоинства отдельных категорий должностных лиц целесообразно предусмотреть в одной главе «Преступления против свободы, чести и достоинства».

Предлагаем ст. 128¹ УК РФ (Клевета) дополнить частью 4 следующего содержания: «Клевета в отношении представителя власти в связи с осуществлением им своей служебной деятельности, в том числе в отношении судьи, присяжного заседателя, иного лица, участвующего в отправлении правосудия в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, – наказывается...». Соответственно, статью 298¹ из Уголовного кодекса РФ следует исключить.

Кроме того, целесообразно вернуть состав оскорбления в УК РФ (ст. 128²) и дополнить ее частью 3, предусматривающей особо квалифицирующее обстоятельство оскорбления: «Оскорбление представителя власти при исполнении им своих служебных обязанностей или в связи с их исполнением, в том числе судьи, присяжного заседателя, иного лица, участвующего в отправлении правосудия в связи с рас-

смотрением дел или материалов в суде, – наказывается...». Соответственно, статьи 297 и 319 предлагаем исключить из Уголовного кодекса РФ.

Определенный опыт имеется и в зарубежном уголовном законодательстве. Так, Уголовный кодекс Болгарии 1968 г. (в ред. 26.04.2011 г.) в главе 2 (Преступления против лица) выделяет самостоятельный раздел 2 (Телесные повреждения). Статья 131 данного раздела содержит перечень квалифицированных видов причинения телесных повреждений, наказание за которые зависит от степени тяжести этих повреждений. В случае причинения судье, обвинителю большого телесного повреждения наказание устанавливается от 5 до 15 лет заключения; в случае причинения среднего телесного повреждения – от 3 до 10 лет заключения; а в случае причинения тривиального телесного повреждения – до 5 лет заключения [6].

Список использованных источников

1. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части : монография / отв. ред. А.И. Рарог. М. : Проспект, 2017. 384 с.
2. Нуркаева Т.Н. Преступления против личности: проблемы квалификации и совершенствования законодательства : монография. Уфа : УЮИ МВД России, 2015. 208 с.
3. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Саратов, 2000. 232 с.
4. Новое уголовное право России. Особенная часть : учебное пособие. М. : Зерцало : ТЕЙС, 1996. 392 с.
5. Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993. 212 с.
6. Уголовный кодекс Болгарии. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2001/11/ugolovnyj-kodeks-bolgarii/> (дата обращения: 08.09.2018).
7. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 320 с.
8. Матросова М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1997. 26 с.

References

1. Kachestvo ugolovnogo zakona: problemy Osobennoj chasti : monografiya / otv. red. A.I. Rarog. M. : Prospekt, 2017. 384 s.
2. Nurkaeva T.N. Prestupleniya protiv lichnosti: problemy kvalifikacii i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva : monografiya. Ufa : UYUI MVD Rossii, 2015. 208 s.
3. Krasikov A.N. Ugolovno-pravovaya ohrana politicheskikh, grazhdanskih i inyh konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. Saratov, 2000. 232 s.
4. Novee ugolovnoe pravo Rossii. Osobenna chast' : uchebnoe posobie. M. : Zercalo : TEJS, 1996. 392 s.
5. Novyj Ugolovnyj kodeks Francii. M., 1993. 212 s.
6. Ugolovnyj kodeks Bolgarii. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2001/11/ugolovnyj-kodeks-bolgarii/> (data obrashcheniya: 08.09.2018).
7. Korobeev A.I. Prestupnye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka : monografiya. M. : YUrLitinform, 2012. 320 s.
8. Matrosova M.E. Zashchita chesti i dostoinstva sotrudnikov organov vnutrennih del: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : avtoref. dis... kand. yurid. nauk. M., 1997. 26 s.

УДК 37:614

З.И.Тюмасева, Г.В.Валеева

Технология консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья обучающихся

В статье рассматривается технология консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья обучающихся, которая включает шесть стадий: согласование ожиданий; анализ субъективной составляющей здоровья; психологическая работа с «Я-концепцией» и «жизненным сценарием» как системообразующими факторами образа жизни; определение и коррекция стиля взаимоотношений; прогнозирование и моделирование здорового образа жизни; моделирование обучающимися сценария здорового образа жизни. Раскрываются основные понятия: «субъективная составляющая здоровья», «консультирование по вопросам субъективной составляющей здоровья». Данные результаты исследования подтверждают, что авторскую технологию консультативной деятельности можно рассматривать как психотерапевтически ориентированную на обучение взаимодействию на основе возможностей и особенностей соматического и психического здоровья.

Ключевые слова и фразы: технология; консультативная деятельность; здоровье; субъективная составляющая; обучающиеся.

Z.I.Tyumaseva, G.V.Valeeva

Technology of Advisory Activities on the Subjective Component of Students' Health

The article deals with the technology of consulting activities on the subjective component of students' health, which includes six stages: coordination of expectations; analysis of the subjective component of health; psychological work with the "I-concept" and "life scenario" as the system-forming lifestyle factors; definition and correction of relationship style; predicting and modeling healthy lifestyle; modeling healthy lifestyle scenario by students. The basic concepts of "subjective component of health" and "consultation on issues of the subjective component of health" are considered. The research results confirm that the authors' technology of counseling activities can be viewed as psychotherapeutic-oriented interaction learning based on the capabilities and characteristics of somatic and mental health.

Key words and phrases: technology, advisory activities, health, subjective component, students.

Современное образование не успевает отвечать на вызовы времени и поэтому нуждается в постоянном обновлении и совершенствовании. Непрерывная интенсификация

Тюмасева Зоя Ивановна, заведующая кафедрой безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Высшей школы физической культуры и спорта Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, г. Челябинск; конт. инф.: zit@csru.ru

Валеева Галина Валерьевна, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Высшей школы физической культуры и спорта Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат психологических наук, г. Челябинск; конт. инф.: valeevagv@csru.ru

© Тюмасева З.И., Валеева Г.В., 2018

фикация учебного процесса приводит многих обучающихся к стрессовому состоянию. Систематическое воздействие стресса способствует нарушению у них физического и психического здоровья.

Положительная и отрицательная взаимосвязь между образовательным процессом и уровнем здоровья учащихся и студентов привлекает особое внимание исследователей в силу актуальности данной проблемы.

Проблема здоровья, здоровьесбережения является многогранной, так как, по мнению И.И.Брехмана, 65 % людей находятся в «третьем состоянии» [1, с. 1]. «Третье состояние» характеризуется как промежуточное состояние «не здоровье и не болезнь», которое является неустойчивым и может спровоцировать разные отклонения в организме человека.

Наше исследование проводилось на базе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета с 2011 г. по 2018 г. В нем принимали участие 2010 студентов первого курса, из них 1340 девушек в возрасте от 17 до 20 лет.

Выявили, что первокурсники, начинающие самостоятельную жизнь, сталкиваются с трудностями социальной адаптации, проявляющиеся в чувстве тоски по дому и в ощущении одиночества, поскольку разрывается сформированная система дружеских отношений. По данным международных исследований, 51 % первокурсников подвержены опасности ухудшения здоровья, а приблизительно 10 % от всего числа студентов сталкиваются в течение своего пребывания в университете с серьезными эмоциональными трудностями, влияющими на успеваемость [2]. Анализ полученных данных за семь лет исследований показал, что неудовлетворенность психоэмоциональным состоянием осознается большинством студентов (70 %); более трети студентов первого курса неудовлетворены своим физическим самочувствием, до 12 % от всего числа студентов в течение своего пребывания в университете находятся в зоне дезадаптации. Кроме того, 62 % студентов первого курса нуждается в психологической поддержке, так как они испытывают трудности в адаптации и не готовы заниматься самооздоровлением. У них отмечается средний и низкий уровень психологической готовности к оздоровлению [3].

Студенты чаще стали обращаться за психологической помощью по поводу нарушения самооценки («я неуверен в себе») – 43 %; межличностных отношений и трудностей в эмоционально-чувственной сфере – 23 %; в самореализации – 19 %; с определением жизненных целей – 8 %; психосоматических проявлений – 7 %.

Исследование состояния здоровья обучающихся в вузе показало, что у них выявляется пограничное состояние, то, что называется третьим состоянием (не здоровье – не болезнь), препятствующим развитию личности.

Для оказания психологической помощи студентам по вопросам субъективной составляющей здоровья необходимо разработать технологию консультирования. Она позволит выявить универсальную причину различных нарушений здоровья обучающихся, трансформировать ее (причину) в ресурсное состояние, а также научить студентов управлению своей жизнью. На решение этой задачи и было направлено наше исследование, в ходе которого была разработана технология индивидуально-групповой консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья.

Консультирование чаще всего понимается как процесс, который включает в себя межличностные отношения и проводится на личностном уровне. При этом ус-

танавливается атмосфера доверия между консультантом и клиентом, которая гарантирует взаимопонимание, изучение, планирование, изменение и рост. Американская ассоциация консультирования определяет консультирование как применение принципов психической гигиены, психологии, развития человека в ходе когнитивных, аффективных, бихевиоральных или системных воздействий или стратегий, которые направлены на достижение психологического комфорта, личностный рост, развитие карьеры, а также на лечение патологии [2].

В словаре А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского психологическое консультирование определяется как один из видов оказания психологической помощи в ситуациях преодоления различного рода психологических затруднений [4]. В конце XX века возрос интерес к вопросам консультирования, относящимся к охране здоровья и целостной личности. Консультанты стали больше интересоваться социальными факторами, влияющими на возникновение и протекание, как психических расстройств, так и психического здоровья, включая значение взаимодействия организма и среды. К числу этих факторов относятся: духовность, семейная обстановка, социально-экономические обстоятельства, влияние групп и групповой работы, а также меры профилактики [2].

Теоретический анализ в области консультативной деятельности в психологии и психотерапии, а также эколого-валеологического образования, показал, что в современной науке и практике еще не сложилась технология консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья, хотя потребность в ней очевидна. Опираясь на опыт четырнадцатилетних исследований нашего коллектива ученых Института здоровья и экологии человека Челябинского государственного педагогического университета (ныне ЮУрГГПУ), в области здоровья и оздоровительной деятельности, следует рассматривать эту деятельность как метадеятельность [5; 6]. Метадеятельность включает и консультативную деятельность. Остановимся на основных понятиях нашего исследования.

Под *консультированием по вопросам субъективной составляющей здоровья* понимаем организацию и сопровождение процесса осознания и разрешения человеком страданий, вызванных нарушением динамического равновесия между его адаптационными возможностями и постоянно меняющимися условиями среды. Такое консультирование является творческим процессом, в ходе которого происходит как исследование отношения к нарушению этого равновесия, так и поиск путей его восстановления на новом уровне развития.

В *субъективную составляющую здоровья* мы включаем психофизическое самочувствие, психоэмоциональное состояние, выраженное в уровне тревожности, фрустрации, ригидности, истощения, познавательное развитие, развитие способностей, «потребностное напряжение» в отношении оздоровительной деятельности.

Проблема *субъективной составляющей здоровья* заключается в совокупности субъективных трудностей, выраженных через состояния психических характеристик личности. Рассматривая сущностные характеристики здоровья, как одного из ключевых понятий для разработки технологии консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья, мы опираемся на определение З.И.Тюмасевой, согласно которой *здоровьем человека как самоорганизующейся, динамической системой называется равновесие между адаптационными возможностями организма и постоянно меняющимися условиями среды* [6, с. 67].

Методологическую основу технологии консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья составляет *системный и личностно-деятельностный подходы*. Личностно-деятельностный подход рассматривает человека как субъект деятельности, который планирует, организует, направляет, корректирует ее. Сама деятельность формирует человека как субъект, личность.

Системный и личностно-деятельностный подходы позволили разработать технологию консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья как психотерапевтически ориентированную на обучение взаимодействию на основе осознания возможностей и особенностей соматического и психического здоровья [6].

Технология консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья включает шесть стадий: согласование ожиданий; анализ субъективной составляющей здоровья; психологическая работа с «Я-концепцией» и «жизненным сценарием», как системообразующими факторами образа жизни; определение и коррекция стиля взаимоотношений; прогнозирование и моделирование здорового образа жизни; моделирование студентом сценария здорового образа жизни.

Первая стадия консультирования «Согласование ожиданий».

Условие развития этой стадии: создание «ситуация доверия» на основе субъект-субъектных отношений.

Консультативная деятельность начинается с согласования ожиданий консультанта и обучающегося, что позволяет развивать «ситуацию доверия» как основную характеристику благоприятного психологического климата. В последующем каждая консультация начинается с согласования ожиданий от конкретной встречи.

Методика согласования ожиданий (образец)

Ожидания	Количество участников, выбравших данное ожидание, % (для групповых консультаций)	Распределение ответственности за реализацию ожидания, %	
		консультируемый	консультант
1.			
Итого:			

Итак, устанавливается область исследования проблемы студента (проблемная сфера жизнедеятельности), согласованные изменения в которой и будут результатом консультирования. Например, студент говорит о кризисе в семье. Это означает, что система исследования – семейные отношения. Причиной конфликтов является отсутствие опыта строить равноправные, взаимодополняющие, развивающие, обогащающие отношения.

Вторая стадия консультативной деятельности «Анализ субъективной составляющей здоровья».

Анализ субъективной составляющей здоровья опирается на положения, вытекающие из научных взглядов К.Роджерса: «Я» человека – безоценочная категория; любые отклонения от нормы есть недостаток его опыта развития; знание особенностей своего «Я» позволяет определить путь устранения этого недостатка [7].

Целью анализа субъективной составляющей здоровья является развитие состояния потребностного напряжения в направлении гармонизации субъекта оздоровительной деятельности.

Задачей этой стадии является построение сценария возникновения проблемы (алгоритма существующего стиля жизни), т. е. сценария нездорового образа жизни. Основное условие – это «ситуация доверия», субъект-субъектные отношения, рефлексия.

Субъектный уровень бытия человека объединит различные компоненты психики и формы ее организации. Поэтому консультирование на втором этапе начинается с выявления и анализа показателей субъективной составляющей здоровья. В результате диагностики дается психологическая характеристика субъекта оздоровительной деятельности.

На стадии консультативной деятельности «Анализ субъективной составляющей здоровья» выявлялся конфликт между «хочу» и «могу» студента. Определяли его реальный запрос. Выявляли актуальную потребность в конкретной сфере жизнедеятельности и признание своей ответственности в гипотетической негативной установке, блокирующей реализацию этой потребности.

Третья стадия консультативной деятельности. Психологическая работа с «Я-концепцией» и «жизненным сценарием» как системообразующими факторами образа жизни.

Изучали «Я-концепцию» и смысл жизни как системообразующие факторы, которые дают возможность описать субъективную составляющую студента.

Основное условие развития этой стадии является: «ситуация доверия», субъект-субъектные отношения, рефлексия, прогнозирование и моделирование.

Для осуществления консультативной деятельности на третьей стадии использовали разные методики, например, «Психология образа», которая состоит из трех этапов: I этап – исследование «Я-концепции»; II этап – исследование технологии взаимодействия; III этап – метафоротерапия. На этом этапе консультирования мы интерпретируем жизненный сценарий студента: трансформируя негативную установку в позитивную, меняем жизненный сценарий в соответствии с «Я-идеальным» клиента и его смыслом жизни [8].

Анализ полученных данных в исследовании показал, что для 60 % респондентов (девушек) актуальны проблемы, связанные с личностным развитием (в цветовой гамме рисунка преобладает инфракрасная часть спектра), а для 40 % актуальны вопросы взаимоотношения с «Миром» (в рисунках преобладают сине-зеленые цвета); 50 % студентов импульсивны (в рисунках доминируют углы), у 30 % проявляется эмоциональный тип восприятия и реагирования (круглые и петлеобразные ячейки), и только у 20 % девушек наблюдается разнообразие в восприятии и реагировании (различные формы ячеек). Далее, у 70 % респондентов диагностируется ярко выраженный эгоцентризм, но 30 % способны рассматривать чужую точку зрения как заслуживающую внимания; 80 % студентов имеют «неодушевленную» «Я-концепцию» (авторское название рисунка относится к предметам или явлениям), что говорит об отсутствии проявлений субъективной активности и высоком уровне зависимости от внешних обстоятельств и чужой воли, а 50 % студентов «Я-концепций» не имеют определенной структуры и относятся к области иллюзий («полет фантазий», «фантазия», «мир», «небо», «розовая дымка» и т. п.). Для участников исследования наиболее актуальны проблемы, связанные с самооценкой состояния тревожности,

фрустрации, ригидности, истощаемости, стрессонапряженности (60 %) и ценностным представлением о субъективной составляющей здоровья (40 %). А 50 % студентов постоянно испытывают повышенное напряжение.

Четвертая стадия консультативной деятельности заключается в определении и коррекции стиля взаимоотношений.

Консультант с целью адаптации обучающегося к новому стилю жизнедеятельности в межличностных отношениях, в семье, коллективе, обществе раскрывает ему возможности сотворчества с людьми [9]. При этом учитываются приоритеты взаимоотношений, которые формируются в процессе развития человека. Если студент не принимает цель развития актуальную для семьи, коллектива, то происходит навязывание себя окружающим, либо подавление себя. В любом случае речь идет о внутреннем конфликте, отраженном в отношениях с окружающими. Поэтому нами исследована степень приятия студентом нужд другого человека и то, как консультируемый воздействует на другого человека: с эгоистическим интересом (доминирование, подчинение, со-зависимые отношения) или альтруистическим (субъект-субъектные отношения). Исследования в области психосоматики показали влияние стиля отношения человека на возникновение соматических нарушений в организме, связанных с системой кровообращения.

Четвертая стадия консультативной деятельности позволяет формировать у студента поведенческие, коммуникативные навыки, которые повысят уровень его социальной адаптации, сделают его более инициативным, открытым и доброжелательным в общении. Эти навыки включают разнообразие способов выражения своих чувств и понимания чувств другого, а также развитие партнерских стилей взаимодействия [2].

Пятая стадия консультативной деятельности «Прогнозирование и моделирование здорового образа жизни».

Она начинается с выстраивания иерархии приоритетов развития, как основного условия личностного самоуправления. Анализ реальных ежедневных временных затрат и новое планирование в соответствии с приоритетами и ожидаемыми результатами. Используется на этой стадии методика «Иерархия приоритетов личного развития: моделирование и эффективное планирование жизни» [10, с. 85; 11].

Шестая стадия консультативной деятельности «Моделирование студентом сценария здорового образа жизни».

На этой стадии выстраивается причинно-следственная цепочка, затрагивающая все уровни отношения человека с миром (психофизический, психоэмоциональный, ментальный (когнитивный), межличностный, коллективный (семейный), ценностно-мотивационный (социальный), концептуальный), в которой решение одной проблемы влечет за собой решение проблемы, проявленной на другом уровне отношений [12]. Эта цепочка представляет собой «выход из лабиринта» проблем. Поскольку студенту важно утвердиться в своих ресурсах, то решение проблемы всегда начинается с наименее значимой для него трудности (он называет ее последней, часто после уточняющих вопросов консультанта), затрагивающей наиболее ресурсную для клиента сферу отношений, а завершается наиболее актуальной для него проблемой (первичный запрос). Составляется конкретный план действий по решению проблемы в каждой сфере жизнедеятельности, выявляются ресурсы для его реализации и определяются критерии успеха – показатель эффективности консультативной деятельности. Таким образом, со-

вместно со студентом моделируется сценарий здорового стиля жизни: альтернативные варианты отношения человека к жизни, более перспективные формы поведения, расширение мотивационной сферы личности.

Консультирование завершается переориентацией студента из заложника определенного нездорового поведенческого алгоритма в со-творца своей жизни.

Итак, проведенное исследование по реализации разработанной технологии консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья показало, что обучающиеся стали более спокойными, толерантными по отношению к окружающим, гибкими и работоспособными. Представления у них о своих возможностях становятся целостнее. Средства достижения целей меняются на более альтруистические: чуткость, жизнерадостность, ответственность, широта взглядов, честность, терпимость к недостаткам других, а также растет их профессиональная компетентность и адаптированность.

Путь оздоровления личности начинается с принятия ответственности за свою проблему (1 стадия консультирования), осознание реальной проблемы, которая всегда связана с конфликтом «могу» – «хочу» (2 стадия консультирования), осознание смысла жизни, своей «Я-концепции» и жизненного сценария, а также возможности их изменения, что позволяет личности управлять своей жизнью и развиваться в гармонии с собой и своим предназначением, а это делает жизнь человека осмысленной, а его самого счастливым (3 стадия консультирования). На четвертой стадии консультирования человек, опираясь на смысл жизни, измененные «Я-концепцию» и жизненный сценарий, учится технологии субъект-субъектного взаимодействия с Миром, что позволяет ему быть успешным по-настоящему. На пятой стадии консультирования студент, опираясь на новое понимание себя и своих возможностей в отношениях с Миром, учится прогнозированию и моделированию здорового образа жизни через выстраивание иерархии приоритетов развития, как основного условия личностного самоуправления. Завершается консультирование тем, что консультант вместе со студентом моделирует сценарий здорового стиля жизни: альтернативные варианты отношения человека к жизни, более перспективные формы поведения, расширение мотивационной сферы личности и др.

Наше исследование показало, что созданная технология консультативной деятельности по вопросам субъективной составляющей здоровья можно рассматривать как обучающее взаимодействие, направленное на общее оздоровление человека, через достижение его внутренней целостности.

Данная технология может найти применение в психолого-педагогической практике консультирования по проблемам возрастного кризиса, кризиса отношений, преодоления посттравматического синдрома, а также формирования здорового образа жизни.

Список использованных источников

1. Тюмасева З.И. Оздоровление образования как средство воздействия на «третье состояние» субъектов образовательного процесса // Образование в условиях модернизационных процессов современного общества : сб. материалов Всеросс. научно-практ. конф. с межд. участием, посвящ. 20-летию фак-та психологии КГУ им. К.Э. Циолковского. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. С. 348–353.

2. Гледдинг С. Психологическое консультирование. СПб. : «ПИТЕР», 2002. 730 с.

3. Валеева Г.В., Тюмасева З.И., Орехова И.Л. Комплексное изучение субъективной составляющей здоровья // Ученые записки СПбГИПиСР. 2015. № 1 (23). С. 24–29.
4. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990. 494 с.
5. Тюмасева З.И., Орехова И.Л. Экологические аспекты здоровья как основа эколого-валеологического образования будущих педагогов // Вестник ВЭГУ. 2017. № 6 (92). С. 92–103.
6. Тюмасева З.И., Орехова И.Л., Валеева Г.В., Гладкая Е.С. Проектирование безопасного и здоровьесберегающего пространства «вуз–школа» как условие профессионального становления студентов : монография. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2015. 288 с.
7. Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия / пер. с англ. Т. Рожковой, Ю. Овчинниковой, Г. Пимочкиной. М. : Апрель Пресс : Изд-во ЭКСПО-Пресс, 2002. 512 с.
8. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание : пер. с англ. М. : Прогресс, 1986. С. 30–66.
9. Поляков В.А., Полякова И.Ю., Панова О.И., Меньшова А.Ю. Психосистемное консультирование. М., 2006. 160 с.
10. Валеева Г.В. Гармонизация детско-родительских отношений : учеб.-практ. пособие. Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2016. 250 с.
11. Валеева Г.В., Дедова Г.Ф. Знаковая систем взаимодействия // Психологический практикум. Челябинск, 2014. 80 с.
12. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. 1982. [Электронный ресурс]. URL: http://www.marsexx.ru/psychology/frankl-chelovek_v_poiskah_smisla.html (дата обращения: 07.09.2018).

References

1. Tyumaseva Z.I. Ozdorovlenie obrazovaniya kak sredstvo vozdejstviya na «tret'e sostoyanie» sub"ektiv obrazovatel'nogo processa // Obrazovanie v usloviyah modernizacionnyh processov sovremennogo obshchestva : sb. materialov Vseross. nuchno-prakt. konf. s mezhd. uchastiem, posvyashch. 20-letiyu fak-ta psihologii KGU im. K.EH. Ciolkovskogo. Kaluga : KGU im. K.EH. Ciolkovskogo, 2013. S. 348–353.
2. Gleding S. Psihologicheskoe konsul'tirovanie. SPb. : «PITER», 2002. 730 s.
3. Valeeva G.V., Tyumaseva Z.I., Orekhova I.L. Kompleksnoe izuchenie sub"ektivnoj sostavlyayushchej zdorov'ya // Uchenye zapiski SPbGIPiSR. 2015. № 1 (23). S. 24–29.
4. Psihologiya. Slovar' / pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. YArashevskogo. 2-e izd. M., 1990. 494 s.
5. Tyumaseva Z.I., Orekhova I.L. EHkologicheskie aspekty zdorov'ya kak osnova ehkologo-valeologicheskogo obrazovaniya budushchih pedagogov // Vestnik VEHGU. 2017. № 6 (92). S. 92–103.
6. Tyumaseva Z.I., Orekhova I.L., Valeeva G.V., Gladkaya E.S. Proektirovanie bezopasnogo i zdorov'esberegayushchego prostranstva «vuz–shkola» kak uslovie professional'nogo stanovleniya studentov : monografiya. CHelyabinsk : Izd-vo CHGPU, 2015. 288 s.
7. Rodzhers K. Klient-centrirovannaya psihoterapiya / per. s angl. T. Rozhkovej, YU. Ovc-hinnikovej, G. Pimochkinoy. M. : Aprel' Press : Izd-vo EHKSPO-Press, 2002. 512 s.
8. Berns R. Razvitie YA-konceptcii i vospitanie : per. s angl. M. : Progress, 1986. S. 30–66.
9. Polyakov V.A., Polyakova I.YU., Panova O.I., Men'shova A.YU. Psihosistemnoe konsul'tirovanie. M., 2006. 160 s.
10. Valeeva G.V. Garmonizaciya detsko-roditel'skih otnoshenij : ucheb.-prakt. posobie. CHelyabinsk : Izd-vo YUzh.-Ural. gos. guman.-ped. un-ta, 2016. 250 s.
11. Valeeva G.V., Dedova G.F. Znakovaya sistem vzaimodejstviya // Psihologicheskij praktikum. CHelyabinsk, 2014. 80 s.
12. Frankl V. Poisk smysla zhizni i logoterapiya // Psihologiya lichnosti. 1982. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.marsexx.ru/psychology/frankl-chelovek_v_poiskah_smisla.html (data obrashcheniya: 07.09.2018).

ЗА РУБЕЖОМ

УДК 316

Байкан Сезер

Основные проблемы турецкой социологии

(Продолжение. Начало см.: «Вестник ВЭГУ». 2018. № 4 (96). С. 129–142.)

ОБЩЕСТВО В СВЕТЕ РАЗЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мы остановились на различных трудностях, которые встречаются, если определение носит общий характер. Действительно, во всех работах, где понятие «общество» выступает как основное, социология, претендующая на то, чтобы давать всеобъемлющее объяснение по всем областям, так или иначе относящимся к объекту ее исследования, до сих пор не предоставила нам определения, с которыми были бы все согласны.

Трудности, с которыми встречается социология, при рассмотрении этого понятия, вызваны рядом причин. Первой трудностью является невозможность обозначения точных и конкретных рамок и границ общества, которые мы хотим исследовать на уровне концептуализации, уже достигнутом социологией, и посредством знаний, которыми мы обладаем. Это та трудность, которую общество содержит в самом себе. Однако мы все же предпочитаем не ассоциировать эту трудность с линией, на которой сегодня развивается социология и не подвергать априори сомнению будущие социологические исследования. Когда мы наберемся смелости, чтобы взглянуть на проблемы, бытующие в социологии, с другой точки зрения, для преодоления этой трудности нам уже ничто не будет мешать.

Второй трудностью являются проблемы, связанные с постановкой вопросов и решений их, в зависимости от свойств и особенностей, которые проходит в своем историческом развитии определенное общество, рассматриваемое нами частным образом и в свете общих определений.

Мы обращаемся к определениям для того, чтобы лучше понять связь между законами и тенденцией преобразования частных, а также для того, чтобы найти рамки, ограничивающие нашу тему. В противном случае обобщения приведут только к замене существующей действительности целым набором стандартов. В том случае, если формулировки, используемые социологией, в том числе и определение общества, позволяют игнорировать особенности и детали тех тем, которые мы хотим исследовать¹, то используемые нами как средство объяснения, они, вместо того, чтобы приносить пользу, наоборот, будут вредить.

В социологических исследованиях и работах есть необходимость в различных общих определениях. Если же мы собираемся исследовать турецкое общество, постольку поскольку мы стремимся познать наше общество глубже, чем исследова-

¹ Предметом нашего исследования является человеческое общество вообще, а турецкое общество в частности.

тели из других стран¹, то нам необходимо обратиться к новым определениям. Цель – не оставить турецкое общество в стороне от исторических процессов, социального прогресса и международных отношений. По этой причине мы вынуждены обратиться к общим определениям общества. Однако эта необходимость не должна заставить нас забыть о том особом месте, которое занимает турецкое общество в исторических процессах и их развитии. Эта и есть та тема, которую мы упорно пытаемся озвучить.

Среди определений общества мы рассмотрели вариант, предложенный Гордоном Чайлдом. Это определение столкнуло нас с некоторыми трудностями. Однако если бы мы взяли за основу другое, то повстречались бы с теми же трудностями. Другие определения настаивают на том, чтобы мы рассматривали общество как абстрактное и абсолютное образование, лежащее над и вне исторических отношений и конфликтов. Здесь нам нужно еще раз подчеркнуть, что не следует напрямую связывать трудности определения общества и структурой социологии как науки. Следя за развитием научной мысли и размышляя о невозможности вывести единственно верное и всестороннее определение, мы столкнемся с подозрением, что наука является ненужной. Но это в свою очередь будет означать то, что исторические отношения, в которые вовлечено турецкое общество, никогда не будут в достаточной степени поняты.

Трудность возникает прежде всего из-за стремления разъяснить особенности обществ, исходя из обобщающих определений. В общих определениях внимание акцентируется на объединяющем характере общества, вместо того, чтобы выявлять его разделяющие свойства. Это является результатом убеждения в том, что Запад сосредоточил в своих руках не только мировое господство, но и одновременно пути решения проблем всех обществ. Даже если в прошлом общества и обладали особенностями и своими собственными характеристиками, то сегодня эти особенности потеряли свое значение перед лицом общего решения проблем, предлагаемого Западом.

По этой причине видится возможным применение в исследованиях абстрактных общественных гипотез.

Утверждение по поводу того, что возможности решения всех общественных проблем аккумулированы в одной единственной общественной модели или типе², отбрасывает нас (рассматриваемых как незападные общества) за пределы мировой истории. Эти утверждения, не оставляющие нам никакого права на то, чтобы иметь свое собственное суждение по поводу нашей же судьбы должны быть подвергнуты, по крайней мере, некоторому сомнению.

В рассматриваемом нами определении важнейшим элементом, помогающим нам в обозначении границ и особенностей обществ, являются производственные отношения³. Общества⁴ с самого начала и по сегодняшний день никогда не могли существовать самостоятельно, в условиях закрытой экономики, вернее, производст-

¹ Так как наши выгоды также будут злободневными, в частности.

² Это в условиях сегодняшнего дня, конечно, не может быть ничем другим, как западная общественная модель или тип.

³ Однако не следует забывать и то, что концепция производственных отношений используется и вне того смысла, который она в себя включает.

⁴ Имеются в виду общества, сумевшие достичь сегодняшнего уровня цивилизации.

венной системы. В противном случае мы вынуждены будем прийти к противоречию, гласящему, что общества, которые мы считаем находящимися на вершине исторического развития, не принимали участия в исторических процессах. Эта же политика приведет нас к выводу, что каждое общество несет в себе свой идеал и по мере достижения его завершает свое развитие. Насколько это суждение подтверждает мнение, гласящее, что каждое общество имеет свой собственный путь развития, настолько оно и противоречит суждению, исходящему из позиции доминирования Запада, старающегося превратить все общества в заложников одной судьбы.

Нам нужно быть особенно осторожными с гипотезой «закрытого общества». Желание объяснить разницу между обществами, не входящими в группу стран, занимающих доминирующее положение в мире¹, и западными обществами только с более низким уровнем развития, или другими словами, тем, что восточные общества менее цивилизованны, чем западные, привело к тому, что они были поставлены в один ряд с находящимися за пределами исторических образований, затерянными в лесах Австралии и Африки первобытными племенами. В результате стали распространяться идеи о «закрытой экономике». Самый явный пример этой тенденции в социологии мы можем встретить в направлении, берущем свое начало в произведении Дюркгейма (Durkheim) «*Les Formes Elementaires de la Vie Religieuse*» («Элементарные формы религиозной жизни». – прим. пер.) и в исследованиях по этнографии. Эти авторы, забывая особое положение рассматриваемых обществ, создали мнение о том, что незападные общества можно охарактеризовать, в целом, исходя из их внутренних отношений².

Необходимо задать еще один вопрос тем, кто выдвигает эти представления. Где нужно искать источники превосходства Запада? Главное обвинение по отношению к Востоку связано с понятием «закрытое общество». Превосходство Запада тогда заключается в том, что он не обладает закрытым типом экономики или же, другими словами, обладает особенностью быть открытым по отношению к другим обществам. Способность Запада представлять из себя открытое общество, каковым оно и является, есть результат внешних отношений западных цивилизаций с восточными, и ни с какими другими, кроме них. Если западные общества в своих отношениях с восточными претворяют в жизнь модель экономики открытого типа, тогда каким образом восточные общества могут быть обвинены в закрытости?

Есть некоторая польза в том, чтобы вкратце остановиться на важности производственных отношений, в определении того или иного общества. Когда мы говорим о «рабовладельческом» или «феодальном обществе», производственные отношения выступают перед нами как основной фактор. Однако если внимательно присмотреться к ним, то можно будет заметить, что производственные отношения, не позволяющие нам квалифицировать конкретное современное общество, все же дают представление о том, на каком уровне развития по сравнению с существовавшим до него обществом оно находится.

Для осмысления общества со всеми его параметрами, как и в любой области исследования, прежде всего, необходимо очертить его границы. Для этого же существует необходимость создания отличных от прежних понятий. Центральное поло-

¹ В первую очередь восточные общества.

² Дюркгейм, исходя из образа жизни аборигенов Австралии, выносил и общие суждения по поводу религии.

жение занимает концепция «разделения труда», о которой говорится в рассматриваемом нами определении. Она может помочь нам достичь понимания союза достигнутого обществами в рамках определенной деятельности¹. Таким образом, исходя из этого, нам удастся выявить границы той или иной общности. В результате мы сможем использовать объем производства, как единицу измерения в утверждении границ и сущности обществ, при условии, что мы будем строить свои рассуждения в форме все производственные сферы, которые дополняют и завершают друг друга.

Здесь также возникают два вопроса. Одним из них является более широкая, чем это предполагалось распространенность межобщественных отношений и, в первую очередь их экономической составляющей². И опять-таки, эти отношения возможны как результат деятельности некоторых союзов располагающихся над обществами и как стремление некоторых кругов к приобретению целостности и взаимодополняемости. Не представляется возможным пройти мимо этих союзов, от обществ, их составляющих, несущих в себе разноречивые свойства которые сохраняют свою действенность и внутри них. В наши дни, конкретным примером может послужить Общий рынок. Общий рынок это социальное явление, основанное на общности интересов и отношениях³, дополняющих друг друга. Дать же положительный ответ на вопрос о том, можем ли рассматривать страны, составляющие Общий рынок, как единое целое, невозможно.

Можем ли мы утверждать, что союзы, возникшие в результате взаимного товарооборота между кочевыми и оседлыми народами, привели к тому, что в определенные периоды истории кочевые и оседлые народы создали новое единое общество? В то же время из истории известно, что между колонизаторами и колониями существовали постоянные и обширные связи. Несмотря на то, что эти отношения несли в себе определяющий характер для обоих типов обществ, опираясь на эти отношения, нельзя считать одним единым обществом государство-доминион и непосредственно управляемую им колонию.

В противовес мало функциональным, ограниченным экономическим институтам, которые мы встречаем в истории Востока, второй проблемой является распространение на большие территории цивилизаций. Соответственно одной точке зрения, восточные общества или цивилизации, классифицируют закрытые сельские институты, несвязанные друг с другом и государством, существующим вне этих институтов и зависящим только от своих законов. В соответствии с этим же взглядом, государству присваивается характер святости вместе с обожествлением правителя, отчужденного от общественных отношений. Помимо этого, в отношении Османской империи, интересными являются утверждения о централизованном феодализме.

Для того чтобы можно было решить все эти вопросы, возникающие перед нами, необходимо будет еще более подробно раскрыть эту тему. Мера сотрудничества в производственных отношениях далека от идеального критерия, позволяющего получить всесторонний ответ. Поэтому нам необходимо обратиться еще и к другим единицам измерения.

¹ Мероприятия, связанные с производством.

² Вспомним то, что открытость экономических отношений указывается как причина преимущества.

³ В особенности экономические отношения.

На этот раз мы продолжим нашу дискуссию, рассматривая определение, выдвинутое другим историком – Арнольдом Тойнби. Согласно Тойнби, «общество есть сеть всех отношений между людьми, в него входящими». Элементами, составляющими общество, являются, таким образом, не люди, а отношения между ними. Индивиды, являются лишь центральными точками этой сети отношений действующей в общественной структуре. Именно эти отношения отличают общество от простого скопления индивидов¹. Это определение, на первый взгляд, возможно, и не добавляет к нашим исследованиям ничего нового. Однако оно является интересным, так как позволяет нам рассмотреть эту тему с другого ракурса и свести все определение до одной единственной, составляющей отношения между людьми. В большинстве случаев общество характеризовалось исходя из самых элементарных единиц, его составляющих. В начале, как это отмечалось ранее, охарактеризоваться оно будет исходя из индивида. Имеют место попытки определить общество через семью, составляющие ядро отношений между людьми. Самый известный в социологии пример этих попыток – это классификация общества, выдвинутая Ле Плейем (Le Play), которая основывается на типах семьи. Гипотезой, проходящей красной линией по всем этим попыткам объяснения общества, есть то, что оно не существует автономно, а представляет собой отражение свойств составляющих его частей.

Здесь мы попытаемся посмотреть на эту тему с другой стороны. Постараемся исследовать общество, исходя из самых широких понятий. Общество существует вне зависимости от наших определений, обладая при этом своими специфическими свойствами и характеристиками. Таким образом, мы должны достигнуть понимания в этом вопросе и исследовать общество, которое существует вне зависимости от нас. По этой причине мы видим пользу в том, чтобы исходить из самых широких сообществ.

Самыми широкими объединениями, существовавшими в истории, являются цивилизации. В социологии много говорилось о концепции цивилизации, и ее пытались определить разными способами. Однако когда мы говорим о греческой или исламской цивилизациях эта концепция приобретает совсем другое, более масштабное значение, чем то, которое предложил Зия Гёкальп. Она становится главной единицей измерения в системе классификации обществ. Взяв за главную единицу измерения в определении обществ восточно-западные цивилизации, мы акцентируем внимание на культуре² общества, а не на его структуре. Как мы уже говорили выше, структура того или иного общества лучше помогает нам понять, на каком уровне развития оно находится, нежели определить его сущность.

Цивилизация, в том значении, в котором мы писали о ней выше, указывает на характер и место в историческом процессе того или иного общества. Знания о принадлежности какого-либо общества к определенной цивилизации позволяет нам определить то место, которое данное общество занимало в историческом процессе. Каждое общество, по крайней мере, то, которое сыграло заметную роль в историческом развитии, является представителем определённой цивилизации и вносит свой вклад в ее становление. К тому же отношения общества с той цивилизацией, к кото-

¹ Историческая наука.

² Здесь культуре нужно придавать значение отличное от того, которое дал ей Зия Гёкальп.

рой оно относится, не являются односторонними. Структуры и вид обществ формируются также под влиянием цивилизаций, к которым они относятся. Самым главным моментом, определяющим общество и придающим ему идентичность, является его роль в историческом процессе. Поэтому при определении обществ, цивилизации, к которым они (общества) относятся, выступают перед нами как главный критерий. По этой же причине нам легче понять положение племен, затерянных в джунглях Австралии и Африки.

Особое значение в отношениях общества и цивилизации, формирующихся в процессе исторического развития и противостояния, имеет их политический характер. В связи с этим политические институты, представляющие собой более прозрачную структуру, играют главную роль в классификации обществ, о существовании которых мы говорили до наших попыток дать собственное определение. В историческом плане общественные политические институты после первых ступеней развития предстают перед нами в виде наций. И сегодня обособление наций, несмотря на то, что оно приобретает федеративный облик, является основным критерием в разграничении о определении обществ.

Как уже отмечалось, эти отношения, прежде всего, носят политический характер. По этой причине понятие нации, которое мы будем использовать для разграничения обществ, необходимо дополнить представлениями о политической организации вместе с ее высшей формой – государством. Государственная организация и сегодня институционализирует общественную жизнь на самом высоком уровне.

Мы можем подвести первые итоги, связанные с разграничением и определением обществ, с тем условием, что мы еще продолжим дискуссии по этой теме ниже. Общество является неким цельным организмом: обладающим свойствами, характерными только для него и превосходящими свойства отдельных своих членов¹.

И все другие формы общества будут меняться относительно цивилизаций, в рамках которых они находятся. Они будут обществами, которые находят свое отражение в историческом развитии, а не только объединениями с упрощенными формами структурой своей организации, придающими истинный смысл общественным отношениям.

«МОДЕЛИ ОБЩЕСТВ»

До сих пор мы останавливались на трудностях, с которыми сталкивалась социология при определении общества. Если же мы попытаемся включить в эти определения и суждения по частным случаям, то мы сталкиваемся с ещё большими трудностями. Главным понятием социологии, которое необходимо использовать во всех исследованиях является понятие общества. Поэтому наше стремление дать определение обществу в самом начале нашей работы является естественным. Однако такое желание изначально подталкивает² нас к рассмотрению общества, абстрагированного от всех отношений, в которых оно состоит. Общество является результа-

¹ Смотрите определение Дюркгейма о коллективном сознании.

² Такая тактика выглядит неизбежной в результате отсутствия достаточных знаний об этих отношениях.

том всех тех отношений, которые мы были вынуждены, оставить в стороне. Трудность, прежде всего и заключается в этом.

В наше время общество сегодня – это живая реальность, являющаяся результатом различных действий людей, а также отношений человека и природы. Эта реальность предстает перед нами в нашей повседневной жизни во всем своем объеме, со своими гранями и реалиями, заявляя о себе. Она представляет собой явление, возникшее в результате исторического развития, а не вследствие внутренней логики какого-то выдуманного правила. По этой причине мы можем ближе подойти к общественной действительности, поместив ее в историческом развитии, вместо того, чтобы заниматься исследованиями идеального общества.

После этого небольшого отступления и с тем чтобы, в конце концов, связать нашу тему с историческим развитием и исторически сложившимися межобщественными отношениями, мы можем вкратце подытожить все сказанное нами по поводу «общества». В основе общества лежит *экономическое единство*, возникшее в результате производственных отношений, необходимых для поддержания или восстановления необходимых нужд общества, а также важных для продолжения его существования условий.

Чтобы то или иное общество могло сохраниться в определенных рамках, необходимы условия, соответствующие принципам его жизнедеятельности. По этой причине не следует умалять значение производственных отношений. Однако в плане институционализации отношений экономического единства и обеспечения необходимой системы для этого, *политическое единство* также является немаловажным. Основную роль в процессе приобретения обществом определенного места в межобщественных отношениях, и становлении его идентичности играет именно политическое единство.

Идеологическое единство, создающее необходимую связь между двумя событиями¹ и дающее возможность людям рассматривать их с определенных точек зрения, принятых в рамках этих единств (союзов), является последним необходимым критерием, в определении общества.

Нации сегодня представляются нам в виде общественных единиц, пересекающихся в структуре этих трех единств (союзов). Но большинство наций не смогли в достаточной степени самоопределиться на мировой сцене и создать независимое государство. Такое положение дел готовит почву для так называемой политики «балканизации», наносящей большой вред равновесию в мире.

Поэтому необходимо остановиться подробнее на этой теме. Вспомним разделение на «исторические нации», выдвинутое мыслителями начала XIX века². Если нации являются результатом различных межобщественных отношений, существовавших в истории, то функции, которые они выполняли, представляют собой главный критерий их оценки. Рассчитывая далее вернуться к обсуждению данной темы, все же перечислим три главных условия, необходимых для того, чтобы стать исторической нацией: а) склонность к созданию государства, б) возможность растворения, ассимиляции других наций, в) способность сопротивляться внешней агрессии и

¹ Экономическое и политическое единства и различные отношения, связанные с ними.

² Molnar, Miklos, «Marx, Engles et la Politigue Internationale», Gallimard, 1975.

оккупации. Необходимо учитывать эти три условия наряду с другими элементами, составляющими определение нации¹.

Отношения, о которых говорится в определениях общества, одновременно имеют и историческое значение. И только при сопоставлении этих отношений с их историческими значениями они (отношения) приобретают свой настоящий смысл, а, следовательно, мы имеем возможность получить полные и точные данные о том обществе, которое мы бы хотели исследовать.

Между тем объектом нашего прямого наблюдения являются сегодняшние взаимоотношения и то, как мы их себе сейчас представляем. Детали и отдельные свойства используются социальными науками при изучении более сложного объекта. Невозможно понять какое-либо общественное событие, абстрагировав его от общественных и исторических условий, в которых оно находится. Говоря о том, что один социальный факт может быть объяснен только лишь через другой, Дюркгейм учил нас именно этой истине.

Отдельно взятые технические или физические свойства могут нести в себе некий смысл. В противовес этому общественные свойства формируются и приобретают смысл в более широких отношениях. Поэтому нам следует вооружиться методами исследований и понятиями, отвечающими этим, более широким, свойствам.

Общество – это разностороннее и динамичное явление. Для того чтобы объяснить взаимоотношения различных его частей с обществом в целом, есть необходимость в абстрактных подходах, которые в свою очередь дают возможность подготовить проработать необходимые заключения. Во главе этих методов, помогающих нам в этой работе и позволяющих нам рассматривать общества в исторических масштабах модели общества. Модели общества являются понятиями или определениями, выполняющими роль путевода в процессе формирования исследуемой нами темы в единое целое и напрямую содержащими общие черты и законы, связанные с изучаемым феноменом.

Эти модели представляют собой обобщения, которые помогут нам составить четкое представление о каком-либо обществе, вынося на передний план его повседневную историю, а также для определения связей и отношений, благодаря которым оно функционирует. Опять-таки в рамках этого осмысления становится возможным еще лучше понять особенности, отличающие различные общества. Как отмечалось, модели являются методами мышления, используемыми нами в некоторых разъяснениях, обеспечивающими возможность построения необходимых отношений для этих разъяснений. Иными словами, модели являются систематизированной и доступной совокупностью предварительных знаний, необходимых нам для начала наших исследований.

Однако в тот момент, когда эти модели начинают занимать место тех разъяснений, которые мы собираемся получить в результате их использования, они трансформируются в некую схему или форму. Тогда, вместо того, чтобы помогать нам в осмыслении и исследовании какого-либо феномена, они превращаются в подобие идолов, становящихся мощной преградой на пути наших усилий. Понятия, используемые нами для объяснения и исследования действительности, ни в коей форме не являются самой действительностью. Однако они формируют наши представления о

¹ Язык, культура и их единство.

генезисе этой действительности в рамках истории и общества, а также точку зрения на нее. Проявив склонность к замещению действительности, история превращается в нечто, обязанное реализовывать некоторые мысли и идеи. Таким образом, вместо того, чтобы считать историю источником всех событий и идей, мы находим в себе право судить ее с точки зрения морали. Ошибочным является трансформация исследования в случайный и лишенный системы сбор данных, без попытки смоделировать абстракцию, которая позволит нам осмыслить действительность в ее собственных рамках с целью избежать влияния предубеждений и стереотипов. Ошибочным является также и придание какого-то сверхсмысла нашим попыткам абстрагирования.

Мы говорим модель. Некоторые исследователи говорят – тип или идея. Оба эти слова взаимозаменяемы и равно подходят к нашей теме. С таким определением понятия модель, только именуемое как идея, мы встречаемся еще у Платона. Согласно Платону, идеи являются схематическими представлениями, которые определяют самобытие или вещь.

Между тем согласно некоторым подходам, действительная разница между историей и социологией наблюдается именно здесь. Социология, для того чтобы выявить различные типы общества, встает на путь установления основных абстрактных законов общества. По этой причине в социологии в рамках исторического развития делается ударение на длительные периоды. История же сталкивается с конкретным применением общественных законов и еще более подчеркивает необходимость их постоянства.

Основным назначением социологии является выявление и установление общественных типов, рассматриваемых с различной степенью приближения и с дифференцированным подходом к наблюдению действительности. Лишь таким образом возможно будет оценить и осмыслить некое событие, с которым мы сможем столкнуться в определенном обществе внутри царящих в нем отношений.

Однако если эти модели упоминают о разных свойствах тех или иных обществ согласно отношению частей с целым в сфере проявления этих свойств, то перед нами возникает вопрос: как мы можем воспользоваться моделями общества.

Как известно любая культура или цивилизация¹ состоит из различных уровней. Рассмотрим, к примеру, западные общества. Западное общество и цивилизация выступают перед нами в виде модели, и мы рассматриваем рабовладельческие, феодальные и капиталистические общества как отдельное отражение исторического развития западных обществ и различные пояснительные модели этих обществ. К примеру, французское общество, феодальное в средние века и капиталистическое сегодня, не переставало быть западным в оба эти периода. В этой ситуации перед нами возникает вопрос, занимающий центральное место в нашей дискуссии – второстепенны ли изменения известных нам стадий на определенной линии исторического развития или же мы имеем дело с разными общественными системами. Ответы на эти вопросы одновременно будут содержать определенный анализ истории.

Перед лицом этих трудностей и вопросов Максом Вебером было разработано и выдвинуто понятие тип-идеал или идеальный тип. Согласно Веберу, идеальные типы не ограничатся только схематизированием наших знаний посредством опре-

¹ Эти термины меняются при использовании их в разных смыслах.

деленной системы, а, в то же время, станут путеводителем для наших будущих знаний и наблюдений и будут содержать в себе определенный анализ. С этой точки зрения, модели или типы несут в себе характер отдельных схем, созданных с целью проведения наших исследований. При разработке моделей или типов в науке вместо беспристрастности, оцениваемой как легенда, работоспособность и полезность полученных результатов исследований выходит на первый план.

Общественная модель, желая определить свойства общества, претендует и на оценку основной линии развития. В этой ситуации можно наблюдать выдвигание на передний план некоторых отношений из тех, которые образуют общество, о котором мы говорим, с верой в то, что они смогут разъяснить его развитие. Но каждый выбор, в рамках этого правила содержит игнорирование других сторон и элементов. Это осторожное исследование позволяет оценить степень очередности полученных знаний и деталей. Так как здесь актуальными для нас являются социальные исследования, то, подчеркивая элементы, сопоставимые между обществами, можно провести и работу по определению разницы, существующей между обществами. Самое главное, они смогут помочь нам представить линию развития общества, что позволит нам в будущем сделать правильные выводы. Если резюмировать вышесказанное, ставится цель – создание целостности и союза из разнообразных и запутанных общественных отношений и свойств. Поэтому в формировании модели общества, главным является не поиск арифметического среднего из суммы различных общественных свойств. Главное – найти критерий основных отношений и подчеркнуть эту особенность. Построение той или иной общественной модели, прежде всего, является делом оценки и акцентирования внимания на важнейшем свойстве.

Нахождение некоторых особенностей и напротив отстранение других является результатом действий, которых мы придерживаемся по отношению к исследуемому факту изначально. В социологии говорить об абстрактной беспристрастности не приходится. В своих исследованиях мы исходим из специфики тем, вопросов, стоящих перед нами и занимаемым турецким обществом местом среди общественных отношений. Исходя из этого, нетрудно обвинить все социологические исследования в том, что они произвольны и далеки от научной беспристрастности. Такая опасность и необходимость достижения научной объективности предусматривает в самом начале исследования формирование гипотезы и необходимости придерживаться выбранной линии. Опять же при создании модели общества все произвольное должно быть сведено до минимума и Должны быть найдены параметры, принимаемые и другими. Наличие таких параметров является возможным.

Вернемся к нашему вопросу. Каким образом можно определить общие и основные особенности, находясь в самом обществе, и при учете его многосторонности и запутанности отношений? Каким верно и соответствующим образом можно использовать полученные в результате этого определения модели?

Для нас лучшими имеющимися критериями являются факты происходящих в обществе изменений. Основываясь на явлениях, ведущих к изменению качеств общества, возможно определение параметров, обеспечивающих основные черты общества и законов его развития. Несомненно, что социология может выявить многие, явления, ведущие к общественным изменениям. Ранее уже отмечалось, что появление социологии пришлось на период, начавшийся с Великой французской революции, давшей начало большим общественным трансформациям. И действительно, наблюдая за пе-

ременами на Западе можно было узнать много нового о структуре общества и, основываясь на этих сведениях, развить науку об обществе – социологию.

Если мы сможем определить законы развития общества, ОНИ станут нам лучшим подспорьем в создании новых моделей общества. Они могут оказать серьезную помощь в исследовании динамики и условий общественных изменений. Такие общественные модели дают возможность не только определить некоторые явления, но и понять путь развития обществ. Иными словами, мы сможем рассматривать нашу тему в историческом аспекте.

По теме развития и прогресса общества формируются две точки зрения. Первая из них опровергает мысль о любом прогрессе или развитии. А другие подходы подразделяются в общем на две группы. В первой из них выдвигается мнение о том, что мысль является причиной развития общества. Среди социологов первым выразил это мнение Огюст Конт (August Comte). Согласно Конту, в зависимости от развития мысли в человеческом обществе мы становимся свидетелями трех стадий: теологической, метафизической и позитивной. Противоположный же взгляд отстаивает то, что развитие обществ определяют экономические отношения. Самым известным и главным выразителем этого взгляда является Карл Маркс. Согласно Марксу, человечество прошло через три этапа, определяемые производственными отношениями: рабовладельческий строй, феодализм и капитализм.

Существует еще немало точек зрения. Среди них можно указать классификацию этапов развития общества Дюркгейма и его последователя Зии Гёкальпа. Однако об их взглядах мы уже упоминали выше. Все остальные основывались либо на компромиссе этих двух взглядов, либо на одном из них, и не смогли продвинуться дальше определения различных типов общества.

Как видно, для того чтобы определить общества, мы можем использовать различные предложения и критику на них. В наших попытках дать характеристику турецкому обществу эти предложения и критика могут послужить решением проблемы. В этой ситуации первое, что нам нужно сделать, это не объяснять турецкую действительность через уже предложенные схемы, а сверить их с турецкой действительностью и выявить, насколько они смогут помочь нам в получении информации о нашем обществе. Но не нужно ограничиваться только лишь проверкой этих предложений. Для того, чтобы понять и объяснить турецкую действительность, мы вынуждены, между прочим, развивать необходимые концепции и методы, соответствующие законам именно этой действительности. В противном случае вместо проверки имеющихся пояснительных моделей придется все начинать сначала.

Только подходя с вниманием к турецкому обществу и его реалиям можно как определить его наилучшим образом, так и осмыслить характерные черты, отличающие его от иных обществ. Все наши усилия направлены именно на это.

Продолжение см.: «Вестник ВЭГУ». 2018. № 6 (98).

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

УДК 340.15

К.Е.Андреева

Британская империя как государство

В статье с позиций теории государства и права анализируется государственная составляющая Британской империи. Исследованы этапы распространения и становления британского имперского господства. Кроме того, автором рассмотрена имперская территориальная система и эволюция стратегий имперской политики касательно колоний. Показаны характерные черты естественной и «инстинктивной» колонизации. Автор приходит к выводу, что Британская империя олицетворяет собой самый отчетливый пример создания имперской системы, состоящей из заморских колоний и центра в виде нации-государства, с доминированием рыночно-капиталистического уклада экономики, развивающегося путем модернизации.

Ключевые слова и фразы: империя; Британская империя; колонии; метрополия; деколонизация.

K.E.Andreeva

The British Empire As A State

The article analyzes the state component of the British Empire. The stages of the propagation and formation of British imperial domination were investigated, the Imperial territorial system and the evolution of imperial policy policies concerning colonies were also considered by the author. The characteristic features of natural and "instinctive" colonization are shown. The author comes to the conclusion that the British Empire represents the most moderate example of creation of the imperial system consisting of the overseas Colonies and the center in the form of the nation-state, with domination of the market-capitalist warehouse of economy, Developing through modernization.

Keywords: Empire, British Empire, colonies, metropolis, decolonization of the United Kingdom.

Современная Великобритания представляет собой одну из влиятельных стран мира не только как игрок на геополитической арене, но и как наследница многовековой истории, богатой культуры, традиций и многого другого, что предопределяет выбор людей со всего мира в выборе этой страны не только для туризма или обучения, но и для проживания. Вместе с тем важно отметить и значение английского права в становлении современного правового поля [1]. Именно совокупная роль Великобритании в развитии современного общества определила постановку цели при написании данной статьи – исследовать становление Британской империи как государства.

Андреева Карина Евгеньевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права Башкирского государственного университета, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: rector@bsu.bashedu.ru

© Андреева К.Е., 2018

Проблемы и вызовы современного мира вынуждают более пристально всматриваться в имперское прошлое не только Российской Федерации, но и других стран. Судьба и опыт Британской империи вновь оказались поучительными и востребованными [2, с. 134].

Британская империя содействовала распространению английского языка, британской торговли и технологий, а также собственной модели государства во всем мире. Имперская гегемония обладала решающим значением для экономического роста и оказания воздействия Соединенного Королевства на политику значительного количества государств. Рассматривая устройство колоний, становится очевидным, что влияние Британской империи имело довольно двусмысленный характер. С одной стороны, в колонии были введены английский язык, правовые и административные учреждения и нормы, сформированные по образцу и подобию самой Великобритании. С другой стороны, в ходе деколонизации своей колониальной империи англичанами была предпринята попытка ввода в бывших колониях парламентской демократии и верховенства права, хотя и с разной долей успеха.

Целью создания британских колоний было, прежде всего, укрепление экономических интересов Соединенного Королевства. При этом в колониях эмигрантами формировалась инфраструктура, направленная на создание независимой экономики, но тем не менее регионы тропической части Африки и Азии по-прежнему являлись лишь поставщиками сырья и получали только наименьшую часть инфраструктуры. В современных условиях экономика большинства малоразвитых стран по-прежнему находится в зависимости от экспорта сырьевых ресурсов.

В основе создания Британской империи была заложена этническая исключительность англосаксов (по принципу верховенства расы завоевателей). Одним из ключевых базисов британского колониального права являлось то, что конфликты, происходящие между разными этническими группами, становились поводом для укрепления колониального господства [3].

Однако существует и иной взгляд на государственность Великобритании. Так, по мнению английского ученого Сили Джона Роберта, высказанного им в книге «Британская империя», государственность Великой Британии необходимо рассматривать сквозь призму ее колоний. С его точки зрения существует два отличающихся друг от друга вида колонизации. Один из них можно назвать естественным, поскольку он тождественен явлениям в мире природы. «Колонии похожи на плоды, которые висят на дереве, до тех пор, пока не созреют», – сказал Тюрго. Другой говорит о том, что колонизация похожа на роение пчел либо на брак и переселение в новый дом взрослого сына [4, с. 21]. В таком случае под колонией коннотируется общество, не только покинувшее метрополию, но и остающееся политически с нею сопряженным связью зависимости.

По мнению автора, с развитием социума вновь создаваемое государство каждый раз неизбежно колонизовалось способом, отличным от предыдущего, уже потому, что оно само не идентично греческому государству. В представлении греков государство настолько отождествлялось с городом, что в греческом языке существует только одно слово для трактовки того и другого. Так, к примеру, Аристотель, зная о существовании таких государств-стран, как Македония и Персия, в своей «Политике» совершенно не принимает их во внимание. Установленные им принципы наглядно отображают, что он не рассматривает их в качестве государств в на-

стоящем смысле слова именно потому, что поскольку они не города. С другой стороны, современная трактовка государства требует, чтобы у людей одной нации, говорящих на одном языке, было одно правительство.

Становится очевидным, что следствием отличия друг от друга этих понятий о государстве являются и различные трактовки последствий эмиграции. Так, если город является государством, то тот, кто покидает город, покидает и государство.

Следовательно, греческий взгляд на колонию был естествен для греков, так как греки, создавая новый город (полис), неизбежно создавали новое государство. С другой стороны, если государство есть нация (именно не страна, а нация), то само это трактование дает исчерпывающие основания для общего обыкновения современных государств считать, что их переселенцы не выходят из государства, а берут его с собой. Существовало утверждение, что там, где англичане, там и Англия, где французы, там Франция, именно по этой причине владения Франции в Северной Америке получили название Новой Франции, а отдельная группа английских владений была названа Новой Англией.

Именно наличие такого контраста в понятии о государстве вызвало и другую существенную причину различия в системе колонизации. Данная причина заключается в том, что созданию новейшего государства сопутствует значительное территориальное расширение, в то время как создание древнего государства его не допускало. Греческий полис, являясь на самом деле городом, не мог быть так видоизменен, чтобы преобразоваться во что-то большее. Кроме того, современное государство, единожды приняв размеры страны, допускает и последующее расширение. В период начала колонизации у европейских государств или совершенно не было народных собраний (Франция, Испания), или их национальное собрание, как, например, в Англии, было представительным, т. е. по самой своей организации избегало затруднений, сопряженных с созывом всех граждан.

Наряду с этим сама суть Великой Британии состоит в распространении английского государства, а не в распространении английской национальности. При этом для Великой Британии весьма характерно, что она олицетворяет собой и распространение английской национальности. Следует отметить, что если распространение национальности происходит без расширения государства, как, например, было с греческими колониями, то результатом данного явления может стать укрепление нравственного и умственного воздействия народа, но увеличения политического влияния при этом не бывает. С другой стороны, когда государство переступает границы своей национальности, влияние его может сделаться весьма неустойчивым. В таком положении оказывалось большинство империй, в том числе английская Индийская империя.

Английское государство в Индии было всевластным, но английская нация составляла только незначительную часть в совокупности азиатского населения [5, с. 56]. Здесь важно отметить, что расселяясь по новым территориям, нация рискует встретить там другие национальности, которых ей не удастся ни уничтожить, ни изгнать, даже если она и сможет завоевать их. В подобных случаях нация сталкивается с большими непрерывными трудностями. Подчиненные или конкурирующие национальности не могут быть совершенно ассимилированы и постоянно являются причиной слабости и опасности. В процессе своего расширения Англия смогла избежать такой опасности, занимая те части земного шара, которые ввиду незначительного количества населения давали абсолютный простор пришедшим поселениям. В них хватало земли для каждо-

го, кто намеревался там селиться, а туземные расы были в такой степени неразвиты, что были неспособны соперничать даже при мирной конкуренции, не говоря уже о материальных возможностях английских переселенцев.

Как единое целое, Английская империя была свободна от слабости, следствием которой было падение большинства империй, олицетворяющих собою механический насильственный конгломерат чуждых национальностей.

По мнению некоторых историков, Великая Британия, по сути, представляла собой весьма слабый союз, не способный выдержать даже незначительного удара, при этом отметим, что она обладает одним существенным элементом силы, которого не хватает большей части империй – английская колониальная империя, по сути является абсолютно английской, в то время как Австрия раздроблена национальным соперничеством германца, славянина и мадьяра; Швейцарский Союз объединяет в себе три языка. Это этнологическое единство играет весьма важную роль, когда необходимо составить мнение об устойчивости империи и о ее перспективах на долгосрочное существование. Существует три важнейшие силы, объединяющие народ и создающие из него одно государство: 1) общая национальность; 2) общая религия; 3) общие интересы.

Вышеназванные силы способны действовать в различных степенях интенсивности, а также в отдельности или совокупности.

Рассматривая суждение о том, что Великая Британия олицетворяла недолговечный союз, обреченный на скорый распад, следует подчеркнуть, что сторонники этого мнения зачастую берут во внимание тот факт, что она не была объединена общностью интересов. Данное суждение становится особо существенным при соизмерении его с фактом отделения американских колоний от Англии в XVIII столетии, порожденного нетерпимостью союза с метрополией. При этом, признавая значение этого суждения, важно отметить, что если между Англией и ее колониями и отсутствует одна из трех связей, то две другие неоспоримо есть. Большинство империй, в которых враждебные национальности и религии были объединены искусственно, существовали целые века. Соединяющие великую Британию узы отличаются особой актуальностью – это узы крови и религии. Вероятно, существуют причины, по которым данные узы могут порваться, но, тем не менее, они очень крепки, и для их расторжения потребуются колоссальные усилия.

Таким образом, Британская империя олицетворяет собой самый наглядный пример создания имперской системы, состоящей из заморских колоний и центра в виде нации-государства, с доминированием рыночно-капиталистического строя экономики, развивающегося за счет модернизации. Англичане накопили мировой опыт колонизаторов всех эпох: древних римлян и арабов, гунуэцев, венецианцев и португальцев. В самом британском обществе денотаты «нация» и «империя» стали взаимосвязанными. Именно внешние рубежи империи очерчивали государство, в котором все британцы на протяжении долгого времени чувствовали себя как дома.

Список использованных источников

1. Андреева К.Е. Развитие норм английского права в британской империи // Современные условия взаимодействия науки и техники : сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 47–49.

2. Кальянова Т.П. Новые книги по истории британской империи // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 19. С. 134–140.

3. Mason P. Prospero's Magic. Some thoughts on Class and Race. London, 1962. 106 p.
4. Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А. Британская империя : лекц. Курсы : пер. с англ. М. : Алгоритм : ЭКСМО, 2004. 442 с.
5. Сили Дж.Р. Британская империя. Разделяй и властвуй! : пер. с англ. М. : Алгоритм, 2013. 360 с.

References

1. Andreeva K.E. Razvitie norm anglijskogo prava v britanskoj imperii // Sovremennye usloviya vzaimodejstviya nauki i tekhniki : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. A.A. Sukiasyan. Ufa, 2017. S. 47–49.
2. Kal'yanova T.P. Novye knigi po istorii britanskoj imperii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2017. T. 19. S. 134–140.
3. Mason P. Prospero's Magic. Some thoughts on Class and Race. London, 1962. 106 p.
4. Sili Dzh.R., Krehmb Dzh.A. Britanskaya imperiya : lekc. Kursy : per. s angl. M. : Algoritm : ENKSMO, 2004. 442 s.
5. Sili Dzh.R. Britanskaya imperiya. Razdelyaj i vlastvuj! : per. s angl. M. : Algoritm, 2013. 360 s.

УДК 1:316

Н.Р.Ганиев

Духовный вандализм как тенденция современного общественного развития

Основное содержание статьи составляют результаты исследования современного общественного развития с точки зрения духовного вандализма. Выделяются и описываются характерные особенности современного этапа развития российского общества. В статье сформулирована и обоснована идея о том, что духовному вандализму, проявившемуся в современном российском обществе, способствовали деформационные процессы, которые, возникнув в политической надстройке, перекинулись в первичные сферы общественной жизни – экономическую и социальную.

Ключевые слова и фразы: духовный вандализм; фальсификация истории; информационная война; воспитательная роль; духовно-нравственный кризис; дезинтеграция.

N.R.Ganiev

Spiritual Vandalism as a Trend of Modern Social Development

The article deals with the results of the study of contemporary social development from the point of view of spiritual vandalism. It identifies and describes the characteristic features of the present stage of development of Russian society. The article formulates and substantiates the idea that

Ганиев Нурлан Рашитович, аспирант кафедры этики, культурологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: nurlanganiev@yandex.ru

© Ганиев Н.Р., 2018

spiritual vandalism manifested in modern Russian society was due to the deformation processes, which arose in the political superstructure and spread to the primary spheres of public life - economic and social.

Key words and phrases: spiritual vandalism; falsification of history; information war; educational role; spiritual and moral crisis; disintegration.

Российское государство в ходе своей социокультурной истории накопило огромное количество духовных и материальных ценностей, во главе которых их творец, человек, выступающий в качестве субъекта многочисленных и многоуровневых социальных отношений. Человек сосредотачивает в себе весь комплекс жизненных противоречий, и сам при этом становится наиболее уязвимым объектом общественной системы, требующим защиты от внешних и внутренних угроз, в том числе и духовных [1].

Изменения, которые происходили во всех областях российского общества за последние десятилетия, повлияли и на процесс становления духовности молодого поколения россиян. Вместе с определенной возможностью выбора сфер самореализации современная российская молодежь приобрела ряд проблем социального и духовного плана. В числе которых размывание духовных и нравственных ориентиров, распространение различных форм девиантного поведения, рост молодежной преступности, аполитичность, социальная инертность и др. [2].

Молодежь оказалась на мировоззренческом и ценностном распутье: мозаичность предлагаемых духовных смыслов и идей (ценности недавнего советского прошлого; ценности современного западного общества как образец для новой России и др.) обусловили определенную хаотичность и несистемность духовных поисков молодых людей [3]. Например, отметим, что еще не так давно Россия считалась одной из самых читающих стран. Теперь, по социологическим опросам, граждане читают в 4–5 раз меньше, чем в других государствах Европы [4].

В 2015 году наша страна отметила памятную дату – 70-летие Великой Победы в Великой Отечественной войне. Неоспоримы вклад и решающая роль СССР в победе над гитлеровской Германией, однако в последнее время мы сталкиваемся еще с таким проявлением духовного вандализма, как активное и настойчивое стремление пересмотреть итоги войны. В принципе это не может считаться странным, так как ревизионистская позиция давно существовала как в науке, так и в массовом сознании, но в условиях экономических и политических трудностей, нестабильной международной обстановки, в которых оказалась Россия, такие высказывания носят характер «фронта боевых действий» – информационной войны [5].

Одним из основных методов информационной войны, как известно, является фальсификация истории, под которой понимается сознательное искажение исторических событий в определенных целях, чаще всего политических. Появление фальсификаций объясняется тем, что посредством науки и политики преследуются разные цели, которые не всегда бывают нравственными. Если главная задача науки состоит в объективном изучении и освещении прошедших и настоящих событий, то политические элиты нередко используют историю для достижения своих прагматических целей, например, чтобы показать в выгодном свете деяния предшественников или очернить образ своих противников. А если учитывать тот факт, что история – очень субъективная наука, то появление фальсификаций не кажется сколько-либо удивительным явлением.

Информационная война против России осуществляется по различным каналам, включая систему школьного образования в странах постсоветского пространства. Действительность содержит многочисленные примеры того, как в украинских, грузинских, латвийских учебниках авторы сознательно искажают факты, стараясь преуменьшить роль России в истории этих народов либо вовсе ее исключить. Эта тенденция представляется тревожной, так как политические круги государств ближнего зарубежья целенаправленно воспитывают новое поколение своих сограждан в духе русофобии. Можно было бы возразить, что тем самым они реализуют патриотическое воспитание молодежи в духе любви к своей нации, однако негативные плоды такого «воспитания» наблюдаются сейчас на Украине, где воинствующие националисты «Правого сектора» уничтожают население собственной страны. Действительно, история должна быть достоянием всего народа, но никак не средством манипуляции со стороны руководящих элит.

Мы по праву гордимся своими историческими героями. Это плеяда талантливых полководцев, государственных мужей, выдающихся ученых, деятелей культуры, писателей и поэтов с мировым именем. Все они истинные патриоты России. Их жизнь отражена в литературных произведениях, запечатлена в художественных полотнах, легла в основу многочисленных кинолент и т. д. В современной реальности весьма недостает тех исторических основ, моральных принципов, так называемых «скреп», на которые опиралась жизнь России в минувшие времена. Самое страшное, что идет процесс вытеснения из сознания нового поколения гордости за свое историческое и культурное наследие и возрастает тлетворное влияние набирающей силу «исторической скверны».

Немаловажную роль в этом плане играют средства массовой информации, которые выполняют важнейшую воспитательную и идеологическую роль, в значительной мере влияя на общественное мнение, формируя его оценки. В этой ситуации особую значимость приобретает вопрос о том, насколько содержание и качество телевизионных программ, не только зарубежных и бывших республик СССР, но и российских, отражает действительность и соответствует уровню развития и потребности наших граждан. Есть новости, дискуссионные площадки, которые еще сохранились на некоторых телевизионных отечественных каналах. Но большая часть программ телевидения никакого отношения к глубокому объективному анализу и освещению текущих и исторических событий не имеет. Серьезные общественно-политические проблемы, волнующие людей, преподносятся в форме «ток-шоу», то есть развлечения. Конечно, в нашей истории на сегодняшний день немало того, что вызывает иронию, но в целом и по большому счету история и современная жизнь – это очень серьезные вещи. Иное отношение к ним – это проявление духовного вандализма.

Например, воссоединение Крыма и России – это не только восстановление исторической справедливости, это не только сохранение геополитически важной базы русского флота и помощь соотечественникам, находящимся в сложном положении, это и одно из тех событий, которые оказали непосредственное влияние на современную расстановку сил и геополитическую обстановку в мире. Это событие стало катализатором более значимых и глубинных процессов, которые не могли развиваться в иной политической обстановке. Можно сказать, что мы изменили Крым, а Крым изменил нас. Возникла иная патриотическая атмосфера, что способ-

ствуует укреплению духовности общества, ведь патриотизм по справедливому мнению составляет основу национальной идеи народа.

Последние несколько лет в нашей стране ежегодно проходят акции под названием «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк». Эти общественные акции посвящены празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне.

«Бессмертный полк» – российское общественное движение в память об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. «Бессмертный полк» позволяет ныне живущим россиянам воздать дань уважения тем, кто защищал Родину, ощутить и себя причастными к великому делу, ими совершенному, продемонстрировать единство и патриотизм. В рамках данного мероприятия обычные граждане несут фотографии своих родственников и знакомых, отдавших свои жизни за уничтожение фашизма или просто не доживших до празднования семидесятой годовщины, но принимавших участие в кровопролитной Второй мировой войне.

Серьезную озабоченность, в частности по поводу знаний учащейся молодежью истории Великой Отечественной войны высказывают ветераны, многие педагоги, государственные деятели. В настоящее время преподавание истории в России до сих пор также ведется по разным учебникам, число которых достигает семидесяти. В некоторых из них на историю Великой Отечественной войны отводится всего 5 часов, например: Сталинградскую и Курскую битвы детям предлагается изучить на уроке за 45 минут, а освободительный поход Советской армии предлагается к самостоятельному изучению. Очевидно, что отечественная школа должна опираться в деле гражданского, патриотического и нравственного воспитания на духовные смыслы отечественной культуры, которая неразрывно связана с этническими ценностями национальных культур народов России, традиционными для российского общества религиями. Рассуждать по-другому — на деле означает непротивление злу массовой безликой культуры, антиценностям и разврату, насаждаемым под видом западной модели обучения и воспитания. Сегодня уже достаточно ясны суть и истоки кризиса, охватившего отечественную систему обучения и воспитания.

Во-первых, это кризис целей, поскольку утрачено однозначное представление о человеке, которого мы хотим воспитать.

Во-вторых, кризис мировоззренческий, поскольку всплыли «вечные вопросы» об отношениях человека и общества, индивидуального и социального, жизни и ее смысла.

В-третьих, существует кризис теории воспитания, так как появилось множество воспитательных концепций, большинство из которых научно не разработаны до конца и не обеспечены методологически.

В-четвертых, общество испытывает острый недостаток в компетентных воспитателях, то есть страдает система подготовки воспитателей разных уровней.

Все это привело и продолжает приводить к ряду деструктивных тенденций в духовно-нравственной жизни современного российского общества, а также к тому, что не хватает подготовленных педагогов и воспитателей, способных противостоять тенденции распространения духовного вандализма. Поэтому стремление к духовному совершенству подменяется стремлением к поиску одних лишь телесных удовольствий и наслаждений, развивается нездоровая тенденция предпочтения материальных ценностей духовным. Но это только одна из причин.

Нередки ситуации, когда просыпающаяся в человеке естественная потребность в духовности начинает заменяться суррогатом в виде нездоровой тяги к мис-

тическим культам религиозных сект и оккультизму. Общество сегодня сталкивается с наиболее опасной, особенно для подрастающего поколения, формой духовного вандализма – нравственным дефицитом. Как следствие, у детей и подростков возникают довольно смутные, искаженные представления о таких добродетелях, как доброта, справедливость, милосердие, великодушие, любовь, гражданственность и патриотизм. Духовная опустошенность современных молодых людей нередко толкает их на путь алкоголизма, наркомании, преступного бизнеса, экстремизма и терроризма; а ощущение безысходности и отчаяния приводит к самоубийствам.

Духовность – это продукт воспитания и самовоспитания, обучения и самообразования, основа личности человека, роль ее огромна, и поэтому столь важно как можно раньше ознакомить человека с духовно-нравственными ценностями. Недостаток нравственного воспитания подрастающего поколения составляет одно из величайших зол современного времени, с которым необходимо бороться, иначе человечество дойдет до окончательной гибели и нравственного разложения.

Таким образом, новая и новейшая история российского общества представляет собой противоречивую мозаичную палитру социально-культурных событий: это и освоение рыночных отношений, сопровождавшееся нестабильностью экономики, политическими сложностями, разрушением традиционных идеологических и нравственных устоев, что привело к регрессу гуманности, росту нетерпимости и ожесточению людей, дезинтеграции внутреннего мира личности, появлению различных форм духовного вандализма.

Российское общество на протяжении длительного времени переживало духовно-нравственный кризис, следствием которого стало то, что совокупность ценностных установок, присущих сознанию (в первую очередь детскому и молодежному) во многом деструктивна и разрушительна с точки зрения развития личности, семьи и государства. В обществе начали исчезать представления о высших ценностях и идеалах, оно постепенно становилось ареной необузданного эгоизма и нравственного хаоса. Духовно-нравственный кризис, в свою очередь, усугубил кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере, международных отношениях. В своих геополитических интересах наши противники ставят перед собой цель – дальнейшее ослабление России в мировом сообществе. Ими стимулируется сепаратизм в национальных республиках, насаждаются несвойственные нашему менталитету морально-нравственные ценности, разжигается межэтническая и межконфессиональная вражда. Россия оказалась перед реальной угрозой разрушения национальной самоидентификации, возникли деформации ее культурного и информационного пространства.

Список использованных источников

1. Врачев О.И. Молодежная культура как социальная проблема // Современное общество: методологические проблемы, исследования. Свердловск, 1990. С. 117–126.
2. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании. М., 2006. 145 с.
3. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социс. 2008. № 5. С. 102–108.
4. Бушков А.А. Россия, которой не было: реконструкция всеобщей истории. М., 2003. 421 с.
5. Гареев М.А. Сражения на военно-историческом фронте : сборник статей. М. : Инсан, 2008. 896 с.
6. Уханов В.А. Человек в информационно-техническом мире. Хабаровск, 2009. 436 с.

References

1. Vrachev O.I. Molodezhnaya kul'tura kak social'naya problema // *Sovremennoe obshchestvo*: metodologicheskie problemy, issledovaniya. Sverdlovsk, 1990. S. 117–126.
2. Ushinskij K.D. O npravstvennom ehlemente v russkom vospitanii. M., 2006. 145 s.
3. Lisovskij V.T. Dinamika social'nyh izmenenij (opyt sravnitel'nyh sociologicheskikh issledovanij rossijskoj molodezhi) // *Socis*. 2008. № 5. S. 102–108.
4. Bushkov A.A. Rossiya, kotoroj ne bylo: rekonstrukciya vseobshchej istorii. M., 2003. 421 s.
5. Gareev M.A. Srazheniya na voenno-istoricheskom fronte : sbornik statej. M. : Insan, 2008. 896 s.
6. Uhanov V.A. SHeelovek v informacionno-tehnicheskom mire. Habarovsk, 2009. 436 s.

УДК 34

М.Э.Шейхов

**Некоторые аспекты совершенствования подхода
регионального законодателя к вопросам обеспечения
национальной безопасности**

Статья посвящена вопросам установления на региональном уровне более детальных полномочий для регионального органа исполнительной власти в целях обеспечения национальной безопасности. Полномочия и компетенции исполнительной ветви власти в субъектах РФ практически полностью установлены федеральным законодателем. Однако некоторые субъекты РФ принимают специальные законодательные акты в отношении высшего органа исполнительной власти с более детальным закреплением полномочий в определенных, важных для данного региона, сферах. Практика показывает, что такой подход обеспечивает более пристальное внимание к выделенным законодателем сферам, как среди региональной администрации, так и среди населения данного субъекта РФ. Полагаем необходимым рассмотреть такой подход к одному из субъектов РФ – Республике Дагестан – в отношении сферы обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова и фразы: полномочия органа исполнительной власти субъекта РФ; Правительство Республики Дагестан; вопросы обеспечения национальной безопасности.

M.E.Sheikhov

**Some aspects of Improving the Regional
Legislator's Approach to National Security Issues**

The article is devoted to the establishment of more detailed powers at the regional level for the regional executive body in order to ensure national security. The powers and competencies of the executive branch in the constituent entities of the Russian Federation are almost completely estab-

Шейхов Магомед Энверович, аспирант кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; конт. инф.: sheihovm@list.ru

© Шейхов М.Э., 2018

lished by the federal legislator. However, some constituent entities of the Russian Federation adopt special legislative acts in relation to the highest executive body with a more detailed consolidation of powers in certain areas important for the region. Practice shows that such an approach provides a closer attention to the areas identified by the legislator both among the regional administration and among the population of this constituent entity of the Russian Federation. We think it is necessary to consider such an approach to one of the constituent entities of the Russian Federation - the Republic of Dagestan - in relation to the sphere of ensuring national security.

Key words and phrases: powers of the executive authority of the constituent entity of the Russian Federation, Government of the Republic of Dagestan, issues of ensuring national security.

Высшим органом исполнительной власти в Дагестане является Правительство, которое ответственно перед Главой республики (ст. 17 гл. III Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1] (далее – Закон о региональной власти), статья 84 Конституции Республики Дагестан (далее – Конституция Дагестана).

Глава Республики Дагестан является высшим должностным лицом и возглавляет региональную исполнительную власть (ст. 75 Конституции Дагестана). Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации включают в себя:

- а) представление данного региона в отношениях с федеральной властью, с местной властью, с другими субъектами РФ, во внешнеэкономической сфере;
- б) обнародование/отклонение региональных законов;
- в) формирование/отставка высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и др.

Эксперты отмечают, что закрепление субординационных отношений Главы субъекта РФ с Президентом РФ предполагает организационное и правовое подчинение, однако при этом не означает наличия некоего связующего звена между различными уровнями власти – эти функции выполняются полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах [2]. Также в задачи полномочного представителя входит представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе [3, п. 5].

Таким образом, если на федеральном уровне координацию деятельности по обеспечению национальной безопасности осуществляет Президент РФ, то на региональном уровне главным лицом, отвечающим за обеспечение национальной безопасности, является полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе.

Основные полномочия высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации закреплены в статье 21 Закона о региональной власти и региональных нормативных правовых актах. Объем компетенций, изложенный в статье указанного федерального закона, не носит исчерпывающего характера. Пункт «з» части 2 статьи 21 указывает: «Осуществляет иные полномочия, установленные федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта Российской Федерации, а также соглашениями с федеральными органами исполнительной власти, предусмотренными статьей 78 Конституции Российской Федерации».

Общие полномочия можно сгруппировать следующим образом:

- права, вытекающие из бюджетных правоотношений (разрабатывает проект бюджета, исполняет его, подготавливает отчет о его исполнении);
- права по обеспечению правопорядка на территории субъекта Российской Федерации (осуществляет меры по защите прав и свобод человека, собственности; борьба с преступностью);
- права в социально-экономической сфере (разработка соответствующих программ, управление и распоряжение собственностью региона);
- контроль над деятельностью органов местного самоуправления (вправе предложить муниципальным органам привести в соответствие с законом свои акты либо обжаловать их в суде).

Таким образом, вопросы обеспечения национальной безопасности федеральным законодателем включены в полномочия региональной исполнительной власти в части необходимости следить за правопорядком – обеспечение всех остальных видов национальной безопасности подразумевается в составе формулировки «осуществлять иные полномочия».

Допустимая Конституцией РФ свобода усмотрения федерального законодателя ограничивается рядом принципов, в том числе принципом обеспечения сбалансированности полномочий и интересов Российской Федерации, с одной стороны, и субъектов Российской Федерации – с другой. То есть субъекты РФ обладают определенной самостоятельностью, автономией, но не в ущерб единству системы государственной власти в Российской Федерации (абзац 3 статьи 5; абзац 2 статьи 77; абзац 2 статьи 78 Конституции РФ). Однако, несмотря на возможность самостоятельного расширения компетенции высшего исполнительного органа государственной власти, не все субъекты Российской Федерации пошли по такому пути, ограничившись пересказом или легким уточнением перечня прав, закрепленных в действующем Федеральном законе [2].

Например, в соответствии со ст. 88 Конституции Дагестана Правительство Республики:

- 1) разрабатывает проекты республиканского бюджета и программ социально-экономического развития Дагестана и обеспечивает их исполнение;
- 2) обеспечивает проведение государственной политики по экономическому, социально-культурному развитию республики, в том числе развитие науки, образования, культуры, а также рациональное использование и охрану природных ресурсов;
- 3) управляет республиканской собственностью;
- 4) осуществляет меры по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, а также по обеспечению защиты прав и свобод граждан;
- 5) осуществляет внешнеэкономические связи республики;
- 6) формирует иные органы исполнительной власти Дагестана;
- 7) осуществляет иные полномочия.

То есть региональный законодатель в отношении обеспечения национальной безопасности лишь слегка расширил перечень прав в области безопасности, добавив к вопросам обеспечения правопорядка также сферу общественной безопасности.

Всего же понятие «безопасность» в Конституции Республики Дагестан встречается четыре раза:

- в ст. 16 запрещается создание общественных объединений, деятельность которых направлена на подрыв безопасности государств;
- в ст. 37 установлено право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности;
- ст. 48 устанавливает возможность ограничения прав и свобод человека в целях обеспечения безопасности государства;
- ст. 78 наделяет Главу республики полномочиями по формированию и руководству Советом безопасности Дагестана (данная норма сконструирована аналогично такой же норме в Конституции РФ).

В то же время, например, в Уставе (Основном законе) Саратовской области в статье 60 отрасли и сферы деятельности Правительства области включают в себя, в том числе, и предупреждение чрезвычайных ситуаций и ликвидацию их последствий. Статья 61 наделяет Правительство области, в первую очередь, полномочиями по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью [4].

В Дагестане принят специальный закон о Правительстве региона [5], который более подробно устанавливает компетенции высшего исполнительного органа республики. В частности, ст. 17 указанного закона устанавливает полномочия Правительства Дагестана в сфере определения основных направлений и обеспечения проведения единой государственной политики в области экологической безопасности, ст. 18 определяет полномочия в области обеспечения законности, прав и свобод граждан, правопорядка и безопасности Республики Дагестан. В частности, Правительство Дагестана:

- участвует в разработке и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности личности, общества, государства;
- осуществляет в пределах своих полномочий меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью;
- обеспечивает контроль соблюдения министерствами, иными органами исполнительной власти Республики Дагестан законов и иных нормативных правовых актов;
- принимает меры по развитию и укреплению материально-технической базы правоохранительных органов Республики Дагестан, обеспечению деятельности Конституционного суда Республики Дагестан и мировых судей, систематизации и совершенствованию законодательства Республики Дагестан;
- принимает меры в пределах своей компетенции по обеспечению безопасности Республики Дагестан, осуществляет руководство гражданской обороной Республики Дагестан.

Таким образом, региональным законодателем отдельно выделены такие виды национальной безопасности, как экологическая, общественная безопасность, противодействие терроризму и экстремизму.

Отметим, что в тех субъектах РФ, где приняты специальные законодательные акты в отношении высшего органа исполнительной власти, полномочия в сфере безопасности (а также и в других сферах), в принципе закреплены более детально.

К примеру, к полномочиям кабинета министров Чувашской Республики [6] также отнесены вопросы безопасности дорожного движения (п. 2 ст. 13 Закона о кабинете министров Чувашской республики); охрана общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьба с преступностью (п. 3 ст. 13); осуществление мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций межмуниципального и республиканского характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидации их последствий, реализация мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях (п. 11 ст. 13); организация тушения пожаров (п. 12 ст. 13); проведение единой государственной политики в области обеспечения экологической безопасности (ст. 18); реализация государственной политики в области безопасности личности, общества и государства (ст. 19).

Итак, несмотря на то, что полномочия и компетенции исполнительной ветви власти в регионах практически полностью установлены в федеральном документе и большинство законов субъектов РФ в сфере организации системы исполнительной власти на 2/3 идентичны друг другу [2], некоторые субъекты федерации все-таки вносят в региональное законодательство ключевые вопросы, касающиеся проблем текущего управления на определенной территории, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности.

В данном контексте отметим, что общественная безопасность вынесена отдельным видом в Конституцию Республики Дагестан и в закон об органах исполнительной власти Дагестана. И статистика показывает, что в плане охраны правопорядка ситуация в республике одна из самых благоприятных среди субъектов РФ – Дагестан отличается самыми низкими в России показателями преступности, занимая 83-е место среди 85 российских регионов [7].

Полагаем, что закрепление видов безопасности, наиболее актуальных для данного субъекта, в региональных законодательных актах, устанавливающих права и полномочия высшего должностного лица субъекта РФ и органов исполнительной власти субъекта РФ, свидетельствует о более пристальном внимании власти к указанным сферам, о том, что данные направления безопасности находятся на особом контроле. Это привлекает к указанным сферам более пристальное внимание, как чиновников, так и физических и юридических лиц, поощряя их более тщательно соблюдать соответствующее административное законодательство.

Исходя из показателей социально-экономического и экономико-географического положения Республики Дагестан, для данного уникального региона сегодня и в среднесрочной перспективе могут быть выделены такие виды безопасности, как: приграничная и транспортная безопасность [8; 9; 10], безопасность и качество среды обитания населения Дагестана (особенно – в труднодоступных горных районах) [11], экологическая безопасность и безопасность курортной зоны [12], антикоррупционная [13], социально-экономическая безопасность [14].

Так, например, необходимость выделения социально-экономической безопасности в республике обусловлена действием следующих факторов:

– изношенностью основных фондов в промышленности и сельском хозяйстве, в сфере транспорта; отсутствием в регионе промышленности; недостаточностью финансирования и необходимостью современного материально-технического оснащения таких социально значимых секторов, как здравоохранение и образование;

- высоким уровнем безработицы и низким уровнем жизни населения при сохраняющемся традиционно высоком уровне рождаемости;
- высокой долей дотаций из федерального бюджета, эффективность которых нивелируется коррупцией и расходованием средств на социальные нужды, а не на создание рабочих мест, ремонт дорог и развитие предпринимательства;
- изменением в сознании населения: усилением инертности, пассивности и надежды на помощь сверху.

Одним из последствий действия вышеперечисленных угроз является лидирующее место Дагестана в преступлениях, связанных с оборотом наркотиков в СКФО.

В связи с вышесказанным предлагается изложить абзац 6 ст. 18 Закона Республики Дагестан от 7 июня 2006 г. № 33 «О Правительстве Республики Дагестан» в следующей редакции: «принимает меры в пределах своей компетенции по обеспечению приграничной, транспортной безопасности, безопасности и качества среды обитания населения Дагестана, экологической безопасности и безопасности курортной зоны, антикоррупционной, социально-экономической и иным видам безопасности Республики Дагестан, осуществляет руководство гражданской обороной Республики Дагестан», с целью привлечения к указанным сферам обеспечения безопасности более пристального внимания государственных органов, юридических и физических лиц, побуждая их к более тщательному соблюдению соответствующего административного законодательства.

Список использованных источников

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 30 октября 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
2. Романовский Г.Б. Система органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации: проблемы организации и функционирования // Ежегодник Центра публично-правовых исследований, 2018. Т. 3. // СПС «КонсультантПлюс».
3. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе : указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 (ред. от 19 июля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.
4. Устав (Основной закон) Саратовской области : закон Саратовской области от 02 июня 2005 г. № 46-ЗСО // Принят Саратовской Думой 24.05.2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. О Правительстве Республики Дагестан : закон Республики Дагестан от 07 июня 2006 г. № 33 // СПС «КонсультантПлюс».
6. О кабинете министров Чувашской Республики : закон Чувашской Республики от 30 апреля 2002 г. № 13 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Статистика ГКС: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.03.2018).
8. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М. : Юрайт, 2011. 479 с.
9. Ильичев И.Е. Конкурентные преимущества и безопасность приграничных регионов России [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konkurentnye-preimuschestva-i-bezopasnost-prigranichnyh-regionov-rossii#ixzz4Z2L6Yiiq> (дата обращения: 20.02.2018).
10. Родачин В.М. Национальные интересы России и их защита в пограничном пространстве // Право и безопасность. 2013. № 3–4. С. 74–79.

11. Государственная программа «Социально-экономическое развитие горных территорий Республики Дагестан» // Постановление правительства Республики Дагестан от 19 декабря 2014 г. № 642 «Об утверждении перечня государственных программ Республики Дагестан» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Вишняков В.Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 27–39.

13. Ростокинский А.В. Неудобные вопросы авторам Концепции общественной безопасности в Российской Федерации // Российский следователь. 2014. № 6. С. 40–43.

14. Государственная программа Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского Федерального округа» на период до 2025 г. // Утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 309 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 06 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ (red. ot 30 oktyabrya 2017 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. № 42. St. 5005.

2. Romanovskij G.B. Sistema organov ispolnitel'noj vlasti v sub"ektah Rossijskoj Federacii: problemy organizacii i funkcionirovaniya // Ezhegodnik Centra publichno-pravovyh issledovanij, 2018. T. 3. // SPS «Konsul'tantPlyus».

3. O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nom okruge : ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2000 g. № 849 (red. ot 19 iyulya 2017 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 20. St. 2112.

4. Ustav (Osnovnoj Zakon) Saratovskoj oblasti : zakon Saratovskoj oblasti ot 02 iyunya 2005 g. № 46-ZSO // Prinyat Saratovskoj Dumoj 24.05.2005 g. // SPS «Konsul'tantPlyus».

5. O Pravitel'stve Respubliki Dagestan : zakon Respubliki Dagestan ot 07 iyunya 2006 g. № 33 // SPS «Konsul'tantPlyus».

6. O kabinete ministrov CHuvashskoj Respubliki : zakon CHuvashskoj Respubliki ot 30 aprelya 2002 g. № 13 // SPS «Konsul'tantPlyus».

7. Statistika GKS: Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2016 // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (data obrashcheniya: 15.03.2018).

8. Gadzhiev K.S. Geopolitika Kavkaza. M. : YUrajt, 2011. 479 s.

9. Il'ichev I.E. Konkurentnye preimushchestva i bezopasnost' prigranichnyh regionov Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konkurentnye-preimuschestva-i-bezopasnost-prigranichnyh-regionov-rossii#ixzz4Z2L6Yiiq> (data obrashcheniya: 02.20.2018).

10. Rodachin V.M. Nacional'nye interesy Rossii i ih zashchita v pogranichnom prostranstve // Pravo i bezopasnost'. 2013. № 3–4. S. 74–79.

11. Gosudarstvennaya programma «Social'no-ehkonomichesкое razvitie gornyh territorij Respubliki Dagestan» // Postanovlenie pravitel'stva Respubliki Dagestan ot 19 dekabrya 2014 g. № 642 «Ob utverzhdanii perechnya gosudarstvennyh programm Respubliki Dagestan» // SPS «Konsul'tantPlyus».

12. Vishnyakov V.G. O metodologicheskikh osnovah pravovogo regulirovaniya problem bezopasnosti Rossijskoj Federacii // ZHurnal rossijskogo prava. 2015. № 9. S. 27–39.

13. Rostokinskij A.V. Neudobnye voprosy avtoram Konceptii obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 6. S. 40–43.

14. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Razvitie Severo-Kavkazskogo Federal'nogo okruga» na period do 2025 g. // Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 309 // SPS «Konsul'tantPlyus».

ЛЮДИ И ДАТЫ

К 100-летию Республики Башкортостан

УДК 340

С.М.Емелин, С.Х.Хакимов

Историко-правовые аспекты деятельности уфимских полицмейстеров в XIX–начале XX веков

В статье на основе архивных и опубликованных источников представлены исторические условия, правовые и организационные основы деятельности полицейских структур на территории города Уфы в XIX–начале XX веков. Приводятся данные о ходе образования полицейских подразделений, штатах городской полиции, обслуживаемых территориях, уровне дежурного содержания полицейских. Сообщаются сведения об уфимских полицмейстерах, формах морального и материального поощрения их работы. Дается анализ проводимой работы по основным направлениям обеспечения правопорядка.

Ключевые слова и фразы: Уфимская губерния; полиция; полицмейстер; частный пристав; городничий; городской; полицейский надзиратель; историко-правовые аспекты деятельности.

S.M.Emelin, S.Kh.Khakimov

Historical and Legal Aspects of the Activity of Ufa Police Chiefs in the 19th and Early 20th Century

Based on archival and published sources, the article presents the historical conditions, legal and organizational bases for the activities of police structures in the city of Ufa in the 19th and early 20th centuries. It provides the data on the formation of police units, personnel of the city police, controlled territories and the level of financial support for police officers. The information about Ufa

Емелин Сергей Михайлович, начальник управления кадрового и правового обеспечения Уфимского федерального исследовательского центра РАН (УФИЦ РАН), заведующий кафедрой регионального права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: emelin_sm@mail.ru

Хакимов Салават Хазибович, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: khakimov72@yandex.ru

© Емелин С.М., Хакимов С.Х., 2018

chiefs of police as well as the forms of moral and material incentives for their work is reported. The analysis of the work carried out in the main areas of law enforcement is given.

Key words and phrases: Ufa province, police, police chief, private bailiff, governor, policeman, police supervisor, historical and legal aspects of activity.

Функция обеспечения правопорядка и общественной безопасности издавна входила в круг первоочередных обязанностей государства и его территориальных органов управления. На местах данная работа была организована по административно-территориальному принципу. Со временем профессионализация полицейской службы и структурирование выполняемых ими задач сформировали полицейские структуры, отвечавшие потребностям общества в государственной защите.

Административный статус г. Уфы со времени основания многократно подвергался изменениям. В конце XVI и XVII вв. город был центром управления Уфимского уезда, с 1715 г. – административным центром Уфимской провинции, а с 1781 г. – центром Уфимского наместничества [1, с. 179]. С 1802 по 1866 гг. Уфа являлась административным центром обширной Оренбургской губернии и резиденцией Оренбургского гражданского губернатора, а с 1865 г., после ее разделения на две самостоятельные губернии – Оренбургскую и Уфимскую – город стал столицей последней. Территория нашего края тогда составляла 118697 квадратных километров с населением 1291018 чел. Губерния в административном отношении делилась на 6 уездов: Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский и Уфимский. В шести городах губернии проживало 51516 чел., которые составляли 1/25 часть населения края. В г. Уфе проживало 20148 чел. (или 39 % всего городского населения).

Впервые должность частного пристава городской полиции была введена согласно «Уставу Благочиния или полицейскому» на основании Указа, подписанного императрицей Екатериной II 8 апреля 1782 г. Это первый в российской истории развернутый законодательный акт, посвященный полиции, который определял структуру и подробно устанавливал ее обязанности. Данный документ положил начало новой отрасли права – полицейскому праву, из которого впоследствии выделились уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное отрасли права.

Согласно Уставу город в полицейском отношении делился на части, объединяющие в себе от 200 до 700 дворов. Во главе каждой из такой части назначался частный пристав, на которого возлагались основные полицейские обязанности. Он подчинялся управе благочиния как коллегиальному органу, утверждался, как правило, губернатором. Частный пристав являлся организатором практического исполнения большей части дел, возложенных на полицию, решений судов, подготовки ответов на запросы учреждений разных ведомств, касающихся проживающего на территории населения. Он также нес персональную ответственность за состояние порядка и общественного спокойствия на своей территории.

В соответствии со штатами Уфимского наместничества в 1782 году в городах предусматривалось введение должностей городничих. Известно, что в 1798 году Уфимским городничим служил надворный советник Е.И.Павлов [1, с. 191]. С 1 января 1802 г. должности городничих были предусмотрены для губернского и 9 уездных городов, в том числе и для Уфы [2].

Официальной датой образования полиции г. Уфы является 14 июля 1816 г., когда был подписан указ об утверждении штатов полиции г. Уфы [3]. В документе отмечалось: «Комитет, дабы облегчить жителей города Уфы, потерпевших разорение от

пожара, и не отяготить вместе с тем обывателей, несущих земские повинности, таким расходом, который вовсе до земских повинностей не относится, полагал: содержание Полиции в одном городе Уфе принять на счет казны, а прочих городах оставить на прежнем основании; предоставить Главнокомандующему в Санкт-Петербурге о сумме потребной на Полицию в Уфе, известить Министра Финансов» [3, л. 937].

Согласно штатам Уфимскую полицию вместо городничего должен был возглавлять полицмейстер с окладом в 500 руб. в год, что уже поднимало статус городской полиции [3, л. 937]. У него в подчинении были 3 частных пристава с годовым содержанием по 200 руб. каждый. При полиции и в частях предполагались должности 12 полицейских служителей с окладом по 75 рублей в год. В городе устанавливалось 15 полицейских будок по 3 человека в каждой, всего 45 человек с окладом в 45 руб. в год. В штаты были включены должность брандмейстера (150 руб.) и 2 его помощников (по 75 руб.). Таким образом, в Уфимской полиции было задействовано 67 человек с содержанием из казны 7260 руб. в год. Кроме того, дополнительно выделялось 150 руб. на ремонт пожарных инструментов и 5575 руб. единовременной выплаты для обустройства [3, л.100–101]. Приведем сведения о тех, кто возглавлял полицию г. Уфы (см. табл.).

Уфимские полицмейстеры (начальники Уфимской полиции) в XIX–XX веках

№	ФИО	Звание, классный чин	Годы замещения должности
1	Сергеев Сергей Степанович	капитан	31 июля 1816–1825
2	Соколов Лев Васильевич	майор	1825–?*
3	Груздников Ф.П.	поручик	1843
4	Сысоев Николай Алексеевич	коллежский асессор	1863–1869
5	Давлетшин Абдул-Вали Абдуллинович	майор	1872–1875
6	Мистров Александр Егорович	губернский секретарь	22 сентября 1876–1879
7	Соколов Д.Е.	*	25 июля 1879–1883
8	Панфилов Павел Борисович	*	1883–1889
9	Макаровский Николай Николаевич	надворный советник	1889–1894
10	Смирнов Федор Тимофеевич	коллежский асессор	1894–1903
11	Бухартовский Генрих Генрихович	надворный советник	1903–1911
12	Шамлевич Серафим Алексеевич	надворный советник	12 сентября 1912–1917

* – нет данных

Министром полиции Российской империи С.К.Вязмитиновым (с 1794 г. по 1796 г. являлся генерал-губернатором Уфимского наместничества [4, с. 117]) 31 июля 1816 г. был подписан приказ, в котором отмечалось: «Уфимского городничего штабс-капитана Готовцева согласно прошению его за болезнью и представления Оренбургского военного губернатора уволить от настоящей должности и на место его по удостоянию комитета в день 18 августа 1814 года определить уволенного от военной службы за ранения в последнюю войну полученными, капитана Кременчугского пехотного полка Сергеева» [3, д.116, л. 36]. Таким образом, первым уфимским полицмейстером стал капитан Сергеев Сергей Степанович, утвержденный в этой должности 2 апреля 1817 года [5].

С.С.Сергеев родился в 1776 году, он выходец из солдатской семьи из г. Риги. В 1793 г. начал военную службу рядовым солдатом Таврического гренадерского полка. Принимал участие в составе войск антифранцузской коалиции 1798–1799 гг., участвовал в боях на территории Голландии, в 1805–1806 гг. – в Австрии и Пруссии, закончил войну в чине прапорщика. Воевал в сражениях Отечественной войны 1812 г. В боях под Витебском и Смоленском проявил себя бесстрашным командиром, лично взял в плен одного офицера и 11 рядовых солдат неприятеля, за что приказом генерала М.А.Барклая-де-Толли ему было досрочно присвоено воинское звание штабс-капитана. С.С.Сергеев в Бородинском сражении был ранен в плечо и за проявленное мужество и героизм награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» [6, с. 33–34].

Для усиления надзора за благонадежностью жителей город делился на три полицейские части со «съезжим домом» в каждой, а часть – на кварталы. В каждую часть назначались полицейские приставы и квартальные надзиратели. По штату 1816 г. городская полиция состояла из 3 частных приставов, 3 квартальных надзирателей и полицейской команды в составе унтер-офицера и 33 рядовых, 11 кадетов и 43 будочников [7, с. 76].

Вместе со штатами Уфимской полиции были представлены чертежи съезжих для построения во 2-й и 3-й частях города, подготовленные оренбургским губернским архитектором Трофимовым и полицмейстером Сергеевым [8, л. 90–91].

В 1825 г. на должность уфимского полицмейстера был приглашен из г. Оренбурга майор Лев Васильевич Соколов, 39 лет от роду, из дворян. В его формулярном деле отмечается, что он получил домашнее образование, в 1803 г. вступил юнкером в Оренбургский драгунский полк, участник Отечественной войны 1812 г., дважды ранен, награжден орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени и серебряной медалью в память 1812 г. [5].

По данным за 1843 год, уфимским полицмейстером служил поручик Ф.П.Груздников. Частным приставом 1-го участка являлся поручик А.Я.Лебедев, 2-го – титулярный советник П.И.Тарасов, 3-го – губернский секретарь Н.И.Барс. Квартальными надзирателями служили С.К.Каловский, М.С.Шевчуков, А.М.Савинский.

Дальнейшее формирование полицейских подразделений проходило на основании «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах, по общему учреждению управляемых», утвержденных императором Александром II 25 декабря 1862 г. Согласно данному нормативному акту 18 мая 1863 г. Указом оренбургского генерал-губернатора А.А.Безака были утверждены штаты Уфимского городского полицейского

управления, которые состояли из 14 сотрудников: 1 полицмейстер, 1 секретарь, 1 столоначальник, 3 пристава, 3 помощника приставов, 1 перевозчик и 4 писца.

Руководителем городской полиции был назначен коллежский асессор Николай Алексеевич Сысоев, выходец из семьи офицера. После окончания Оренбургской губернской гимназии продолжительное время работал в Оренбургском губернском правлении, где дослужился до старшего чиновника по особым поручениям. За безупречную службу был награжден Императорским коронным украшением, орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени и медалью в память войны 1853–1856 гг. на Владимирской ленте. Он исполнял должность уфимского полицмейстера в течение шести лет до 1869 г. [12, д. 3, л. 44 – 5].

В 1872–1875 гг. полицмейстерскую должность в Уфе исполнял майор Абдул-Вали Абдуллинович Давлетшин, сын начальника I Башкирского кантона Абдуллы Давлетшина. В 1851 г. он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, получив за отличную учебу денежное вознаграждение в сумме 24 руб. 42 ³/₄ коп. серебром [9, с. 91–94]. В последующем был направлен в канцелярию оренбургского и самарского генерал-губернатора для письменных работ, затем работал помощником столоначальника в канцелярии командующего башкирского войска. С 1864 г. выполнял обязанности заместителя начальника Стерлитамакского и Белебеевского уездных полицейских управлений. Был награжден бронзовой медалью в память о войне 1853–1856 гг. на Владимирской ленте. А.А.Давлетшин обладал большими организаторскими способностями. При нем было завершено строительство нового двухэтажного каменного здания городского полицейского управления, которое обошлось казне в 28 тысяч рублей [10, с. 17]. Был женат на дочери зауряд-хорунжего Резяпова – Биби-фарис, воспитывал дочь.

Его родной брат – Абдулгазиз, 1861 года рождения, сделал еще более блестящую карьеру. Получив образование в Павловском военном училище и Николаевской академии Генерального штаба, дослужился до звания генерал-майора и в 1917 г. возглавил Азиатскую часть Главного штаба Военного министерства. В качестве ее представителя принимал участие в работе аттестационных и экзаменационных комиссий Ташкентской офицерской школы восточных языков [11, с. 12–16].

Двадцать второго сентября 1876 г. на должность руководителя Уфимской городской полиции был назначен 28-летний Александр Егорович Мистров, губернский секретарь (чин 12 класса), из обер-офицерских детей. В его формулярном списке отмечено: «По окончании курса наук в Бобровском уездном училище в службу вступил в штат чиновников канцелярии Воронежского губернатора, писцом 2 разряда». С 1872 г. до назначения в г. Уфу служил помощником пристава, приставом в г. Воронеже [12, д. 7, л. 250–252].

Непродолжительное время должность уфимского полицмейстера исполнял Д.Е.Соколов. Выходец из семьи священника, он после окончания в 1864 г. Уфимского уездного училища начал работать канцелярским служителем в правлении Уфимского губернского правления, впоследствии занимал должность секретаря Уфимского уездного суда. С 1871 года служил помощником пристава, приставом 5-го стана Мензелинского уезда. 25 июля 1879 года был назначен на должность уфимского полицмейстера. За безупречную службу был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени [12, д. 12, л. 4–5].

Павел Борисович Панфилов служил полицмейстером в 1883–1889 гг. По его личной инициативе на средства благотворительных лиц в 1885 г. был учрежден детский приют, куда были помещены мальчишки-сироты [13, с. 113].

В 1889–1894 гг. во главе Уфимской полиции стоял надворный советник Николай Николаевич Макаровский, представитель дворянского сословия. После окончания в 1876 г. Самарской прогимназии был зачислен в штат Самарского губернского правления писцом 1 разряда. Через год был назначен помощником пристава г. Самары. С 1877 года служил приставом 4-го стана Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, приставом 1 части г. Уфы, помощником Бирского уездного исправника. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени. Был женат на Ольге Павловне Катковой. Воспитывал 8 детей [14, л. 12–16].

В 1894–1903 гг. уфимским полицмейстером работал коллежский асессор Федор Тимофеевич Смирнов, из семьи священника. После окончания Белозерского духовного училища был направлен в Уфимское губернское правление на должность канцелярского служителя. Как видно из его формулярного списка, до 6 июня 1887 г. находился в штате канцелярии губернатора [15, л. 1–6]. В последующем выполнял обязанности полицейского надзирателя г. Белебея, смотрителя Белебеевского тюремного замка; пристава 1 части г. Уфы и т. д. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Приказом Министра внутренних дел от 19 марта 1897 г. за труды по первой всеобщей переписи населения был отмечен медалью, ему также была «объявлена высочайшая благодарность» [15, л. 5].

С 1903 г. по 1911 г. Уфимским полицмейстером являлся надворный советник Генрих Генрихович Бухартовский [12, д. 85, л. 5.]. Он был переведен с прежнего места службы в г. Семипалатинске после убийства уфимского губернатора Н.М.Богдановича и последовавшей вслед за этим отставкой прежнего полицмейстера. Полицмейстер Г.Г.Бухартовский, так же, как и новый губернатор А.С.Ключарев, уделял много внимания обустройству г. Уфы. По его инициативе был создан сквер Народной трезвости, впоследствии парк на Солдатском озере (ныне парк им. И.Якутова). Он занимался финансированием строительства известного Аксаковского народного дома (ныне Башкирский театр оперы и балета). Полицмейстер запустил целую систему сбора пожертвований с местных жителей, в которой были задействованы практически все полицейские чины губернии от городских до приставов и околоточных. Каждый из них получил строжайшее указание собрать не менее 10 рублей для строительства Аксаковского дома. Любыми путями, вплоть до добровольно-принудительного распространения специально изданной брошюры по сумасшедшей для того времени цене – в один целковый.

После того, как А.С.Ключарев ушел на должность губернатора Симбирской губернии [16, л. 60], завершилась и карьера Г.Г.Бухартовского. Новые власти начали даже специальное расследование в отношении бывшего полицмейстера. Ему вменялись, в частности, опека публичных домов губернии и сбор дани с их содержателей. Однако затем следствие прекратили, а сам Бухартовский был приглашен преподавать во вновь открытую в городе школу полицейских урядников. После революции он был арестован, но избежал казни, и в 1924 г. отпущен из тюрьмы по болезни. Свои дни он закончил в лоне семьи на свободе.

Пятого мая 1911 г. в Уфу прибыл новый губернатор действительный статский советник Петр Петрович Башилов, который до этого руководил Новгородской

губернией. Рьяно взявшись за дело, новый губернатор инициировал сбор сведений о злоупотреблениях полиции в период губернаторства своего предшественника. Уфимская городская полиция подверглась всесторонней ревизии. Была создана специальная комиссия под руководством вице-губернатора графа А.Г.Толстого. В ходе расследования выявились многочисленные факты нарушений и злоупотреблений со стороны чинов полиции. Так, в материалах проверки от 25 июля 1911 г. по поручению губернатора чиновники по особым поручениям Подобедов и Терегулов при допросе бывшего городского 2 участка г. Уфы И.М.Волкова, служившего с 1908 г. по май 1911 г., установили, что «приставом Аристовым ежемесячно раздавались околоточным надзирателям и городским участка квитанционные книжки, с условием, чтобы по ним были собраны пожертвования к известному определенному сроку...». Затем приставом Аристовым, надо думать – по поручению полицмейстера Бухартовского, был издан приказ, о том, чтобы задерживали невзнузданных лошадей и владельцев их, по доставлению в участок, под угрозой составить протокол заставляли жертвовать на Аксаковский дом» [17, л. 126–127]. В материалах имеется много других фактов, компрометирующих полицмейстера и его аппарат: о поборах с горожан, владельцев лавок и постоянных дворов на приобретение кареты скорой помощи, на открытие типографии при городской полиции, на устройство новогодней елки для чинов полиции и т. д. [17, л. 127–128].

12 сентября 1912 г. Уфимским полицмейстером был назначен надворный советник Серафим Алексеевич Шамлевич, служивший до Февральской революции 1917 г., после чего должность была упразднена.

За 1864–1916 гг. численность населения г. Уфы выросла с 20149 до 109956 чел. (или более чем в 5 раз). Соответственно с 3 до 5 увеличилось число административно-полицейских участков. Был пересмотрен количественный состав улиц и кварталов, входящих в тот или иной участок.

В 1913 г. в пяти полицейских участках г. Уфы служили 5 приставов, 5 их помощников, 5 письмоводителей, 16 околоточных надзирателей и 160 городских. Всего численность Уфимской полиции, включая состав городского полицейского управления, насчитывала 196 человек [18, с. 46].

Приставы и их помощники были грамотными людьми, и, как правило, заканчивали городские четырехклассные училища и имели немалый стаж практической работы. Архивные документы свидетельствуют, что они так же, как и их подчиненные, добросовестно выполняли свой служебный долг, нередко рискуя жизнью.

Примером преданности избранному делу могут служить материалы из личного дела пристава 2-го участка г. Уфы Ивана Федоровича Андреева. Он родился 26 мая 1876 г. в г. Уфе, происходил из мещанского сословия. В 1891 г. окончил полный курс Уфимского уездного училища. Первый опыт практической работы получил в Уфимской уездной земской управе. Принимал активное участие в переписи населения Российской империи 1897 г., за что был награжден медалью для ношения на груди на ленте из государственных цветов. Вскоре молодого сотрудника приглашают в штат канцелярии уфимского губернатора, где он занимался организацией взысканий городских сборов и недоимок. 6 июня 1902 г. И.Ф.Андреев начинает службу в Златоустовском полицейском управлении в должности околоточного надзирателя. Приказом уфимского губернатора ему объявляется благодарность за проявленную бдительность и поддержание порядка в числе других сотрудников по

случаю пребывания императора Николая II в губернии с 29 по 30 июня 1904 г. 10 октября 1904 г. он назначается заведующим конной полицейской команды и розыскным отделением Уфимского полицейского управления, с находящимися при нем антропологическим бюро, фотографией и типографией. Ему было тогда 28 лет. С 1904 г. по 1906 г. был 6 раз поощрен приказами губернатора за выполнение особо важных поручений, «за усердие, любовь к делу», – отмечается в приказе [19, л. 34, 34об, 35–37].

И вот, 22 сентября 1907 г. за задержание двух вооруженных преступников мужественный пристав был представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1910 г. И.Ф.Андреев командирован в Бирский уезд в село Николо-Березовку по случаю пребывания там с 18 по 21 июля 1910 г. Ее Императорского Высочества княгини Елизаветы Федоровны. За обеспечение безопасности и порядка в период пребывания ее особы он также был поощрен губернатором, а от великой княгини получил в подарок ее портрет за собственноручной подписью [19, л. 36].

Дальнейшая судьба пристава Андреева была далеко не простой. Очевидно, не всех устраивала его честность и порядочность при выполнении служебного долга. В 1912 г. его отстраняют от служебных обязанностей в связи с возбуждением против него уголовного дела и взятия под стражу. 11 апреля 1912 г. он вновь приступает к своей работе. Вчитываясь в сухие строчки архивных документов, действительно перед нами предстает человек с удивительно сильным характером, преданный своему делу. Вот некоторые выдержки из формулярного списка И.Ф.Андреева: «Приказом Уфимского губернатора от 27 ноября 1912 года за № 37, объявлена благодарность за энергичный и умелый розыск злоумышленников и обнаружение похищенных ими у крестьянина Василия Копалова денег. Приказом уфимского губернатора от 13 февраля 1914 г. за № 25 объявлена благодарности губернскому начальству за честное исполнение служебных обязанностей, выразившееся в отказе от взятки в сумме 15 рублей, предложенной ему торговцем Шамсутдином Давлетбаевым». Аналогичным приказом от 18 ноября 1915 г. за № 126 ему объявлена благодарности губернскому начальству «за честное исполнение служебного долга, выразившееся в отказе от взятки в сумме 100 руб., предложенной мещанином г. Уфы Хабибуллой Губайдуллиным». Приказом от 19 марта 1916 года за № 744 объявлена благодарности губернскому начальству за умелые и энергичные действия при раскрытии шайки воров, действовавшей в г. Уфе, и розыске похищенного.

Таких поощрений у пристава за 27-летний период службы в системе МВД более двух десятков [19, л. 37]. Приказом губернского комиссара Временного правительства от 13 апреля 1917 г. о расформировании полиции И.Ф.Андреев был уволен со службы. В момент увольнения ему был 41 год. В дальнейшем работал в Уфимской губернской ЧК. В шестом томе «Книги памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» имеется короткая информация: «Андреев Иван Федорович, 1876 г.р., место рождения г. Уфа, русский, член ВКП (б), образование среднее, Уфимское губернское ЧК, секретарь отделения, арестован 01.03.19 г., осужден к высшей мере наказания, расстрелян 26.03.19 г., реабилитирован 27.02.2003 г.» [20, с. 35].

Таким образом, в Уфимской губернии в XIX–начале XX вв. активно развивались подразделения полиции, которые непосредственно занимались обеспечением правопорядка и общественной безопасности. Важную роль в совершенствовании

данной работы и повышении статуса полицейской службы играл созданный в первой четверти XIX века институт полицмейстеров. Просуществовавший более 100 лет, этот институт, безусловно, имел большое значение в решении не только узкопрофессиональных, но и других задач, в том числе управленческого и экономического характера. Документы свидетельствуют, что во главе полиции стояли люди незаурядные, преданные своему служебному долгу, достойно выполнявшие возложенные на них обязанности.

Традиции полицейской службы, заложенные в эти годы, ее принципы и героика не были утрачены, впоследствии они получили свое дополнение и развитие в работе советской милиции и современной полиции Республики Башкортостан. Сотрудники вписали много славных страниц в историю края и всей страны [21]. История полицейской службы в целом и в Башкортостане в частности многоаспектна. Значительная часть страниц этой истории благодаря исследователям стала достоянием общественности, какая-то часть еще только изучается, а что-то еще ждет своего рассмотрения. Большое значение в устранении «белых пятен» этой истории имеют поиск, систематизация и опубликование документов, отражающих работу правоохранительных органов региона [22; 23]. Эти документы не только облегчают труд ученых, но и дают возможность всем, интересующимся историей края, самим, без чужих интерпретаций, прикоснуться к документальным свидетельствам этой истории.

Список использованных источников

1. Гвоздикова И.М. История города Уфы (по страницам одной рукописи) // Ватандаш. 1999. № 1. С. 178–193.
2. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20099.
3. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. № 26355.
4. Губернский служебник или список генерал-губернаторам, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах (губерниях) (1777–1796) / сост. Н. Туркестанов. СПб., 1899. 143 с.
5. НАРБ. Ф. И-1 Оп. 1. Д. 402.
6. Хакимов С. Х. Формирование института частных приставов на Южном Урале XVIII–XIX вв. // Археография Южного Урала: исторический опыт как ресурс модернизаций : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Уфа. 14 октября, 2011 г. Уфа : УНЦ РАН, 2011. 240 с.
7. История Уфы. Краткий исторический очерк. Уфа : Китап, 1981. 608 с.
8. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292.
9. Хакимов С.Х. Полицейстеры пореформенной Уфы // Вестник Уфимского юридического института. Уфа, 1999. № 5. С. 91–94.
10. Вестник Уфимского земства. Вып. 4. Уфа, 1881. 104 с.
11. Хакимов С.Х. Во главе азиатской части Главного штаба военного министерства Российской Империи (штрихи к портрету генерал-майора А.А. Давлетшина) // Вестник УЮИ МВД России. 2015. № 4 (70). С. 12–16.
12. НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 7.
13. Благотворительные учреждения России. СПб., 1912. 248 с.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1891. Д. 1544.
15. НАРБ. Ф. И-11. Оп. 3. Д. 3.
16. НАРБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1313.
17. НАРБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1528.
18. Адрес-календарь Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1913. 369 с.

19. НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1055.
20. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2006. 275 с.
21. Дела и люди. Альманах : сборник материалов о сотрудниках башкирской милиции. М., 2013. 39 с.
22. Уфимское губернское жандармское управление 1873–1917. Документы и материалы / авт.-сост. Г.В. Мордвинцев и др. ; рук. В.П. Федашин. Уфа : Полиграфдизайн, 2012. 548 с.
23. Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922) : сборник документов и материалов : в 3 ч. / Г.В. Мордвинцев (рук.) и др. Уфа : Альфа-реклама, 2016. 648 с.

References

1. Gvozdikova I.M. Istoriya goroda Ufy (po stranicam odnoj rukopisi) // *Vatandash*. 1999. № 1. S. 178–193.
2. PSZRI. *Sobr.* 1. T. XXVII. № 20099.
3. PSZRI. *Sobr.* 2. T. XXXIII. № 26355.
4. Gubernskij sluzhebnyk ili spisok general-gubernatoram, poruchikam pravatelya, predsedatelyam ugovolnoj i grazhdanskoj palat i dvoryanskim predvoditelyam v 47 namestnichestvah (guberniyah) (1777–1796) / sost. N. Turkestanov. SPb., 1899. 143 s.
5. НАРБ. Ф. I-1 Оп. 1. Д. 402.
6. Hakimov S. H. Formirovanie instituta chastnyh pristavov na YUzhnom Urale XVIII–XIX vv. // *Arheografiya YUzhnogo Urala: istoricheskij opyt kak resurs modernizacij : materialy XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ufa. 14 oktyabrya, 2011 g. Ufa : UNC RAN, 2011. 240 s.
7. *Istoriya Ufy. Kratkij istoricheskij ocherk*. Ufa : Kitap, 1981. 608 s.
8. RGIA. F. 1286. Op. 2. D. 292.
9. Hakimov S.X. Policmejstery poreformennoj Ufy // *Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta*. Ufa, 1999. № 5. S. 91–94.
10. *Vestnik Ufimskogo zemstva*. Vyp. 4. Ufa, 1881. 104 s.
11. Hakimov S.H. Vo glave aziatskoj chasti Glavnogo shtaba voennogo ministerstva Rossijskoj Imperii (shtrihi k portretu general-majora A.A. Davletshina) // *Vestnik UYUI MVD Rossii*. 2015. № 4 (70). S. 12–16.
12. НАРБ. Ф. I-9. Оп. 2. Д. 7.
13. *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Rossii*. SPb., 1912. 248 s.
14. GARF. F. 102. Op. 1891. D. 1544.
15. НАРБ. Ф. I-11. Оп. 3. Д. 3.
16. НАРБ. Ф. I-11. Оп. 1. Д. 1313.
17. НАРБ. Ф. I-11. Оп. 1. Д. 1528.
18. *Adres-kalendar' Ufimskoj gubernii za 1913 god*. Ufa, 1913. 369 s.
19. НАРБ. Ф. I-9. Оп. 1. Д. 1055.
20. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2006. 275 с.
21. Дела и люди. Альманах : сборник материалов о сотрудниках башкирской милиции. М., 2013. 39 с.
22. Уфимское губернское жандармское управление 1873–1917. Документы и материалы / авт.-сост. Г.В. Мордвинцев и др. ; рук. В.П. Федашин. Уфа : Полиграфдизайн, 2012. 548 с.
23. *Pravoohranitel'nye organy Ufimskoj gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922) : sbornik dokumentov i materialov : v 3 ch.* / G.V. Mordvincev (рук.) i dr. Ufa : Al'fa-reklama, 2016. 648 s.

УДК 297:994 (470.57)

С.М.Исхаков

**Представители мусульманских народов Европейской России,
Сибири и Центральной Азии
на Государственном совещании в Уфе (1918 г.)**

В статье анализируется политика защиты интересов мусульманских народов Временного Сибирского правительства и Комитета членов Учредительного собрания по отношению к мусульманским народам России. Созданное на Уфимском совещании Временное Всероссийское правительство своими решениями в части самоуправления коренного населения оттолкнуло от себя мусульманские народы, привело к раздроблению антибольшевистских сил.

Ключевые слова и фразы: Временное Сибирское правительство; мусульманская фракция Комитета членов Учредительного собрания; Уфимское совещание; мусульманские народы.

S.M.Iskhakov

**Representatives of Muslim Peoples of European Russia, Siberia and
Central Asia at the State Conference in Ufa (1918)**

The article analyzes the policy of protecting the interests of Muslim peoples of the Provisional Siberian Government and the Committee of Members of the Constituent Assembly in relation to Muslim peoples of Russia. The Provisional All-Russian Government, created at Ufa meeting alienated Muslim peoples and led to the fragmentation of anti-Bolshevik forces by its decisions regarding the self-government of the indigenous population.

Key words and phrases: Provisional Siberian government, Muslim faction of the Committee of members of the Constituent Assembly, Ufa meeting, Muslim peoples.

В ожесточенном противоборстве в ходе гражданской войны в 1917–1920 гг. решался вопрос о том, каким путем пойдет бывшая Российская империя. Развернувшись, прежде всего, в регионах с преобладающим нерусским населением, эта война превратила национальный и религиозный факторы в важный инструмент борьбы различных сил за власть. Вместе с тем эти факторы оказали существенное влияние на идеологию и политику противоборствующих сил, в том числе в Поволжье, на Урале, в Сибири, в Центральной Азии. Ситуация на этих территориях была чрезвычайно сложна, противоречива и запутана, она таит в себе немало важных, но нераскрытых до сих пор и неизученных глубоко исторических сюжетов, что сказывается на уровне как освещения гражданской войны, так и анализа тюркско-мусульманского фактора, сыгравшего заметную роль в военных успехах противных сторон.

Исхаков Салават Мидхатович, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, г. Москва; конт. инф.: rusrevref@mail.ru

© Исхаков С.М., 2018

К лету 1918 г. на территории бывшей империи появились различные правительства, в том числе Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре и Временное Сибирское правительство в Омске. Как отнеслись самарские и омские политики к интересам мусульманских народов? Одним из первых решений Комуча был приказ № 13 от 13 июня 1918 г., по которому власти «ни в какие дела церковные вмешиваться не должны впредь до разрешения церковного вопроса в общегосударственном масштабе» [1], что означало, что самарские политики признали, в частности, религиозную автономию мусульман, их право на самостоятельное устройство своей религиозной жизни, без какого-либо участия светской власти. Председатель Комуча эсер В.К.Вольский впоследствии констатировал: «С членами Учредительного собрания мусульманами... легко было достигнуто глубокое соглашение, которое привело к полному единству...». В целях защиты интересов «национальностей» 22 июля 1918 г. при Комуче был создан специальный отдел по делам национальностей. Во главе отдела стоял член Всероссийского Учредительного собрания от мусульман Красноуфимского уезда Пермской губернии Ф.Тухватуллин¹ [2, с. 179]. Его утверждение показывает, какое значение придавалось самарским правительством поддержке со стороны мусульман, поскольку вся территория Южного Урала, Поволжья и Сибири, населенная ими, превратилась в театр военных действий.

Самарское и Сибирское правительства вели переговоры между собой с целью выработки принципиальных начал создания единой всероссийской власти. На первой встрече 15–16 июля 1918 г. в Челябинске обе стороны согласились, что необходимо созвать широкое совещание из представителей всех областных и автономных правительств, всех наличных членов Всероссийского Учредительного собрания и представителей центральных комитетов политических партий. Единственной задачей совещания должно было стать создание всероссийского правительства.

Тринадцатого августа 1918 г. в Самаре состоялось совещание для разрешения вопроса о взаимоотношениях народов и самоуправления края, в котором участвовали представители мусульманских народов, в том числе А.Валидов², М.Испулов³, Ф.Тухватуллин, Г.-А.Фахретдинов⁴ и др. участники совещания приняли, в частно-

¹ Тухватуллин Фатых (1894–1938) – татарин, техник, член РСДРП с 1915 г., член Комуча, комиссар внутренних дел и национальностей, одновременно заместитель председателя Башкирского ревкома (1919–1920 гг.), член РКП(б) (1919 г.).

² Валидов Ахмед-Заки (1890–1970) – башкир (по другим данным татарин), историк, член Всероссийского мусульманского совета, депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.), член Всероссийского Учредительного собрания, член Комуча, один из руководителей Башкирского правительства, член РКП(б), эмигрант.

³ Испулов Мирзагазы (1896–1936) – казах, педагог, глава военного совета Алаш-Орды, командир алашордынского полка.

⁴ Фахретдинов Габдул-Ахад (1892–1938) – татарин (по другим данным башкир), сын известного мусульманского богослова Р.Фахретдинова, публицист, в 1917 г. депутат Всероссийского Учредительного собрания, член Комуча. В «Башкирской энциклопедии» (Т. 7. Уфа, 2011. С. 25) ошибочно указано, что депутатом этого парламента был его брат Габдрахман Фахретдинов (1887–1936), статьи же о Габдул-Ахаде почему-то здесь нет.

сти, решение, что Башкурдистан и Алаш-Орда¹ «должны получить автономию», а также учредили при чрезвычайном уполномоченном Комуча для Оренбургской губернии и Тургайской области особую совещательную коллегию, в составе представителей от всех самоуправляющихся единиц, как-то: земства, города Войскового правительства, Тургайской области, Башкурдистана, Алаш-Орды и уполномоченных от Комуча для каждой из указанных территорий. В эту же коллегию включались местные члены Всероссийского Учредительного собрания [3].

На второе Челябинское совещание (23–25 августа) приехали в числе других представители Алаш-Орды (Б. Джакандамов², Х. Досмухамедов³), Башкирского (Валидов) и Туркестанского правительств (М. Чокаев⁴), Национального управления мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (С.-Г. Джантюрин⁵, С. Мамлеев⁶) [4]. Если Комуч отстаивал участие национальных правительств по причине того, что те располагают боеспособной в борьбе с большевиками конницей, то омские политики считали, что членами совещания могут быть только представители областных правительств, так как «инородцы», на их взгляд, всегда были лишены государственного духа, что, по существу, они являлись элементом, враждебным российской державе. В конце концов все «инородческие» представители были допущены на Государственное совещание, которое открылось в Уфе 8 сентября 1918 г. [2, с. 177–178].

Именно в этот день в «Вестнике Комитета Всероссийского Учредительного собрания», издаваемом в Самаре, было напечатано обращение Комуча «К тюрко-татарскому народу государства российского», где было торжественно объявлено,

¹ Алаш-Орда – определяется в научной литературе по-разному: как буржуазно-националистическое государство (История гражданской войны в СССР. Т. 3. М., 1957. С. 59); как название казахской автономии (История Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 2. С. 72); как партийно-правительственный центр (Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 35); как название правительства Алашской автономии (История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1993. С. 293); как Всеказахский временный народный совет Алаш-Орда – правительство автономии (Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994. С. 10, 31); как правительство Алашской автономии (Временный национальный совет) (Казахстан. Национальная энциклопедия. Т. 1. Алматы, 2004. С. 168); Алаш-Орда – Временный центральный народный совет – правительство автономии (Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстане. Алматы, 2009. С. 20).

² Джакандамов Бижангали (1890–1937) – казах, в 1917 г. участник казахских съездов, алашординский деятель.

³ Досмухамедов (Дос-Мухамедов) Халил (1883–1939) – казах, член Алаш-Орды, депутат Всероссийского Учредительного собрания, член Комуча.

⁴ Чокаев Мустафа (1889–1941) – казах, член Алаш-Орды, председатель Туркестанского краевого мусульманского совета, член Туркестанского комитета Временного правительства, член Всероссийского Учредительного собрания, член Временного Народного Совета автономного Туркестана (1917–1918 гг.), в январе 1918 г. возглавил правительство Туркестанской автономии («Кокандской автономии»), разгромленной большевиками в феврале 1918 г. Член Комуча. На Уфимское совещание приехал вместе с женой. Эмигрант.

⁵ Джантюрин Салим-Гирей (1864–1926) – казах, депутат I Государственной думы, депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.), член Национального управления мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.).

⁶ Мамлеев Султанбек (1888–?) – татарин, в 1917 г. вольноопределяющийся 9-го запасного кавалерийского полка (Петроград), в 1917–1918 гг. член Всероссийского мусульманского совета.

что «права тюрко-татарского народа на культурно-национальную автономию признаются им как бесспорные», что «тюрко-татары не только получают право пользоваться родным языком в местном управлении, самоуправлении и суде, свободно открывать всевозможные школы и строить свою религиозную жизнь, но вместе с тем могут законно создать органы национального самоуправления, обладающие принудительной публичной властью, правом устанавливать и взимать особые национальные налоги и самостоятельно ведать дела общественного призрения, народного просвещения и культурно-экономические», что «до утверждения всероссийской верховной властью Положения о культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар... временным органом национального самоуправления признается Национальное управление мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири», находившееся в Уфе. Мусульмане Алаша, Башкурдистана и Туркестана, отмечалось далее, имели права «на территориально-политическое самоуправление».

Временное Сибирское правительство крайне негативно отнеслось к действиям Комуча в национальной политике. Глава Омского правительства П.В.Вологодский расценил их как «вмешательство в отношения, складывающиеся на сибирской территории», и в ультимативной форме потребовал от Комуча аннулирования признания им Национального управления мусульман тюрко-татар органом национального самоуправления, обладающим публично-правовой властью, которая ошибочно расценивалась как право не только на культурную, но и территориально-политическую автономию. Предельно жесткая позиция Сибирского правительства в национальном вопросе нашла отражение также в инструкции правительственной делегации на совещании в Уфе: «Не признавать правительства Алаш-Орды, Башкирии...» [2, с. 180].

Состав Уфимского совещания был весьма многочислен и пестр как в социальном и партийном, так и в национальном отношениях. Мусульманская фракция насчитывала, по одним данным, 18 чел. [5, с. 277], по другим 19: члены Всероссийского Учредительного собрания – Г.Алибеков¹, М.Ахмеров², А.Байтурсунов³, А.Беремжанов⁴,

¹ Алибеков Губайдулла (1870–1923) – казах, участник казахских съездов в 1917 г., член Комуча, коммунист (1919 г.), член Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем с мая 1920 г.

² Ахмеров Мухитдин (1862–?) – башкир, мусульманский эсер, в 1917 г. полковник, председатель Уфимского мусульманского военного совета, член Комуча.

³ Байтурсунов Ахмет (1873–1938) – казах, просветитель, журналист, член партии Алаш, один из лидеров Алаш-Орды, член Комуча, с июня 1919 г. член Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем, член РКП(б) (1920 г.).

⁴ Беремжанов (Биримжанов) Ахмет (1870–1927) – казах, мировой судья и судебный следователь в Тургайской области, депутат I–II Государственных дум, в 1917 г. член Самарского окружного суда, Кустанайский уездный комиссар Временного правительства, участник казахских съездов, член Всекиргизского (Всеказахского) Народного Совета Алаш-Орда, министр юстиции правительства Алаш-Орда.

С.Дошанов¹, Н.Ипмагамбетов², В. Таначев³, Г.Терегулов⁴, Ф.Туктаров⁵, Тухватуллин; представитель Башкирского правительства И.Султанов⁶; представители Алаш-Орды И.Алимбеков⁷, А.Букейханов⁸; представители Туркестанского правительства А.Уразаев⁹, Чокаев и член Временного Народного Совета Туркестана С.А.Муфтизаде¹⁰; представители Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири Джантюрин, М.-Г.Исхаков¹¹, Мамлеев) [6].

На открытии совещания в Уфе, кроме этих официальных участников, среди гостей были самые разные по взглядам мусульманские общественные деятели, в том числе А.Байдильдин¹², А.Биглов¹³, Ш.-Б.Губайдуллин¹⁴, М.Кудашев¹⁵, К.Гарджи-

¹ Дошанов Сагындык (1876–1938) – казах, учитель, член партии Алаш, член Комуча.

² Ипмагамбетов Нурғали (1883–1922) – каракалпак (по другим данным казах), военврач, полковник, в 1917 г. участник казахских съездов, социалист, член Комуча, член партии Алаш, затем перешел на сторону советской власти, член РКП(б).

³ Таначев (Танашев) Валидхан (1887–1968) – казах, помощник присяжного поверенного, член Всероссийского мусульманского совета, член Алаш-Орды, член Комуча.

⁴ Терегулов Гумер (Умер) (1883–1938) – татарин, юрист, меньшевик, депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири (1917–1918 гг.), член Ведомства просвещения Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, член Комуча.

⁵ Туктаров Махмуд Фуад (1880–1938) – татарин, адвокат, журналист, татарский эсер, член Комуча.

⁶ Султанов Искандер (1872–?) – юрист, в 1917–1918 гг. член Башкирского правительства, с июня 1918 г. зав. отделом юстиции, в январе 1919 г. вышел из состава правительства, которое перешло на сторону советской власти.

⁷ Алимбеков Имам (1883–1937) – казах, педагог, публицист, алашординский деятель.

⁸ Букейханов Алихан (1870–1937) – казах, депутат I Государственной думы, кадет, в 1917 г. Тургайский областной комиссар Временного правительства, председатель ЦК партии Алаш, председатель Алаш-Орды, депутат Всероссийского Учредительного собрания, член Комуча.

⁹ Уразаев Абдрахманбек (1888–1937) – казах, помощник присяжного поверенного, в 1917 г. зам. министра внутренних дел Туркестанской автономии, член Туркестанского Временного Народного Совета.

¹⁰ Муфтизаде Салахитдин Абдулмуминович.

¹¹ Исхаки (Исхаков) Гаяз (Мухамметгаяз) (1878–1954) – татарин, писатель, один из лидеров татарских эсеров, член Всероссийского мусульманского совета, делегат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.). Эмигрант.

¹² Байдильдин Абдрахман (1891–1931) – казах, учитель, литератор, член партии Алаш, в 1918 г. участвовал в работе Комуч и Уфимского государственного совещания. В 1919–1920 гг. инструктор-организатор, ответственный секретарь культурно-просветительного отдела организационного бюро киргизской (казахской) молодежи при ЦК Коммунистического союза молодежи Туркестана, член РКП(б) (1920 г.).

¹³ Биглов Акрам (1871–1919) – татарин, депутат II Государственной думы. В 1917–1918 гг. командир 95-го мусульманского пехотного полка, в 1919 г. командир полка в армии А.В. Колчака. Погиб в бою.

¹⁴ Губайдуллин Шах-Бахрам (Гардиев Ахмадей) – мариец, учитель медресе в Цивильском уезде Казанской губ. (1912 г.).

¹⁵ Кудашев Миннибай (по другим данным Минлибай) (1888–1922) – татарин, педагог, эсер, член Белебеевской городской думы (Уфимская губ.) до 1917 г., в 1917 г. член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов.

манов¹, Ш.Тукаев², а также уфимцы – Салим-Гирей Девлеткильдеев, чиновник Идиатулла Еникеев, журналист Галлям Мустафин³, Султан-Махмуд Терегулов (трое последних в середине сентября 1918 г. были избраны гласными Уфимской городской думы от Уфимского мусульманского временного городского народного комитета [7].)

Совещанию предстояло решить три вопроса: источник власти будущего общероссийского правительства и его ответственность, структура власти и персональный состав правительства. В зависимости от их толкования образовались два крыла: правое (делегации Сибирского правительства, кадетов и казачьих войск) стояло на позиции сильной и безответственной перед Учредительным собранием власти; левое (делегации Комуча, эсеров, меньшевиков, Сибирской областной думы, городов и земств, мусульман) требовало создания правительства, ответственного перед Учредительным собранием [2, с. 181]. Для достижения сближения различных точек зрения делегатов Государственного совещания была создана Комиссия государственного совещания по организации Всероссийской власти (Совет старейшин) из 26 делегатов, в которую вошли по одному представителю от каждой организации, входящей в совещание. Из числа мусульман в этот Совет вошли А.Адигамамов⁴, Ибн.Ахтямов⁵, Х.Досмухамедов, Г.Терегулов, М.Чокаев.

Когда при перечислении организаций, принявших участие в Уфимском совещании, в отношении правительств Алаша, Башкурдистана и Туркестана употреблялось определение «национальные правительства», Чокаев заявил, что представители этих правительств являются представителями автономных, а не национальных образований. С этой принципиальной поправкой совещание согласилось [8, с. 176]. Однако в историографии, как правило, до сих пор используется этот неудачный оборот – «национальные правительства» [9, с. 25]. Эти автономии были полиэтническими, поликонфессиональными демократическими, светскими республиками.

¹ Тарджиманов (Тарджеманов) Кашшаф (1877–1943) – татарин, мулла, преподаватель.

² Тукаев Шакир (Мухамет-Шакир) (1862–1932) – башкир, педагог, депутат II–III Государственных дум от Уфимской губ., участник всероссийских мусульманских съездов до 1917 г.

³ Мустафин Галлям (Галим) (1894–?) – татарин, член РКП(б) с 1922 г., в 1925 г. окончил Татарский коммунистический университет в Казани.

⁴ Адигамамов Абдулла (1896–1968) – с июня 1918 г. заведующий отделом сношений Башкирского правительства, одновременно с июля 1918 г. член Башкирского военного совета. В феврале 1919 г. как и.о. председателя Башкирского правительства подписал постановление о переходе Башкирского корпуса на сторону Красной армии.

⁵ Ахтямов Ибниамин (1877–1941) – башкир, по другим данным татарин, эсер, помощник присяжного поверенного, депутат IV Государственной думы, комиссар Временного правительства по делам мусульман Уфимской губ., депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.), заместитель председателя Национального управления мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.), председатель Уфимской губернской следственно-юридической комиссии (сентябрь–декабрь 1918 г.), в 1919–1920 гг. председатель Национального управления мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири.

Среди противников признания подобных автономий был, в частности, представитель Сибирской областной думы Н.Карпов¹, который, выступая на совещании 8 сентября, в частности, заявил, что «Россия может возродиться только как единое целое. Отдельным областным правительствам эти задачи не по силам. Как бы они не были одухотворены жаждой государственного строительства, они одни бессильны ковать счастье России. Даже больше, они одни бессильны будут ковать и собственное счастье. Печальные опыты Украины, Кавказа и Финляндии служат лучшим тому доказательством» [10, с. 6870]. Как следует отсюда, этот сибиряк-мусульманин, послушно следуя указаниям П.В.Вологодского, поддержал позицию Сибирского правительства в отношении мусульманских политиков, участвовавших в работе совещания в Уфе, и представляемых ими автономий.

В начале работы совещания состоялось совещание представителей всех мусульманских народов, входящих в состав частей России, где не было советской власти (за исключением Кавказа). На этом заседании определились 4 крупных образования, выступавших солидарно и на Государственном совещании. В 1917 г. они объявили свою территориальную автономию: Башкурдистан (из частей Уфимской и Оренбургской губ.), Алаш (из 10 областей, в том числе Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской, Уральской), Туркестан, а также Национально-культурная автономия мусульман тюрко-татар внутренней России [11].

В принятой 12 сентября 1918 г. Декларации мусульман-членов Учредительного собрания, Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири, правительств Алаша, Башкурдистана и Туркестана было заявлено, что в состав коллегии из 7 лиц, создаваемой на совещании, следует включить одного представителя от правительства Алаша, Башкурдистана и Туркестана [12].

Выступая в тот же день на совещании, Букейханов заявил: «Я послан сюда от членов Учредительного собрания присутствующих здесь мусульман и от правительств автономных областей Туркестана, Башкурдистана, Алаш-Орды и от Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири». Он объяснил, что мусульмане самодержавной России примкнули к демократической, республиканской России, т.к. ждали, что надежды на народовластие будут осуществлены Всероссийским Учредительным собранием свободно, на основах всеобщего избирательного права, но их мечты оказались разбитыми. Власть была захвачена большевиками, которые решили установить диктатуру пролетариата и таким образом Российскую республику «обратили в страну полной анархии, развала, отсутствия всякой власти».

В этих обстоятельствах стали возникать областные правительства, которые были совершенно необходимы, «никакого сепаратизма в этом нет. Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России... Мы едины с Демократической Федеративной Республикой России, мы мыслим себя только частью единой России.

¹ Карпов Нурулла – сибирский татарин, служащий, в 1917 г. председатель Мусульманского бюро в Томске, гласный Томской городской думы, гласный земского собрания, участник всероссийских мусульманских съездов, председатель исполкома Томского губернского мусульманского совета, член Центрального Сибирского мусульманского совета, член Сибирской областной думы (представитель татар Томской, Алтайской и Енисейской губерний), глава ее делегации на Государственном совещании в Уфе, редактор татарской газеты «Том сюз» («Томское слово»), издавалась в 1919 г. в г. Томске.

Те, которые говорят, создается сепаратизм, просто говорят, как рабы старой психологии, которые в самодержавной России привыкли думать, что инородцы – рабы, а представители Великороссии – это рабовладельцы, и от этой психологии не могут отказаться. Мы это вполне понимаем, но от этого нужно теперь отказаться, потому что Россия федеративная, демократическая, единая, и мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую, счастливую Россию. Мы признаем, что власть в России должна принадлежать тому полномочному органу, который избран всей Россией на основе всеобщего избирательного права. Мы считаем, что верховная власть в России должна принадлежать Учредительному собранию этого созыва. Пока Учредительное собрание это не создано, верховная власть, по нашему мнению, должна принадлежать наличному составу съезда членов Учредительного собрания, вместе с коллегией, которая создается на этом нашем совещании и притом в основу создания этой коллегии должно быть положено соглашение, здесь не должно быть давления большинства... Все организации, которые меня послали, предупреждают, что если здесь сидят патриоты, если они пришли сюда спасти Россию, создавать настоящую власть, то они должны придти к соглашению, и мы будем требовать, чтобы состоялось соглашение и эта коалиционная власть должна быть составлена только по соглашению. Мы говорим, что члены Учредительного собрания и съезда будут заседать постоянно и будут исполнять роль законодательного органа при той коллегии, которую настоящее совещание составит по соглашению. Эта коллегия из семи лиц обязана составить Деловой кабинет министров, ответственный перед Съездом Учредительного собрания. Вот что необходимо, по нашему мнению, для того, чтобы в России была создана единая власть. Законы, которые издает эта коллегия через кабинет министров, должны быть приняты Съездом Учредительного собрания и одобрены этой коллегией. Затем сама коалиционная власть должна быть составлена из представителей организаций, которые здесь участвуют. От Комитета Всероссийского Учредительного собрания должно быть 4 представителя, от Сибирского правительства – 1 представитель, от казачьих войск, здесь участвующих, – 1 представитель, от автономных правительств Туркестана, Башкурдистана, Алаш-Орды – 1 представитель» [10, с. 98–99].

Вопрос о таком представителе вызвал споры среди участников совещания. Пытаясь убедить тех, кто был против этого, Валидов 16 сентября сказал: «Мы, мусульмане, могли бы не говорить, что желаем иметь одного своего представителя в составе коллегии, тогда легче могли бы нести ответственность за это правительство». Однако далее он от имени мусульманских политиков все же подчеркнул: «Мы признаем участие в строительстве России тогда, когда имеем своего представителя в высшем органе. Нам интересно иметь место не в кабинете министров, а в высшем органе». Понимая нежелание части участников совещания пойти навстречу этой идее, Чокаев отметил: «Представляя свой проект, мы имели в виду остроту национального вопроса. Мы не задавались мыслью, что это лицо должно быть непременно мусульманином. Защиту своих интересов можем доверить и лицу русского происхождения. Желательно, чтобы вопросы национальные решались со всесторонней полнотой, а это может быть сделано только лицом, сведущим в этом вопросе, независимо от его национальности» [10, с. 168–169]. Но все эти усилия выдвинуть такого представителя не принесли успеха.

В результате трудных переговоров между всеми участниками совещания было принято компромиссное решение об образовании Всероссийского Временного правительства (директории) из 5 лиц, избранных не по партийному признаку, а персонально. Представители автономных правительств подписали акт об избрании директории, считая, что ее персональный состав способен «разрешить задачу управления страной в столь ответственный момент, не принося ущерба стремлениям отдельных национальностей, поскольку стремления эти не выходят за пределы федеративного устройства России».

Это событие один из участников совещания Исхаков оценил так: «Сегодня мы решили отдать управление всей Россией коллегии из пяти лиц. По мнению русского народа, эта коллегия из пяти лиц будет служить для установления мирной и правовой жизни в России. С точки зрения интересов нашего тюрко-татарского народа необходимо восстановление в России правовой жизни. Поэтому мы старались по возможности избрать эту коллегия из пяти лиц, работающих в пользу народа. Но, по моему личному мнению, если Россия не избавится от войны, то не может быть установлено в ней мирной жизни. Сегодня нам необходим мир, как это необходимо было перед Февральской революцией».

Другой участник Туктаров полагал: «Сегодня великий день для России. Бывшая великая, потом раздробленная в мелкие части, бедная Россия, сегодня снова, стараясь стать единым правительством, приняла великое решение. Сегодняшнее решение принято собранием делегатов от всех народностей всей России, а не принято, как 300 лет тому назад, одними чиновниками русского народа. Теперь для того, чтобы эти решения дали в действительности хорошего результата, необходимо, чтобы народности России, как в настоящем собрании, были равноправны, одна нация чтобы не лишила другой нации от своих прав, чтобы и правительство управляло Россией по этому основанию, тогда только мы» достигнем своей цели и только тогда Россия и ее народы станут счастливыми. «Для авторитета ныне избираемого нами правительства и для того, чтобы оно смогло спокойно управлять Россией, самым первым условием, по моему мнению, является немедленное прекращение внутренней и внешней войны. Как только прекратится война, так скоро будет восстановлено спокойствие и справедливость в России» [13]. Мусульманские участники Уфимского совещания исходили из того, что налаживание мирной жизни, прекращение гражданской войны и интервенции является главным условием для превращения в жизнь их планов.

Двадцать третьего сентября закончилось совещание в Уфе, а 25 сентября специальной декларацией Комуч, исходя из того, что «для воссоздания единой, сильной, свободной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя, необходимо участие в предстоящей созидательной работе всех населяющих ее народностей, одушевленных сознанием, что каждой из них будут гарантированы условия самостоятельной автономно-творческой деятельности», что «осуществление отдельными территориями и национальностями своих автономных прав является лучшим залогом успеха предстоящей героической работы», многомиллионное население «казак-киргизских областей должно иметь возможность осуществлять в своих областях в полной мере свои автономные права». Таким образом, Комуч временно признал автономию Алаш, оставляя за Всероссийским Учредительным собранием «окончательное разрешение вопроса о выделении областей, населенных в большинстве казак-

киргизским народом, в особую автономную единицу Алаш, входящую в состав Российской Федеративной Республики» [14]. Это был еще один важный шаг на пути реализации решений Уфимского совещания по созданию демократического государства, однако буквально через несколько дней ситуация резко изменилась.

Несмотря на недавние заверения и обещания нерусским народам, 4 ноября 1918 г. последовал указ директории об упразднении всех региональных, в том числе вышеупомянутых, правительств. Все решения относительно автономий оказались бумажной фикцией, политическим трюком. Однако кого могла, как задавал известный историк Г.А.Трукан риторический вопрос, воодушевить директория своими призывами во имя «единой и неделимой России» [15, с. 56]. Ответ предельно ясен: как верно полагают другие современные историки, лозунги «единой и неделимой» России и великодержавия исключали демократическое решение национальных проблем, даже в весьма ограниченных формах [5, с. 128]. На Уфимском государственном совещании произносились красивые речи о демократии, о равноправии народов, но созданное в результате Временное Всероссийское правительство, приняв данное решение, воспринятое мусульманскими политиками как возврат к царской политике, к идее великодержавной единой и неделимой России, оттолкнуло от себя мусульманские народы, надеявшихся на обещанное им самоуправление, что не позволило ему объединить все антибольшевистские силы и победить в гражданской войне.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 13. Л. 5 об.
2. Нам И.В. Уфимское совещание и национальные правительства // Историческая наука на рубеже веков : материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Т. II. Томск, 1999.
3. ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 16. Л. 13, 14, 17.
4. ГАРФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 6. Л. 100 об.
5. Белое движение и национальный вопрос в России. М., 2009. С. 261; Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009.
6. ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10. Составители сборника «Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы» (Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 42) приводят, ссылаясь на архивный документ, список участников-мусульман совещания в Уфе, посчитав которых, пишут в примечании о 20 представителях, хотя на самом деле в этом списке 19 человек.
7. Армия и народ (Уфа). 1918. 18 сентября.
8. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014.
9. Казанчиев А.Д. Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003. 116 с.
10. Уфимское Государственное совещание // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 68–70.
11. Азербайджан. 1919. 15 февраля.
12. ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 2. Л. 214.
13. ГАРФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–1 об.
14. Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 25 сентября.
15. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. 255 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-749. Op. 1. D. 13. L. 5 ob.
2. Nam I.V. Ufimskoe soveshchanie i nacional'nye pravitel'stva // Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov : materialy Vserossijskoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. T. II. Tomsk, 1999.
3. GARF. F. R-667. Op. 1. D. 16. L. 13, 14, 17.
4. GARF. F. R-749. Op. 1. D. 6. L. 100 ob.
5. Beloe dvizhenie i nacional'nyj vopros v Rossii. M., 2009. S. 261; Amanzholova D. Na izlome. Alash v ehnpoliticheskoj istorii Kazahstana. Almaty, 2009.
6. GARF. F. R-193. Op. 1. D. 1. L. 9–10. Sostaviteli sbornika «Nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Bashkortostana (1917–1925 gg.). Dokumenty i materialy» (T. 2. CH. 1. Ufa, 2002. S. 42) privodyat, ssylayas' na arhivnyj dokument, spisok uchastnikov-musul'man soveshchaniya v Ufe, poschitav kotoryh, pishut v primechanii o 20 predstavatelyah, hotya na samom dele v ehtom spiske 19 chelovek.
7. Armiya i narod (Ufa). 1918. 18 sentyabrya.
8. Grazhdanskaya vojna v Rossii i musul'mane. Sbornik dokumentov i materialov. M., 2014.
9. Kazanchiev A.D. Ufimskaya Direktoriya 1918 goda. Ufa, 2003. 116 s.
10. Ufimskoe Gosudarstvennoe soveshchanie // Russkij istoricheskij arhiv. Sbornik pervyj. Praga, 1929. S. 68–70.
11. Azerbajdzhan. 1919. 15 fevralya.
12. GARF. F. R-144. Op. 1. D. 2. L. 214.
13. GARF. F. R-9431. Op. 1. D. 109. L. 1–1 ob.
14. Vestnik Komiteta chlenov Vserossijskogo Uchreditel'nogo sobraniya. 1918. 25 sentyabrya.
15. Trukan G.A. Antibol'shevistskie pravitel'stva Rossii. M., 2000. 255 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470.57-25)

РЕЦЕНЗИЯ

на сборник документов и материалов
«Уфимская губернская чрезвычайная комиссия. 1918–1922 гг.»
(Уфа: Полиграфдизайн, 2018. 612 с.)

Проблема становления органов государственной безопасности в первые годы Советской власти и их деятельности в годы Гражданской войны является за прошедшие сто лет одной из актуальных в исторической науке России. В ходе острых общественно-политических дискуссий, а также споров исследователей-ученых высказываются зачастую полярные взгляды – от героизации до крайне уничижительных оценок – на историю государственной, национальной и общественной безопасности страны в XX–XXI вв., на роль и место специальных и правоохранительных органов в их взаимоотношениях с другими государственными институтами, политическими партиями и обществом. Особенно активный вал нападок на «Лубянку» обрушился с началом «перестройки», ее главными инициаторами выступают «борцы» против государственности Советов и суверенитета России.

Ответы на вопросы добросовестные авторы стремятся найти в архивах, подлинных фактах. В последние десятилетия в Москве и разных регионах России стали появляться документальные публикации о ВЧК и местных органах безопасности или о видных ее деятелях.

В этой связи выход сборника документов о деятельности Уфимской губернской чрезвычайной комиссии в 1918–1922 годы представляет несомненный интерес для историков и обществоведов, политиков и журналистов, специалистов края, поскольку это фактически первая фундаментальная источниковедческая работа по истории органов государственной безопасности Башкирии.

Над его составлением работали историки спецслужб Башкирии Е.П.Асабин, Т.В.Исмагилов, Ю.В.Минаев, В.П.Федяшин во главе с Г.В.Мордвинцевым, кандидатом исторических наук. Коллектив проделал многолетнюю огромную работу по изысканию документов, их тщательному отбору и систематизации. Издание характеризует научная основательность.

Авторами на системной основе собраны уникальные исторические материалы, извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Национального архива Республики Башкортостан (НАРБ), фондов архива и музея истории Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Баш-

кортостан. Основная их масса публикуется впервые. Значительную часть сборника составили перепечатки из документальных сборников по истории ВЧК, а также материалы из периодической печати Башкирии и России 1918–1922 гг.

К сожалению, авторы-составители не получили возможность работать в фондах Центрального архива Федеральной службы безопасности России, поэтому ими привлечены только циркуляры и переписка ВЧК из местных фондов Башкирии. Вместе с тем издание удачно дополняют приложения с воспоминаниями уфимских чекистов, а также умело подобранные материалы с фотографиями руководителей и сотрудников Уфимской ГубЧК, копиями протоколов заседаний и др. Профессионально составлен научно-справочный аппарат публикуемых документов, облегчающий их использование для широкого круга читателей.

Во введении дана краткая характеристика историографии проблемы и показаны основные этапы становления региональных органов ВЧК в первые годы советской власти. Структура работы представляется логичной и обоснованной, ориентированной на целостное и полное освещение очерченных вопросов. В итоге авторы успешно реализовали поставленную цель – пополнить источниковедение истории ВЧК и ее местных комиссий, показать ее тесную связь с историей страны (с. 7).

В первую очередь в данном издании собраны материалы о становлении УГЧК. Как известно, еще осенью 1917 года буржуазное Временное правительство приняло решение об оперативной борьбе с развалом страны и о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии. Но выполнить эту задачу смогли Советское правительство и партия большевиков. Созданная в декабре 1917 г. ВЧК, состоявшая из большевиков и левых эсеров, вскоре же обратилась к Советам с предложением сформировать подобные местные комиссии. В условиях дезорганизации госаппарата, развала старой армии и германского вероломного наступления на РСФСР 23 февраля 1918 г. ВЧК направляет всем местным Советам радиограмму с требованием «немедленно организовать в районах чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, если таковые еще не организованы, и связаться со Всероссийской Чрезвычайной Комиссией». Чрезвычайные комиссии получили право внесудебной смертной казни над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами». 22 марта 1918 г. ВЧК в повторном постановлении об организации местных чрезвычайных комиссий специально указывает, что только им принадлежит «отныне право производства всех арестов, обысков, реквизиций, конфискации и проч.», связанных с контрреволюцией и спекуляцией, злоупотреблениями по должности.

Начатый в марте процесс создания губернских чрезвычайных комиссий завершился в основном во второй половине 1918 г. (в августе – 38 губернских и 75 уездных ЧК; в конце года – 365 уездных чека). В штатном расписании губчека было 84 человека, уездной – 28. При уездных ЧК формировалась рота в 188 человек.

Авторы сборника подчеркивают огромные трудности создания структур безопасности: «Отсутствовали кадры, опыт и традиции создания и укрепления советской государственной и общественной безопасности. В Уфимской губернии, как и в целом по всей России, население было охвачено хаосом и противоборством... Антибольшевистские партии и группы, потерпев поражение в столицах, переносили свои кадры и силы в провинцию и, не отказываясь от саботажа, переходили к воен-

ному противоборству. Националистические движения, создавая свои вооруженные силы, также переходили к отстаиванию силой своих притязаний на суверенитет. Деревня вставала на путь пассивного сопротивления городу, неспособному организовать продуктообмен и т. д.

Основным кадровым источником для формирования Уфимской губЧК стали члены Боевых отрядов народного вооружения, созданные с участием братьев Ивана, Михаила и Эразма Кадомцевых, а также К.А.Мячина (В.В.Яковлева). Они получили большой опыт конспирации, создания централизованной партийной боевой организации, вооруженной борьбы в революции 1905–1907 гг.» (с. 15–16).

Материалы сборника раскрывают роль партийно-советских структур в становлении чрезвычайной комиссии. Так, для наведения порядка в городе 11 декабря 1917 г. Уфимский губревком, состоявший из пяти большевиков и пяти левых эсеров, учреждает Временный революционный трибунал в составе 7 человек для борьбы с мародерством, хищничеством, спекуляцией, хулиганством, торговлей спиртными напитками. 2 января 1918 г. чрезвычайный губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов голосами большевиков и левых эсеров признал «очередной задачей момента немедленную воинскую мобилизацию среди рабочих губернии для образования губернской Красной гвардии в целях борьбы с контрреволюцией, укрепления Советской власти и проведения в жизнь мероприятий Рабоче-Крестьянского Правительства» (с. 17). Совместное заседание Уфимского губревкома и Уфимского мусульманского военного шуро, состоявшего в основном из башкирских и татарских левых эсеров, 27 февраля 1918 г. постановило «создать особую комиссию по борьбе с контрреволюцией» (с. 17). Однако противоборство партий большевиков и левых эсеров в Советах в дальнейшем нередко выражалось в решениях о роспуске Уфимской губчека в марте–апреле 1918 г., в аресте председателя губчека П.И.Зенцова в январе 1919 г.

Составители впервые сделали предположение, что создание Уфимской ГЧК прошло в период с 28 февраля по 9 марта 1918 г., что ее первым председателем был В.В.Яковлев (К.А.Мячин). Это высказывание требует дальнейших научных изысканий, в первую очередь в Центральном архиве ФСБ (с. 18). Заслуживает внимания точка зрения авторов о том, что «первым общегосударственным делом губчека» стала перевозка отрядом уфимских чекистов царской семьи Романовых в апреле 1918 г. из Тобольска в Екатеринбург (с. 19–20).

Самые разнообразные документы показывают трагическую историю Гражданской войны в крае, активными участниками которой были сами чекисты, нередко испытывавшие эту трагедию на себе лично.

Ценнейшим наследием работы ВЧК и Уфимской губЧК стало создание системы всеохватывающей информации. С 1920 г. ВЧК была обязана поставлять исключительно объективную информацию для партийно-советского руководства, и она эту задачу успешно выполнила. Вслед за современными историками страны, составители сборника подчеркивают: «Сводки ВЧК-ОГПУ – самый ценный и беспристрастный источник по советской истории» (с. 22).

История Уфимской губернской чрезвычайной комиссии – отделения Государственного Политического Управления – завершилась ликвидацией в начале июля 1922 г. и заменой ее отделением ГПУ Большой Башкирии.

В целом следует отметить, что кропотливая и четкая подборка материалов выразилась в сохранении оригинальности языка и стиля документов, что создает

возможность окунуться в атмосферу речи, уровня грамотности, взглядов людей того времени. Авторы создают нелакированное представление о деятельности Уфимской ГубЧК в годы Гражданской войны и становления советской государственности.

К сожалению, крупным недостатком рецензируемой публикации является отсутствие «Именного указателя». Он был подготовлен авторами-составителями, но по независящим от них обстоятельствам не вошел в книгу.

Несмотря на это, а также ряд других упущений, сборник документов и материалов о деятельности Уфимской губернской чрезвычайной комиссии в 1918–1922 годы полностью отвечает современному уровню исторических исследований. Он поможет следующим поколениям исследователей этой темы, станет для многих пособием в изучении истории Башкирии XX века.

Марданов Марат Хамитьянович, директор Центра гуманитарных исследований Министерства культуры РБ, кандидат политических наук, профессор Академии военных наук, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, полковник запаса ФСБ России, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: mardanovmh@yandex.ru

УДК 34

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию доктора юридических наук,
профессора Самигуллина В.К. «Гуманистическое право». –
Уфа: Башк. энцикл., 2018. 224 с.

Рецензируемая монография доктора юридических наук, профессора, отличника образования Республики Башкортостан В.К.Самигуллина является результатом теоретических исследований автора темы права как социального феномена на протяжении продолжительного времени. По существу на сегодня в нашей республике В.К.Самигуллин крупнейшей специалист в этой области гуманитарных наук. В своих работах (а их много, только книг и брошюр более 40!) он развивает лучшие стороны учения своего духовного наставника в студенческие, аспирантские годы и позже – Сергея Сергеевича Алексева – основателя уральской школы теоретической и практической юриспруденции.

Тема, вынесенная в заголовок монографии, не только актуальнейшая, а **п р о р ы в н а я** (!). В том смысле, что углубленная разработка ее позволяет преодолеть те сложности, которые возникли в области теоретической и практической юриспруденции в пост-

советскую эпоху в нашей стране. Сегодня она, уйдя от догматизированной марксистско-ленинской методологии, которая лежала в основе советской (шире – социалистической) теории государства и права, никак не может определиться в своих исходных методологических и теоретических посылах. В.К.Самигуллин предлагает в качестве общей методологической и теоретической основы современной теоретической и практической юриспруденции рассматривать **гуманизм**, который, как справедливо отмечает он, несмотря на все социальные метаморфозы, сохраняет свое значение. Отсюда идея **гуманистического права** как генерального направления развития общества и его государственности. Если основательно вдуматься, то эта идея всемирного масштаба. Она злободневна не только для Башкортостана или для России, а для всего мирового сообщества народов, стран и государств.

Отметим наиболее интересные положения, отстаиваемые профессором в монографии.

В.К.Самигуллин совершенно справедливо полагает, что право в его глубоком значении сродни правде. Он правильно ставит вопрос о необходимости отличать, с одной стороны, право от неправа (причем, что ценно и полезно, он указывает на разновидности неправа), а с другой – право от закона в его специально-юридическом значении. Конструктивна идея о правовом законе и правовой законности.

Совершенно верно, что право связано со свободой. Вместе с тем право – это мера, мерность. Отсюда конструктивная формула – «право – мера свободы, обремененная ответственностью, искусство добра и справедливости».

Глубока и интересна мысль автора о необходимости совмещения идеи гуманистического права с учением о солидаризме. Хотя о солидарности говорят и пишут многие (вспомним те международные фестивали, спортивные мероприятия, научные конференции, проходившие в XX веке под лозунгами «Мир! Дружба! Солидарность!»), как философская и теоретико-прикладная концепция солидаризм еще не нашел должного понимания среди широкого круга населения. Между тем, на наш взгляд, солидаризм – это учение, которое, при правильном развитии его, позволяет преодолевать крайности индивидуализма и коллективизма в тех жестких вариантах, которые исповедуются некоторыми либералами и социалистами.

Венир Калимуллович вписывает специально-юридический механизм правового регулирования (МПР) в общую концепцию гуманистического права, развиваемого им. Это открывает возможность преодолеть узкий позитивистский подход к пониманию права. Это исключительно важно. Дело в том, что зауженное понимание права ведет к чрезмерному преувеличению инструментальной роли специально-юридических знаний в социальной жизни. А это рождает в области законотворчества и правоприменительной деятельности голый техницизм. Это же в эпоху виртуализации многих сторон общественных отношений, в связи с чрезмерным увлечением компьютеризацией коммуникативных отношений, грозит, с одной стороны, отчуждению людей друг от друга, с другой стороны, от власти, а с третьей – вообще от реальности как таковой, от первой природы. А ведь она (первая природа) и только она, несмотря на все достижения в области науки и техники, культуры и искусства, все же является материальной основой жизни людей, то есть остается первоосновой жизни на планете Земля.

В монографии освещается вопрос о соотношении права и государства. Здесь существенна мысль автора о необходимости отхода от механистического понима-

ния государства, которой грешат некоторые политики и идеологии, склонные мыслить понятиями и категориями, характерными для тоталитарных и авторитарных политических, государственно-властных и управленческих систем. На взгляд автора, государство – живой организм, но хорошо оснащенный силовыми структурами на уровне достижений современной науки, техники и технологий. Благодаря этому, оно способно достаточно успешно гарантировать действия права в режиме гуманистических принципов и норм. Вместе с тем благодаря этому же, оно способно, нарушая режим правового самоограничения, выйти из-под контроля граждан, выдавших ему «мандат» на правление. Отсюда отстаиваемое автором положение, что с точки зрения интересов обеспечения действенности гуманистического права, нельзя полагаться абсолютно лишь на гарантирование его государством. Следовательно, нужны еще дополнительные гарантии, обеспечивающие действие и развитие права и государства, взятых в связке, в режиме гуманистических принципов.

Исследуя этот аспект проблемы, В.К.Самигуллин определенное внимание уделяет теме принципов гуманистического права. Им предлагается оригинальная классификация этих принципов. При этом особое внимание уделено первосущностным принципам гуманистического права. В качестве главного гаранта действия и развития права в режиме гуманистических принципов ученый справедливо рассматривает разумного и активного в утверждении общего блага, добра и справедливости человека и наиболее продвинутую часть общества. Вместе с тем он обозначает те препятствия и угрозы, которые затрудняют действие и развитие права в режиме гуманистических принципов, норм и традиций.

Заслуживает поддержки подход автора к рассмотрению проблемы гарантий гуманистического права в свете нормы и факта. В.К.Самигуллин прав, когда он, не ограничиваясь рассмотрением проблемы гарантий гуманистического права в рамках лишь отдельной страны, ставит вопрос о необходимости рассмотрения ее еще в международно-правовом аспекте.

Справедливо полагая, что в плане гуманистической составляющей международного права особо значимым документом является Всеобщая Декларация прав и свобод человека и гражданина 10 декабря 1948 года, он обращает внимание на то, что она имеет специфическую корневую основу и ответвления, побег. В монографии они анализируются в той степени, в какой это необходимо для понимания проблемы. В монографии также значительное внимание уделено гарантированию надежной и эффективной защиты прав и свобод детей, женщин, социально уязвимых категорий людей и социальной группы риска (инвалиды, лица, инфицированные ВИЧ, больные СПИДом, пожилые и престарелые), коренных народов (шире – коллективов, малых групп). С точки зрения современности, актуальна обозначенная автором линия на развитие гуманитарного права в структуре общей системы международного публичного права.

Заслуживает внимания и анализа и идея автора о метаправе. В чисто логическом отношении эта идея безупречна. Но в содержательном плане она требует дальнейшей разработки, начала которым уже положены в рецензируемой монографии В.К.Самигуллина. В его интерпретации гуманистическое право не есть только теория, только наука, только законодательство, только судебная практика, которой предшествуют дознание и следствие, оно – сама жизнь, в которой пребывает человек, стремящийся жить полноценной жизнью. И с этим нельзя не согласиться.

В рецензируемой монографии вдумчивый читатель может обнаружить много и других интересных и любопытных вещей. Он может найти также суждения и положения, которые не свободны от дискуссий. Это вполне естественно. Научная работа – это не воинский устав, который нужно исполнять, не обсуждая. Ценность ее не снижается от того, что она содержит дискуссионные моменты, напротив, повышается. В.К.Самигуллин воодушевлен одушевлением права в свете идей гуманизма и солидаризма. И это, по нашему глубокому убеждению, заслуживает всемерной поддержки.

Халиков Аслям Наилевич, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: institutprava@yandex.ru

УДК 81

«Языкознание, литература и гуманитарные науки народов Евразии: прошлое, настоящее и будущее»

Под таким названием в Башкирском государственном педагогическом университете им. М.Акмуллы 30 сентября 2018 года состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием, посвященная 90-летию юбилею доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки РФ и РБ известного востоковеда Талмаса Магсумовича Гарипова.

Конференция проходила под эгидой Академии наук РБ и педагогического университета, но поздравить юбиляра пришли из всех вузов гуманитарного профиля г. Уфы и Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Среди поздравляющих (участников конференции) были гости из-за рубежа (Китай, США, Казахстан) и регионов страны (Москва, Самара, Сызрань, Тольятти, Миасс, Ноябрьск, Стерлитамак).

Такое представительство обусловлено тематикой научного форума и личностью ученого, в честь и с участием которого он проводился.

Предметом обсуждения на конференции стали пять основных проблем:

- «Актуальные проблемы общего и регионального языкознания»;
- «Проблемы изучения и преподавания русского языка как родного, неродного и иностранного»;
- «Slavo-Türccica» и «Türcco-Slavica»;
- Проблемы и перспективы изучения русской литературы, литератур народов России и зарубежья;
- «Гуманитарные исследования: прошлое, настоящее и будущее народов Евразии».

Эти проблемы входят в круг изысканий профессора Т.М.Гарипова, поэтому практически все докладчики и выступающие обращались к имени юбиляра или к его многочисленным трудам. Действительно, широк круг научных интересов ученого:

алтаистика, антропонимика, археология, археология, башкироведение, библиографирование, билингвизм, историческая тюркология, ориенталистика, теория языка, социолингвистика, контрастная контактология, лингвокраеведение. Им была разработана теория языковых контактов, основы современной сопоставительной контрастивистики и ареального лингвокраеведения, преимущественно на базе тюркского языков. Ученый исследовал кыпчакские языки Урало-Поволжья: проанализировал их фономорфемику и лексемику, установил исконный состав башкирских и татарских корневых слов, выявил этимологическую природу заимствований из восточных языков (арабского, персидского, венгерского, монгольского).

Талмас Магсумович не только талантливый исследователь, но и организатор науки. Его организаторские способности все годы были направлены на интеграцию познавательных возможностей различных творческих коллективов, на проведение научных конференций всероссийского и международного уровней, на издание солидных научных трудов и на популяризацию науки. Им самим написано 650 научных работ, включая 25 монографий, подготовлено 30 кандидатов и 5 докторов наук, в педагогическом университете создана кафедра общего языкознания, а главное – им сформирована межвузовская научная школа, известная в стране и за ее пределами.

С Академией ВЭГУ Талмас Магсумович сотрудничает с момента создания вуза, то есть более 25 лет. Все эти годы он является профессором кафедры педагогики и филологии. В издательстве академии вышел в свет ряд научных работ ученого, которые стали настольной книгой как для «маститых», так и для начинающих исследователей. Среди них такие издания, как «Вопросы языкознания и литературоведения» (1998 г.), «Семиречье Башкортостана: семязычный словарь» (1998 г.), Терминологический словарь-минимум по курсу «Общее языкознание» (1998 г.), «Языки народов Республики Башкортостан: монография» (2000 г.), «Филологи шутят»: научно-популярное издание (2002 г.), «Bashkirica: моноборник избранных работ по башкироведению и тюркологии» (2004 г.), «Языки Евразии в этнокультурологическом освещении»: сборник научных статей (2005 г.), «Этимология»: сборник научных статей (2006 г.) и другие.

На протяжении всех лет работы в академии ее преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты с глубоким уважением относились и относятся к Талмасу Магсумовичу, поражаясь не только его научному и педагогическому дарованию, но и разносторонности личности ученого, его умению общаться с людьми, понимать и любить их.

Выступающие на конференции с поздравлениями и с научными докладами искренне желали Т.М.Гарипову долгих счастливых лет. Весь коллектив академии и редакция научного журнала, с которым Талмас Магсумович очень тесно сотрудничает, присоединяются к этим пожеланиям.

Вахитова Оксана Андреевна, ответственный секретарь научного журнала «Вестник ВЭГУ», г. Уфа; конт. инф.: vestnik@vegu.ru

УДК 93/94

Встреча в редакции журнала

В преддверии празднования в марте 2019 года 100-летия образования Республики Башкортостан журнал публикует материалы, посвященные этой знаменательной дате. Они касаются как исторических вех развития республики, так и ее современных проблем и судеб жителей края.

В начале октября этого года в Уфу приехал москвич Антон Олегович Черняк – потомок одного из видных революционеров, принимавших активное участие в становлении Советской власти в Урало-Поволжье, – Тимофея Степановича Кривова. А.О. Черняк активно исследует в архивах России историю своего рода, составляет семейную летопись и публикует в Интернете результаты изысканий. В ходе поездки по стране Уфа и Башкортостан были выбраны им неслучайно, так как с его прапрадедом, Т.С. Кривовым, связаны интересные страницы истории гражданской войны и государственного строительства на территории Республики Башкортостан.

Интерес к видному революционеру, деятелю партии большевиков со стороны ученых Академии ВЭГУ и функционирующей на ее базе Академии военных наук РФ по РБ связан с тем, что ими на протяжении десятилетий собираются, систематизируются и издаются документы, отражающие историю региона конца XIX–первой четверти XX века. В этих документах многократно упоминается Т.С.Кривов. Так, издательством Академии ВЭГУ выпущены такие сборники документов, протоколов и материалов, как: «Уфимский губернский революционный комитет. Ч. 1 (1911–1918)». Уфа, 2012; «Миграция военного времени (1914–1920) в Уфимской губернии». Уфа, 2015; «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)». Уфа, 2016; «Уфимский губернский революционный комитет. Ч. 2 (январь – май 1919)». Уфа, 2017; «Уфимская губернская чрезвычайная комиссия (1918–1922)». Уфа, 2018.

Инициатором этих исследований, руководителем авторских коллективов и составителем документальных сборников является ученый секретарь АВН по РБ, профессор Академии ВЭГУ Г.В.Мордвинцев. Он и пригласил потомка революционера на встречу в редакцию журнала «Вестник ВЭГУ» с тем, чтобы ознакомить его с результатами исследований и имеющимися публикациями о Т.С.Кривове.

Родившийся в Самарской губернии Тимофей Степанович Кривов (1886–1966) с 1903 года начал работать в Уфимских железнодорожных мастерских. Тогда же он включился в революционную работу, формы которой были в общем-то типичные для многих молодых революционеров (агитатор-пропагандист, кружковая работа, член боевой организации, участник вооруженных столкновений с царскими войсками и жандармами, член стачечного комитета). Естественно, что были и аресты, и нелегальное положение, эмиграция, встречи с В.И.Лениным и другими видными революционерами.

После Февральской революции 1917 года Т.С.Кривов возвращается с каторги в Уфу и становится членом исполкома Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов, железнодорожного районного комитета РСДРП (б), комиссаром рабочей милиции, входит в штаб Боевых организаций народного вооружения. В 1918 году он вошел в состав Уфимского губкома РКП (б).

В период Гражданской войны Т.С.Кривов – активный политработник Красной армии. После освобождения Уфы от белогвардейцев ведет работу в Уфимском губкоме РКП(б), в отделе труда Уфимского губревкома, в 1920 году становится председателем Уфимского губисполкома Советов. В конце 1920 г. он стал секретарем Уральского бюро ЦК РКП (б).

По инициативе В.И.Ленина переезжает в Москву, где активно трудится в структурах Центральной контрольной комиссии РКП(б) – ВКП (б), наркомата финансов РСФСР, был представителем ЦК ВКП (б) в Коминтерне. В годы Великой Отечественной войны работал в Уфе.

Биография Т.С.Кривова богата событиями и свершениями, его заслугами по праву гордятся потомки: делегат семи съездов партии, Герой социалистического труда, кавалер двух орденов Ленина (подробно о Т.С. Кривове см.: Асабин Г.П. Под знаменем революции. Уфа, 1991. С. 159–162).

В ходе беседы А.О.Черняк рассказал о том, что семья работает над книгой о Т.С.Кривове, в которой будет описана не только революционная и государственная стороны жизни знаменитого предка, но и личная, семейная жизнь революционера. Реализации этих планов способствует открытие доступа к закрытым фондам архивов. В этой связи была достигнута договоренность о взаимном сотрудничестве в работе над этой книгой.

Маринчак Наталья Юрьевна, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В.Г.Тимирязова, кандидат социологических наук, доцент, Республика Татарстан, г. Набережные Челны; конт. инф.: marinchak.natalya@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ АВТОРАМ

В научном журнале «Вестник ВЭГУ» публикуются статьи как известных ученых и специалистов-практиков, так и молодых исследователей, аспирантов и докторантов.

Рукописи статей с присвоенным индексом УДК принимаются в электронном виде (возможно и представление идентичного печатного варианта) на электронный адрес редакции.

Статья предваряется аннотацией, отражающей основную идею статьи (30–50 слов), и списком ключевых слов и выражений (5–7) на русском языке. Аннотация и ключевые слова размещаются перед основным текстом после заглавия статьи.

Рекомендуемый объем научной статьи: докторам наук – до 20 страниц, кандидатам наук и докторантам – 10–16 страниц, аспирантам – 8–10 страниц.

К рукописи статьи прикладывается рецензия, подписанная доктором наук, специалистом по научному направлению статьи, заверенная печатью по месту работы рецензента. Для авторов, не имеющих ученой степени, обязательно наличие двух рецензий, одна из которых (внешняя) – от доктора наук. Аспиранты и адъюнкты предоставляют рецензию, подписанную научным руководителем и заверенную по месту его работы.

В сведениях об авторе обязательно указываются фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, почетные звания российского и международного уровней (по желанию); должность и место работы с расшифровкой аббревиатур; контактный телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес (для отправки авторского экземпляра журнала).

Авторам рекомендуется в тексте статьи не злоупотреблять самоцитированием и цитированием статей, опубликованных в журнале «Вестник ВЭГУ» (не более двух сносок). Рекомендуется также использовать зарубежные источники и включать их в список использованной литературы.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят обязательное рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Отклоненные работы не возвращаются.

Технические требования к набору рукописи:

- шрифт Times New Roman, 14 pt;
- поля (сверху, снизу, слева, справа) – 2 см;
- отступ автоматический: для заголовка – нет, для текста – 1,27 см;
- межстрочный интервал – 1,5 (полуторный);
- рисунки и фотографии должны быть вставлены в текст, а в электронном виде представлены отдельными файлами в формате jpeg;
- пробелы везде одинаковые (между инициалами и фамилией пробелов нет).

В конце статьи помещается *Список использованных источников* на русском языке, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5-2008.

*Плата с аспирантов и адъюнктов за публикацию не взимается
(необходимо предоставить справку с места обучения)*

**Подробные требования к оформлению рукописей статей представлены на сайте
www.vestnik.vegu.ru**

**Телефон редакции: 8 (347) 241-55-56
E-mail: vestnik@vegu.ru**

Ответственность за достоверность информации, содержащейся
в статьях, несут их авторы, мнения
которых могут не совпадать
с точкой зрения редакции.
Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами
в соответствии с Законом РФ
«О средствах массовой
информации». При перепечатке
материала ссылка
на «Вестник ВЭГУ» обязательна
Уфа
2018

Редактор: Г.А.Рахимова
Компьютерная верстка:
А.В.Бабенкова
Перевод: Д.А.Галиева

Подписано в печать 23.10.2018 г.
Формат 60×90 ¹/₈.
Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 36.

Адрес издателя и редакции:
450071, г. Уфа,
ул. Менделеева, 215/4
Тел. (347) 241-55-56
web-сайт: www.vestnik.vegu.ru
e-mail: vestnik@vegu.ru

Типография Восточной экономико-юридической гуманитарной академии
(Академии ВЭГУ).

450105, г. Уфа, ул. М.Рыльского, 9/1
Свободная цена.

© Восточная экономико-юридическая
гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ), 2018

Федеральное государственное унитарное предприятие "Почта России" Ф СП - 1
 Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ На ~~газету~~ журнал
(индекс издания)

Вестник ВЭГУ
(наименование издания)

Количество комплектов

На 20 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому

Линия отреза

			ДОСТАВОЧНАЯ	<input type="text" value="81410"/>
ПВ	место	литер	КАРТОЧКА	<small>(индекс издания)</small>

На ~~газету~~ журнал **Вестник ВЭГУ**
(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	переадресовки	руб.	

На 20 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Город											
село											
почтовый индекс						область					
Район											
код улицы						улица					
дом				корпус				квартира			
Фамилия И.О.											